

ISSN 2499-9636

OECONOMIA ET IUS

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 1 2026

Научный журнал

Основан в июле 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

Александров Андрей Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Заместители главного редактора

Тасаков Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Кадышев Евгений Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Ульяновск)

Барабанова Светлана Васильевна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Галазова Светлана Сергеевна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Владикавказ)

Голиченко Олег Георгиевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Гошуляк Виталий Владимирович, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

Гришковец Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Данилов Иван Петрович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Ефимцева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Оренбург)

Кванина Валентина Вячеславовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Челябинск)

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Ларионова Нина Ивановна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Линьярес Эрик, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Лукьянов Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Мельник Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Казань)

Осинцев Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Петров Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Подольный Николай Александрович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Саранск)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Румянцев Федор Полиектович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Элиста)

Салиева Роза Наильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Терехин Владимир Вячеславович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Туманов Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саратов)

Хавьер Фернандо Сезар Коста, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Харламов Андрей Викторович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Худойкина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саранск)

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Шагиева Розалина Васильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Шамин Анатолий Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Княгинино)

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15
Тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru
<http://oecomia-et-jus.ru>

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ПОКОЛЕНИЯ Z НА КАДРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

Ключевые слова: государственная гражданская служба, поколение Z, молодые кадры государственной службы, развитие государственной службы, цифровые компетенции.

Трансформация государственной гражданской службы в условиях цифровизации актуализирует проблему интеграции молодежи. Ценностные ориентиры поколения Z, такие как запрос на осмысленность труда, гибкость и цифровую коммуникацию, вступают в системное противоречие с традиционными кадровыми процессами. Актуальность исследования усиливается общероссийскими трендами, выявленными экспертами: увеличение среднего возраста госслужащих, ограниченный приток молодежи и высокая текучесть кадров свидетельствуют о снижении привлекательности госслужбы как работодателя и создают риск для кадрового потенциала государства.

Цель исследования – разработка комплекса практических механизмов адаптации кадровых процессов в системе государственной гражданской службы Российской Федерации на основе анализа доминирующих ценностей поколения Z.

Материалы и методы. В работе применялись теоретический анализ, аналитический и экспертный методы, а также контент-анализ содержания официальных порталов органов государственной власти. Использовались материалы нормативно-правовых актов, научная литература и аналитические публикации.

Результаты. Систематизированы ключевые противоречия между ожиданиями поколения Z и институциональными устоями государственной гражданской службы, представленные в виде аналитической таблицы. Доказано, что кадровые ожидания поколения Z формируют системный вызов, вынуждающий органы власти искать адаптивные решения. В качестве успешного регионального кейса детально проанализирован опыт Чувашской Республики, где сформирован комплексный подход, включающий: интеграцию молодежи в федеральный проект «Профразвитие» с индивидуальными карьерными треками; создание Центра развития компетенций государственных и муниципальных служащих, ориентированного на практико-ориентированные программы; развитие цифрового канала коммуникации «ГосКод21» в социальных сетях, а также институционализацию качественного наставничества через ежегодный конкурс «Лучший наставник года».

Выводы. Предложен взаимосвязанный комплекс механизмов адаптации, требующий не точечных изменений, а системной трансформации кадровой политики. Ключевые направления включают: внедрение цифровых профилей компетенций и карьерных «навигаторов» на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта для персонализации траекторий развития; разработку и законодательное закрепление гибкого «модульного трудового контракта», сочетающего постоянные обязанности с проектными задачами; создание системы предиктивной аналитики кадрового потенциала, интегрированной с образовательными платформами для опережающей подготовки кадров. Реализация данных предложений будет способствовать переходу к клиентоцентричной модели управления персоналом в госслужбе, повышая ее конкурентоспособность на рынке труда и обеспечивая долгосрочное кадровое обновление.

Введение. Сфера государственной гражданской службы в Российской Федерации в настоящее время претерпевает масштабную модернизацию системы публичного управления, целями которой являются повышение ее эффективности

и адаптация к вызовам цифровой эпохи. Этот процесс инициирован не только технологическими изменениями, но и объективной необходимостью обновления кадрового потенциала, в том числе за счет привлечения молодых специалистов на государственную гражданскую службу. Демографические сдвиги делают этот процесс не просто желательным, а объективно неизбежным. В начале 2024 г. был опубликован прогноз Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по балансу трудовых ресурсов на 2024–2026 гг., согласно которому в 2025 г. поколение 1995–2014 гг. рождения должно было составить 34,2% от общих трудовых ресурсов страны – 91,94 млн человек [2].

Интеграция представителей поколения Z, рожденных на стыке тысячелетий, в уже сформированную и устоявшуюся систему государственного управления превращается в стратегическую задачу. Законодательная база, включая Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ¹, а также национальные цели развития, заданные указами Президента, формируют рамочные условия для этой работы, фокусируясь на гарантиях в сфере занятости и профессионального развития молодежи.

Однако процесс привлечения молодых специалистов сопряжен с системными противоречиями. Ценностные ориентиры поколения Z, такие как запрос на осмысленность труда, цифровую вовлеченность, гибкость форматов занятости и постоянную развивающую обратную связь, плохо совместимы с традиционными кадровыми процессами госслужбы. Эти процессы исторически зиждятся на принципах иерархии, строгой регламентации и стабильности. Возникает глубинный диссонанс. Он способен привести к оттоку перспективных молодых кадров в коммерческий сектор, где их ожидания находят более быстрый отклик. Проблема усугубляется тем, что, как констатирует издание «Коммерсантъ», текучесть кадров среди молодых специалистов поколения Z объективно выше, чем у предыдущих поколений [3]. Это указывает не на их нелояльность, а на неспособность традиционных институтов создать адекватные условия для удержания и эффективной интеграции новой рабочей силы.

Актуальность анализа влияния ценностей поколения Z выходит за рамки кадровой проблематики, становясь вопросом эффективности всего публичного управления. Речь идет не о простой замене одних инструментов на другие, а о более глубокой трансформации подходов к управлению персоналом. Успех заявленной трансформации государственного аппарата будет напрямую зависеть от того, насколько кадровая политика и конкретные HR-процедуры сумеют эволюционировать. Требуется глубокий пересмотр подходов к найму, адаптации, мотивации и карьерному развитию персонала на государственной гражданской службе.

Цель исследования – разработка комплекса практических механизмов адаптации кадровых процессов в системе государственной гражданской службы Российской Федерации на основе анализа доминирующих ценностей поколения Z.

Материалы и методы. При изучении влияния ценностных ориентиров поколения Z на кадровые процессы государственной гражданской службы в условиях ее цифровой трансформации применялись теоретический анализ,

¹ О молодежной политике в Российской Федерации: Фед. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ [Электронный ресурс] // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192>.

сравнительный и экспертный методы, а также контент-анализ официальных порталов органов государственной власти. В работе использовались материалы нормативно-правовых актов, научной литературы и аналитических публикаций, посвященных поколенческим исследованиям и управлению персоналом в публичном секторе.

Результаты исследования. Представители поколения Z уже в полной мере включены в профессиональную деятельность и реализуют свой трудовой потенциал в выбранной сфере, в том числе в системе государственного и муниципального управления, выступают в общественных взаимоотношениях не пассивными адаптантами, а активными агентами институциональных изменений.

Такое влияние на кадровые процессы носит характер системного вызова, проистекающего из фундаментального ценностного разрыва между новым поколением и сложившимися административными практиками [11]. Это воздействие реализуется не через формализованные требования, а через саму логику поведения на рынке труда: высокие запросы к работодателю, готовность к смене работы при несоответствии ожиданий и иные модели профессиональной социализации. Данные условия вынуждают систему адаптироваться к ценностным запросам и поведенческим установкам молодых людей. Основные противоречия между ценностями поколения Z и институциональными барьерами в государственной гражданской службе представлены в таблице.

Ключевые противоречия между ценностями поколения Z и традиционной кадровой моделью государственной гражданской службы

Доминирующая ценность поколения Z	Ожидание от работы и работодателя	Традиционная практика
1. Осмысленность труда и социальное влияние	Стремление видеть конкретный, измеримый результат своих усилий, понимать свой вклад в решение общественно значимых задач	Восприятие госслужбы как системы, где процессы превалируют над результатом, а индивидуальный вклад растворяется в коллективной ответственности и длительных бюрократических процедурах
2. Гибкость и автономия	1. Запрос на гибридный (очно-дистанционный) формат работы, гибкий график, оценку по выполненным задачам и ключевым показателям эффективности (KPI). 2. Ценность контроля над своим временем	1. Жесткая регламентация рабочего дня, ненормированный режим. 2. Внутренние регламенты не предусматривают легальные механизмы гибкой занятости для широкого круга должностей
3. Непрерывное развитие и обратная связь	1. Ожидание постоянного профессионального и личного роста, доступ к цифровым курсам и стажировкам. 2. Потребность в регулярной (не раз в 3 года) развивающей обратной связи от руководителя, а не формальной аттестации	1. Устоявшаяся система повышения квалификации часто носит формальный, разовый, унифицированный характер. 2. Обратная связь сводится к ежегодным оценочным процедурам или отсутствует вовсе. 3. Карьерный рост чаще всего связан со стажем, нежели чем с компетенциями и результатами
4. Оперативная коммуникация и прозрачность	Естественная среда – коммуникации в мессенджерах и корпоративных соцсетях, быстрый обмен информацией в цифровых пространствах	1. Закрытая иерархическая культура коммуникаций, общение через бумажные докладные записки или систему электронного документооборота (СЭД). 2. Длительные цепочки согласований для принятия решений

Ценностные ориентации данного поколения, выросшего в условиях цифровизации, характеризуются выраженной эгалитарностью, прагматизмом и ориентацией на самореализацию [4]. В трудовой сфере это выражается в конкретных ожиданиях: работа должна обладать осмысленностью и социальной полезностью, обеспечивать условия для постоянного развития и гарантировать баланс между профессиональной и личной жизнью, значимый для 49% опрошенных молодых людей [10].

Эмпирические исследования подтверждают, что российская молодежь демонстрирует ярко выраженную ориентацию на ценности самореализации и личностного роста. При этом они ожидают, что самообразование будет поощряться представителем нанимателя на гражданской службе и/или работодателем в коммерческом секторе. Согласно данным, приведенным в статье журнала *Forbes*, около 44% респондентов отмечают, что при выборе работодателя важным фактором является поддержка обучения со стороны руководства [10].

Помимо этого, представители поколения Z считают одними из важных качеств в человеке независимость, креативность и критическое мышление, в то время как послушание ценится значительно меньше. Это коррелирует с их профессиональными ожиданиями: труд должен обеспечивать личностный рост и признание, а не сводиться к выполнению рутинных повторяющихся функций, которые можно было бы автоматизировать.

В контексте государственной гражданской службы ценностная ориентация представлений поколения Z формирует принципиально иную мотивационную модель осуществления трудовых отношений. Если для более старших поколений госслужба традиционно воспринималась как сфера гарантированной стабильности, долгосрочной карьеры и социальной защищенности, то для молодых россиян она становится одним из многих вариантов профессиональной реализации, которая конкурирует с предпринимательством, коммерческим сектором и фрилансом. Классическое понимание служебной деятельности в некоторой мере трансформируется под влиянием сформировавшихся ценностных установок: стремления к автономии и опоры только на собственные силы и возможности. Это выражается в скептическом отношении к иерархическим и жестко регламентированным карьерным траекториям, которые характерны для традиционной модели государственной гражданской службы. В случае непредвиденных обстоятельств возможна кардинальная смена профессиональной роли в рамках трудовых отношений [1, 6]. Демонстрируется готовность к горизонтальной мобильности вместо ожидания пожизненного найма и постепенного карьерного роста в рамках одного предприятия. Это суждение подтверждается исследовательскими данными *Hi-Tech Mail*, согласно которым значительная часть молодежи рассматривает предпринимательство или самозанятость как предпочтительную альтернативу работе по служебному контракту или трудовому договору [9].

На институциональные устои государственной гражданской службы также оказывает влияние и цифровая социализация представителей поколения Z, во многом определившая их становление. Особую важность приобрели такие понятия, как умение критически оценивать и обрабатывать информацию,

соблюдение цифровой этики в информационном пространстве, обеспечение собственной кибербезопасности [5]. Без знания этих норм современный госслужащий не сможет в полной мере выполнять должностные обязанности, поскольку деятельность практически каждого работника тесно связана с использованием технических устройств и цифровой среды.

Однако сформированные в условиях мгновенного доступа к информации и сетевого взаимодействия стандарты коммуникации данного поколения вступают в системное противоречие с традиционной культурой информационного обмена в органах государственной власти. Опыт жизни в цифровой среде, где преобладают горизонтальные и неформальные связи, формирует у молодых специалистов устойчивые ожидания аналогичных принципов в профессиональной деятельности. В организационном контексте государственной службы это выражается в запросе на прямые и оперативные коммуникации, минимизирующие многоуровневые согласования, а также в требовании прозрачности процессов и доступности данных, необходимых для работы. Нетерпимость к избыточной бюрократической формализации, воспринимаемой как искусственный барьер, проистекает из привычки к цифровому решению задач, где бумажный документооборот рассматривается как архаичная и неэффективная практика [8]. Цифровая социализация создает для государственной службы вызов, требующий не только технологической модернизации инфраструктуры, но и глубокой трансформации административных регламентов, легитимизирующих устаревшие процессуальные нормы.

Органы государственной власти осознают растущую роль представителей поколения Z на рынке труда, в связи с чем вынуждены отвечать на конкретные запросы молодых специалистов и искать адаптивные решения. Пилотные проекты и новые практики в ряде субъектов Российской Федерации становятся передовыми. Так, опыт одного региона по внедрению инноваций может быть успешно перенят другим и адаптирован под региональные условия и особенности.

Рассмотрим практики адаптации молодых специалистов на государственной гражданской службе, отвечающие ключевым требованиям поколения Z к работодателю, на примере Чувашской Республики.

Потребность в персонализированном, доступном и технологичном обучении нашла отражение в активном включении молодежи Чувашской Республики в федеральный проект «Профразвитие» президентской платформы «Россия – страна возможностей» [7]. Проект предлагает «индивидуальные карьерные треки», включающие онлайн-курсы, диагностику навыков и консультации с наставниками. Такая стратегия напрямую коррелирует с ожиданиями представителей поколения Z в сфере саморазвития. В качестве адаптивного механизма выступает организация стажировок, в том числе в органах государственной власти. В частности, в рамках проекта «Профразвитие» для участников из Чувашии доступна стажерская программа Форумной дирекции Росмолодежи, позволяющая не только получить практический, проектный опыт в сфере госуправления, но и оценить потенциальное место работы, минуя длительные процедуры формального трудоустройства.

В Чувашской Республике формируется комплексная система профессионального развития впервые поступивших государственных и муниципальных служащих. Ключевым элементом этой системы является созданный в декабре 2024 г. Центр развития компетенций государственных гражданских и муниципальных служащих Чувашской Республики. Учреждение Центра реализует поручение Президента России о формировании единой системы дополнительного профессионального образования в сфере публичной власти. Его ключевая цель заключается в повышении эффективности работы государственных структур за счет формирования единой системы обучения, разработки современных образовательных программ и роста вовлеченности служащих.

Образовательные программы Центра, разрабатываемые в партнерстве с ведущими вузами республики и РАНХиГС, носят выраженную практическую ориентацию на решение актуальных задач. Для слушателей предлагаются не только современные курсы, но и индивидуальные траектории развития, сопровождаемые карьерным консультированием. Важной задачей Центра также является популяризация государственной службы среди населения и выстраивание открытого диалога для укрепления доверия к институтам власти.

Для обеспечения непрерывности обучения и оперативного информирования в цифровой среде Управление государственной гражданской службы, кадровой политики и государственных наград Администрации Главы Чувашской Республики курирует специальный информационный интернет-портал «ГосКод21» в социальных сетях Telegram и ВКонтакте. Этот ресурс служит платформой для освещения новых образовательных программ, карьерных возможностей, а также для развития надпрофессиональных навыков и обмена актуальными практиками среди служащих. «ГосКод21» обеспечивает легкодоступный канал коммуникации, что соответствует привычным для поколения Z форматам получения информации.

Для представителей поколения Z, поступающих на государственную гражданскую службу, институт наставничества имеет критическое значение, так как обеспечивает не только профессиональную адаптацию, но и развивающую обратную связь, тем самым заменяя формальный контроль. Эффективность этой системы напрямую зависит от компетенции и личной вовлеченности наставников, которые должны выступать проводниками не только знаний, но и ценностей службы. Для формального закрепления и стимулирования такой качественной работы в Чувашской Республике постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 27 августа 2025 г. № 475¹ был учрежден ежегодный конкурс «Лучший наставник года». Данный механизм призван выявлять и поощрять наиболее эффективных наставников, создавая эталонные практики и мотивируя опытных служащих к передаче опыта. Для молодых специалистов это формирует предсказуемую и структурированную среду поддержки, повышая доверие к системе и способствуя их долгосрочной профессиональной интеграции.

¹ Об утверждении Положения о конкурсе «Лучший наставник года на государственной гражданской службе Чувашской Республики»: постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 27.08.2025 № 475 [Электронный ресурс] // Гарант: сайт. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/chuvashia/1867084>.

Выводы. На основе проведенного анализа предложен комплекс практических механизмов адаптации кадровых процессов, ориентированный на системную работу с поколением Z в органах государственной власти:

– внедрение цифровых профилей компетенций и карьерных «навигаторов» на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта. Такая инновация позволит автоматизировать и ускорить процесс сопоставления личностных качеств, профессиональных навыков и карьерных ожиданий кандидата с актуальными вакансиями и проектными задачами внутри госслужбы в рамках конкретной должности. Ожидается, что это создаст для молодого госслужащего персонализированные траектории развития с первого дня работы и снизит возможные риски выгорания на рутинных задачах;

– разработка и законодательное закрепление формата «модульного трудового контракта» для молодых специалистов. Такой контракт должен сочетать фиксированную часть, связанную с исполнением должностных обязанностей, и переменный проектный модуль, позволяющий сотруднику участвовать в ограниченных по времени межведомственных рабочих группах или гибких проектах. Такая форма трудовых отношений отвечает запросам молодых специалистов на разнообразие в рабочих процессах, видимый и четко определенный результат и горизонтальное межведомственное взаимодействие;

– создание системы предиктивной аналитики кадрового потенциала, интегрированной с образовательными цифровыми платформами. Система должна анализировать успешность выпускников конкретных программ и прогнозировать их эффективность на различных должностях в формате интерактивных аналитических панелей (дашбордов) и в режиме реального времени корректировать учебные курсы, обеспечивая точечную подготовку кадров под будущие управленческие задачи.

Литература

1. Бельская Ю.В., Борисова А.А., Хохолуш М.С. Поколение «Z» на рынке труда: к чему быть готовым HR-системам? // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 1. С. 85–96. DOI: 10.18334/et.10.1.117049.
2. В компаниях растет число молодых соискателей без опыта работы и подростков [Электронный ресурс] // Ведомости: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2024/05/21/1038367-v-kompaniyah-rastet-chislo-molodih-soiskatelei-bez-opita-raboti-i-podrostkov>.
3. Владельцы компаний – о текучке среди зуммеров [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7460137>.
4. Глебова И.С., Воробьев А.А., Хабибрахманова Р.Р. Современные ценности поколения Z в сравнительном анализе молодежи России и Китая: мифы и реалии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 1(64). С. 51–61. DOI: 10.26907/2079-5912.2024.1.51-61.
5. Зырянов Д.А., Крутько И.С. Актуальность использования социальных медиаплатформ для взаимодействия с молодежью // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 210–215.
6. Особенности влияния поколения зуммеров на трансформацию моделей кадрового менеджмента / А.А. Вертинова, Н.Р. Папук, В.А. Лукьянова, Л.Е. Садовская // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 8. С. 1793–1810. DOI: 10.18334/lim.12.8.123427.
7. От мечты к профессии: стартует третий сезон проекта «Профразвитие» для молодежи Чувашской Республики [Электронный ресурс] // Управление Главы Чувашской Республики по молодежной политике: сайт. URL: <https://molod.cap.ru/news/2025/04/16/ot-mechti-k-professii-st>.
8. Парфенова Е.А. Будущее государственной службы: зарубежные подходы к исследованию поколений // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 55–68.

9. Поколение Z меняет рынок труда в России: эксперты предупреждают о рисках для экономики [Электронный ресурс] // Hi-Tech Mail.ru: сайт. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/137621-zumerov-nazvali-glavnoj-ugrozoi-ekonomiki-rossii/>.

10. Приманка для зумера: почему у молодежи меняется мотивация и как с этим работать [Электронный ресурс] // Forbes.ru: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/543131-primanka-dla-zumera-pocemu-u-molodezi-menaetsa-motivacia-i-kak-s-etim-rabotat>.

11. Родюкова Т.Н. Привлечение и удержание молодых специалистов как способ решения кадровых проблем на государственной гражданской и муниципальной службе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 91–95.

АНТОНОВСКАЯ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и региональной экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (buaynova-e@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-8427>).

ВАСИЛЬЕВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА – студентка IV курса экономического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (yuvami@yandex.ru).

Elena A. ANTONOVSKAYA, Yuliya M. VASILEVA

THE IMPACT OF GENERATION Z VALUES ON PERSONNEL PROCESSES IN THE CONTEXT OF CIVIL SERVICE TRANSFORMATION

Key words: civil service, generation Z, young civil service personnel, civil service development, digital competencies.

Civil service transformation in the context of digitalization actualizes the problem of youth integration. The values of Generation Z, such as the demand for meaningful work, flexibility, and digital communication, are in systemic conflict with traditional HR processes. The relevance of the study is reinforced by the all-Russian trends identified by experts: an increase in the average age of civil servants, a limited influx of young people and high staff turnover indicate a decrease in the attractiveness of the civil service as an employer and pose a risk to the state's human resources potential.

The purpose of the study is to develop a set of practical mechanisms for adapting personnel processes in the system of the state civil service of the Russian Federation based on the analysis of the core values of generation Z.

Materials and methods. The work applied the theoretical analysis, analytical and expert methods, as well as content analysis of official government websites. The materials of regulatory legal acts, scientific literature and analytical publications were used.

Results. The key contradictions between the expectations of generation Z and the institutional foundations of the civil service are systematized, presented in the form of an analytical table. The personnel expectations of generation Z are proved to form a systemic challenge, forcing authorities to look for adaptive solutions. As a successful regional case, the experience of the Chuvash Republic was analyzed in detail, where an integrated approach was formed, including: integration of the youth into the federal project "Professional Development" with individual career tracks; creation of a Competence Development Center for government and municipal employees focused on practice-oriented programs; development of the digital communication channel "GosKod21" in social networks, as well as institutionalization of quality mentoring through the annual "Best Mentor of the Year" competition.

Conclusions. An integrated set of adaptation mechanisms has been proposed, requiring not isolated changes but a systemic transformation of human resources policy. Key areas include: introducing digital competence profiles and career "navigators" based on big data and artificial intelligence technologies to personalize development trajectories; development and legislative consolidation of a flexible "modular employment contract" combining permanent responsibilities with project tasks; creating a predictive analytics system for human resources integrated with educational platforms for advanced training. Implementation of these proposals will facilitate the transition to a client-centered model of personnel management in the civil service, increasing its competitiveness in the labor market and ensuring long-term personnel renewal.

References

1. Bel'skaya Yu.V., Borisova A.A., Khokholush M.S. *Pokolenie «Z» na rynke truda: k chemu byt' gotovym HR-sistemam?* [Generation "Z" in the labor market: what should HR systems be prepared for?] *Ekonomika truda*, 2023, vol. 10, no. 1, pp. 85–96. DOI 10.18334/et.10.1.117049.
2. *V kompaniyakh rastet chislo molodykh soiskatelei bez opyta raboty i podrostkov* [The number of young job seekers without work experience and teenagers is growing in companies]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2024/05/21/1038367-v-kompaniyah-rastet-chislo-molodih-soiskatelei-bez-opita-raboti-i-podrostkov>.
3. *Vladel'tsy kompanii – o tekuchke sredi zummerov* [Company owners – about turnover among zoomers]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7460137>.
4. Glebova I.S., Vorob'ev A.A., Khabibrakhmanova R.R. *Sovremennyye tsennosti pokoleniya Z v sravnitel'nom analize molodezhi Rossii i Kitaya: mify i realii* [Modern values of Generation Z in a comparative analysis of the youth of Russia and China: myths and realities]. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik*, 2024, no. 1(64), pp. 51–61. DOI: 10.26907/2079-5912.2024.1.51-61.
5. Zyryanov D.A., Krut'ko I.S. *Aktual'nost' ispol'zovaniya sotsial'nykh media platform dlya vzaimodeistviya s molodezh'yu* [Relevance of social media platforms for interaction with youth]. In: *Innovatsionnyi potentsial molodezhi: sport, kul'tura, obrazovanie* [Innovative potential of youth: sport, culture, education]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2022, pp. 210–215.
6. Vertinova A.A., Pashuk N.R., Luk'yanova V.A., Sadovskaya L.E. *Osobennosti vliyaniya pokoleniya zumerov na transformatsiyu modelei kadrovogo menedzhmenta* [Features of the influence of the zoom generation on the transformation of HR management models]. *Liderstvo i menedzhment*, 2025, vol. 12, no. 8, pp. 1793–1810. DOI: 10.18334/lim.12.8.123427.
7. *Ot mechty k professii: startuet tretii sezon proekta «Profrazvitiye» dlya molodezhi Chuvashskoi Respubliki* [From a dream to a profession: the third season of the Professional Development project for the youth of the Chuvash Republic starts]. Available at: <https://molod.cap.ru/news/2025/04/16/ot-mechty-k-professii-st>.
8. Parfenova E.A. *Budushchee gosudarstvennoi sluzhby: zarubezhnye podkhody k issledovaniyu pokolenii* [The Future of Public service: Foreign approaches to generational research]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 55–68.
9. *Pokolenie Z menyaet rynek truda v Rossii: eksperty preduprezhdayut o riskakh dlya ekonomiki* [Generation Z is changing the labor market in Russia: experts warn of risks to the economy]. Available at: <https://hi-tech.mail.ru/news/137621-zumerov-nazvali-glavnoj-ugrozoj-ekonomiki-rossii/>.
10. *Primanka dlya zumera: pochemu u molodezhi menyaetsya motivatsiya i kak s etim rabotat'* [The Zoomer Bait: Why young people's motivation is changing and how to work with it]. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya/543131-primanka-dla-zumera-pocemu-u-molodezi-menaetsa-motivacia-i-kak-s-etim-rabotat>.
11. Rodyukova T.N. *Privlechenie i uderzhanie molodykh spetsialistov kak sposob resheniya kadrovyykh problem na gosudarstvennoi grazhdanskoi i munitsipal'noi sluzhbe* [Attracting and retaining young professionals as a way to solve personnel problems in the state civil and municipal service]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2022, no. 12, pp. 91–95.

ELENA A. ANTONOVSKAYA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration and Regional Economics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (buyanova-e@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-8427>).

YULIYA M. VASILEVA – 4th year Student, Economics Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (yuvami@yandex.ru).

Формат цитирования: Антоновская Е.А., Васильева Ю.М. Влияние ценностей поколения Z на кадровые процессы в условиях трансформации государственной гражданской службы [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 1. С. 1–9. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/1>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-1-9.

DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-10-18

УДК 336.221.4(100):364.144 + [336.226:338.24.021.8](470)

ББК У261.4:У5-94 + У261.41-183(2Рос)

И.А. ИВАНОВА

МИРОВОЙ ОПЫТ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ И НЕРАВЕНСТВА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: мировой опыт перераспределения доходов, неравенство, бедность, уровень бедности, распределение доходов между богатыми и бедными, социальная справедливость, благополучие населения, малообеспеченные граждане.

Проблема социально-экономического неравенства и бедности остается одним из ключевых вызовов для глобального развития. В ответ на это государства применяют комплекс мер фискальной и социальной политики, направленных на перераспределение доходов. Для России, характеризующейся высоким уровнем неравенства, адаптация этого опыта является особенно актуальной в свете начавшейся в 2025 г. масштабной налоговой реформы – перехода к прогрессивной шкале налога на доходы физических лиц.

Цель исследования – анализ мирового опыта перераспределения доходов для преодоления бедности и неравенства и оценка возможностей его адаптации в Российской Федерации.

Материалы и методы. Исследование основано на сравнительном анализе моделей перераспределения доходов, применяемых в странах с различной социально-экономической структурой (скандинавская, континентальная, англосаксонская, латиноамериканская). Используются методы системного подхода, сравнительного анализа для оценки эффективности налоговых и социальных механизмов в зарубежных странах и возможности их применения в современных российских условиях.

Результаты. На основе сравнительного анализа моделей государственного перераспределения доходов (скандинавской, континентальной, англосаксонской, латиноамериканской) систематизированы ключевые инструменты мировой практики. Выделены два основных канала: фискальный (прогрессивный налог на доходы физических лиц, налоги на имущество, наследство, капитал) и социальный (адресные денежные трансферты, социальное страхование, универсальные услуги). Установлено, что максимальная эффективность достигается при их комбинированном применении. В контексте российской реформы 2025 г. (переход к пятиступенчатой шкале налога на доходы физических лиц) проведена оценка нового налогового механизма. Выявлено, что, создавая институциональную основу, реформа обладает ограниченным перераспределительным потенциалом из-за умеренной прогрессии (ставки 13–22%), половинчатого подхода к налогообложению пассивных доходов (13/15%), фрагментарности адресной поддержки и отсутствия прямого воздействия на качество социальных услуг.

Выводы. Для значимого снижения бедности и неравенства необходимы комплексные модели перераспределения доходов и корректировки концентрации богатства, синтезирующие фискальные и социальные инструменты. Оценка возможностей адаптации этого опыта в России показывает, что введенная прогрессивная шкала налога на доходы физических лиц является необходимым, но лишь начальным этапом реформы. Для реализации ее потенциала требуются дальнейшие последовательные шаги по трем приоритетным направлениям: 1) эволюционное усиление налоговой прогрессии и развитие налогообложения богатства (имущество, наследство); 2) построение национальной системы адресной социальной помощи, основанной на проверке нуждаемости; 3) целевое увеличение инвестиций в качество и доступность ключевых публичных услуг – здравоохранения и образования.

Введение. Проблема преодоления социально-экономического неравенства и бедности является одной из наиболее значимых в контексте глобального и национального развития. Устойчиво высокий разрыв в доходах и уровне

жизни между различными группами населения не только подрывает социальную справедливость, но и создает риски для экономической стабильности и общественного благополучия. В связи с этим центральное значение приобретает государственная политика перераспределения доходов, представляющая собой комплекс фискальных и социальных механизмов, направленных на корректировку рыночного распределения ресурсов.

Актуальность исследования международного опыта в данной сфере для Российской Федерации многократно возрастает в свете изменения фискальной политики, а именно – перехода с 2025 г. к прогрессивной шкале налога на доходы физических лиц. Эта реформа знаменует собой принципиальный отказ от плоской шкалы и создает новую институциональную основу для построения более справедливой системы. Однако само по себе такое нововведение не гарантирует достижения значимых результатов в сокращении бедности и неравенства. Для этого требуется комплексный подход, основанный на синтезе проверенных мировых практик и адаптации их к национальным социально-экономическим условиям, структурным особенностям экономики и сложившимся общественным институтам.

Целью исследования является анализ мирового опыта перераспределения доходов для преодоления бедности и неравенства и оценка возможностей его адаптации в Российской Федерации.

Материалы и методы. Исследование основано на сравнительном анализе моделей перераспределения доходов, применяемых в странах с различной социально-экономической структурой (скандинавская, континентальная, англосаксонская, латиноамериканская). Используются методы системного подхода, сравнительного анализа для оценки эффективности налоговых и социальных механизмов в зарубежных странах и возможности их применения в современных российских условиях.

Результаты исследования. Проблема социально-экономического неравенства и бедности остается одним из наиболее острых вызовов современности. Увеличение разрыва в доходах между богатыми и бедными слоями населения, фиксируемое даже в экономически развитых странах, порождает риски для социальной стабильности, экономического роста и общественного благополучия. В ответ на эти вызовы государства по всему миру разрабатывают и реализуют комплекс мер фискальной и социальной политики, направленных на перераспределение доходов.

Целью таких мер является не простое «изъятие и раздача», а создание более справедливой и инклюзивной экономической системы, которая обеспечивает равные возможности и достойный уровень жизни для всех граждан. В мировой практике накоплен обширный набор инструментов – от прогрессивного налогообложения и систем социальных трансфертов до программ активной поддержки занятости [2].

Для России, входящей в число стран с высоким уровнем неравенства по коэффициенту Джини, изучение и адаптация этого опыта является необходимостью. Успешное применение зарубежных моделей требует тщательного учета

национальной специфики, включая структуру экономики, эффективность государственных институтов, демографические тенденции и сложившуюся социальную контрактную модель [3. С. 42].

Мировая практика предлагает два основных канала перераспределения: фискальный – через налоговую систему и социальный – через систему государственных расходов. Наиболее эффективные модели предполагают их комбинированное использование.

Налоговые механизмы перераспределения доходов – это «приточная» часть системы, которая формирует ресурсы для социальной поддержки и напрямую корректирует неравенство за счет прогрессивности.

Прогрессивный подоходный налог – это классический инструмент, при котором ставка налога растет вместе с доходом налогоплательщика. Например, в странах Северной Европы (Швеция, Дания) действуют сложные прогрессивные шкалы с предельными ставками до 55–60%. В США федеральная ставка достигает 37%. Это позволяет аккумулировать значительные средства в бюджете для их последующего перераспределения [9].

Налоги на имущество и наследство направлены на снижение концентрации богатства, передаваемого из поколения в поколение. Высокие ставки налога на наследство действуют в Японии – 55%, Франции – 45%, Южной Кореи – 50%. Это не только источник доходов, но и инструмент повышения социальной мобильности [1. С. 56].

Также необходимо рассмотреть корпоративные налоги и налоги на капитал. Споры о справедливом налогообложении капитала и прибыли корпораций особенно актуальны в последние годы. Инициативы по установлению глобального минимального налога для крупных компаний на уровне 15% и повышенные налоги на сверхприбыль направлены на то, чтобы бизнес вносил больший вклад в общественное благо.

Сравнительный анализ моделей перераспределения доходов в разных странах представлен в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей перераспределения доходов в разных странах

Модель (страна)	Ключевые налоговые инструменты	Ключевые социальные инструменты	Основной эффект / Цель
Скандинавская (Швеция)	Высокопрогрессивный НДФЛ, высокие налоги на имущество	Универсальные услуги (образование, здравоохранение), высокие пособия по безработице	Сглаживание неравенства, обеспечение высокого качества жизни для всех
Континентальная (Германия)	Прогрессивный НДФЛ, высокие социальные взносы	Сильная система социального страхования, поддержка семьи	Защита от стандартных социальных рисков (старость, болезнь, безработица)
Англосаксонская (США)	Умеренно-прогрессивный НДФЛ, низкие налоги на наследство	Адресные программы (налоговые кредиты для бедных – EITC), продовольственные талоны (SNAP)	Поддержка работающей бедноты, минимальное вмешательство в рынок
Латиноамериканская (Бразилия)	Низкая эффективная прогрессия в налогах	Крупномасштабные условные денежные трансферты (Bolsa Família)	Прямая борьба с крайней бедностью

Также существуют и социальные механизмы перераспределения доходов в зарубежных странах. Это «отточная» часть системы, которая непосредственно поддерживает доходы наименее защищенных групп.

Условные и безусловные денежные трансферты включают в себя прямые выплаты гражданам.

Условные трансферты привязаны к определенным действиям, например, к посещению школы детьми, прохождению медосмотров. Так, программа *Bolsa Família* в Бразилии помогла миллионам семей выйти из крайней бедности [4].

Безусловные базовые доходы (UBI) или его аналоги тестируются в разных странах, таких как Финляндия, Канада, также проводятся эксперименты в Кении. Они являются способом борьбы с бедностью в условиях цифровизации.

Система социального страхования включает финансируемые за счет взносов работников и работодателей пенсии, пособия по безработице и болезни. Эта модель характерна для Германии, Франции, Австрии. Она обеспечивает высокий уровень защиты работающего населения.

Также в зарубежных странах существуют универсальные социальные услуги, включая предоставление бесплатных или субсидируемых услуг в ключевых сферах – здравоохранение, образование, дошкольное воспитание. Скандинавская модель демонстрирует, что всеобщий доступ к качественным публичным услугам является мощнейшим инструментом выравнивания возможностей и снижения будущих рисков бедности [10. С. 108].

Рассмотрим возможности применения мирового опыта перераспределения доходов для преодоления бедности и неравенства в России.

Введение с 2025 г. пятиступенчатой прогрессивной шкалы НДФЛ знаменует собой кардинальный сдвиг в фискальной политике России, направленный на усиление перераспределительной функции налоговой системы. Этот шаг позволяет по-новому оценить потенциал применения мирового опыта, так как Россия теперь в большей степени соответствует общемировой практике налогообложения личных доходов.

Анализ новой системы и ее перераспределительного эффекта позволяет сделать несколько важных выводов. Суть изменения заключается в фундаментальном отказе от плоской шкалы в пользу прогрессивной, которая исторически является стандартом для стран с сильной социальной политикой. Новые ставки от 13% до 22% для основных доходов создают классический механизм, при котором фискальная нагрузка постепенно возрастает для высокодоходных групп населения.

При сравнении с мировым опытом становится очевидным, что введенная шкала является умеренно-прогрессивной. Например, верхняя ставка в 22% существенно ниже, чем в странах Северной Европы, где она может превышать 50%, но приближается к уровню некоторых стран Восточной Европы и выше, чем в ряде либеральных экономик. Перераспределительный потенциал этой реформы заключается не столько в резком увеличении бюджетных доходов, поскольку основная масса налогоплательщиков остается на ставке 13%, сколько в символическом сигнале о социальной справедливости и в создании правовой базы для более гибкого фискального маневра в будущем [8. С. 45].

В области налогообложения пассивных доходов реформа представляет собой половинчатый шаг. Суть изменения заключается во введении двухступенчатой шкалы 13%/15% для дивидендов и процентов, что является позитивным, но явно недостаточным шагом. При сравнении с мировым опытом видно, что во многих странах, таких как Франция и Германия, пассивные доходы облагаются по более высоким ставкам, чем трудовые, или включаются в общую базу прогрессивного налога. Такой подход целенаправленно используется для предотвращения стратегий уклонения от налогов через преобразование трудовых доходов в капитальные. Ключевая проблема российской модели заключается в сохранении низкой ставки для сверхвысоких пассивных доходов – всего 15% сверх 2,4 млн руб., что не решает проблему справедливого налогообложения крупного капитала и потенциально создает новые каналы для налоговой оптимизации [6. С. 49].

Особого внимания заслуживают адресные льготы как новый инструмент социальной политики. Налоговый кэшбэк для семей с детьми представляет собой инновационную и точечную меру, прямую аналогию американскому Tax Credit (EITC). Эта мера напрямую поддерживает семьи с низкими доходами, эффективно повышая их располагаемые ресурсы, и является ярким примером успешной адаптации мирового инструмента адресной помощи. Что касается льгот для силовых структур и жителей Севера, эти исключения создают двойственный эффект. С одной стороны, они усложняют налоговую систему и снижают ее универсальность, с другой – отражают политическую и экономическую специфику России, выступая своеобразной платой за социальную стабильность в этих стратегически важных группах.

В табл. 2 систематизированы ключевые направления и меры политики перераспределения доходов применительно к российским условиям.

Таблица 2

**Актуальная оценка мер по перераспределению доходов
для России на основе мирового опыта**

Направление	Проблема	Мировой инструмент	Новые меры в России с 2025 г. и возможности для развития
Прогрессивность налоговой системы	Умеренная прогрессия: введенная шкала – лишь первый шаг, ее перераспределительный эффект для снижения неравенства ограничен	Многоступенчатая шкала НДФЛ, высокие ставки для топ-доходов	Введено: пятиступенчатая шкала (13–22%). Возможность: мониторинг поступлений и социального эффекта. В перспективе: обсуждение дальнейшего увеличения прогрессии для доходов свыше 50–100 млн руб.
Налогообложение капитала и богатства	Половинчатость реформы: низкие ставки на капитал не решают проблему справедливого обложения богатства и создают лазейки для оптимизации	Высокие ставки на пассивные доходы, налоги на имущество и наследство	Частично введено: прогрессия для пассивных доходов (13%/15%). Проблема: ставки остаются низкими. Возможность: введение прогрессивного налога на дорожную недвижимость (кадастровой стоимостью выше 50–100 млн руб.) и налога на крупные наследства

Окончание табл. 2

Направление	Проблема	Мировой инструмент	Новые меры в России с 2025 г. и возможности для развития
Адресная поддержка бедных	Фрагментарность системы: отсутствует комплексная национальная система адресной поддержки, основанная на проверке нуждаемости	Проверка нуждаемости, условные денежные трансферты, налоговые кредиты	Введено: налоговый кэшбэк (возврат 7% из 13%) для малообеспеченных семей с детьми – аналог налогового кредита. Возможность: расширение этого принципа на другие уязвимые категории (например, одинокие пенсионеры с доходом ниже прожиточного минимума)
Качество социальных услуг	Неэффективность расходов: реформа не затрагивает ключевую проблему – низкое качество и неравный доступ к социальным услугам, что ограничивает долгосрочный эффект	Выравнивающие трансферты, стандартизация услуг	Не затронуто реформой. Ключевая задача: повышение эффективности социальных расходов. Новые доходы от прогрессивного НДФЛ можно целевым образом направлять на модернизацию здравоохранения и образования в беднейших регионах

Мировой опыт не предлагает универсальных решений, которые можно было бы механически перенести в Россию. Каждая страна комбинирует инструменты с учетом своей экономической структуры, политического контекста и общественных ценностей. Реформа НДФЛ, вступившая в силу в 2025 г., наглядно демонстрирует этот принцип адаптации, а не прямого копирования.

Введенная пятиступенчатая прогрессивная шкала для основных доходов и двухступенчатая для пассивных знаменуют собой поворотный момент в фискальной политике страны. Это создает прочную институциональную основу для дальнейшего эволюционного усиления прогрессивности налоговой системы. Следующим шагом должно стать развитие этого курса, прежде всего за счет совершенствования налогообложения капитала и дорогостоящего имущества, что является политически менее болезненным, чем повышение нагрузки на средний класс, и соответствует долгосрочным целям снижения неравенства [5. С. 125].

Наряду с налоговыми новациями такие инструменты, как налоговый кэшбэк для малообеспеченных семей с детьми, указывают на важнейший вектор развития – движение в сторону адресной социальной поддержки. Это подтверждает необходимость кардинальной реформы всей системы социальной помощи на основе принципов проверки нуждаемости. Только так можно сконцентрировать ограниченные бюджетные ресурсы на помощи тем, кто в ней действительно нуждается, что позволяет усилить перераспределительную функцию налогов.

Однако сами по себе фискальные меры не являются универсальным решением. Достижение устойчивого результата в преодолении бедности и неравенства невозможно без повышения качества и доступности универсальных социальных услуг, в первую очередь здравоохранения и образования. Это долгосрочная инвестиция в человеческий капитал, фундамент для обеспечения равных возможностей для будущих поколений [7. С. 163].

Выводы. Установлено, что наиболее эффективные модели перераспределения (скандинавская, континентальная) основаны не на изолированных мерах, а на системном сочетании фискальных и социальных инструментов. Ключевыми фискальными механизмами, направленными на сокращение концентрации богатства, выступают не только прогрессивный подоходный налог, но и налоги на имущество, наследство и капитал. Социальные инструменты, в свою очередь, подразделяются на две принципиально различающиеся группы: 1) адресные денежные трансферты (условные и безусловные), обеспечивающие прямую поддержку наименее защищенных групп, и 2) инвестиции в качественные универсальные публичные услуги (образование, здравоохранение), которые снижают риски будущего неравенства за счет формирования человеческого капитала.

Применительно к Российской Федерации анализ показывает, что введение прогрессивной шкалы НДФЛ с 2025 г. создало необходимую институциональную предпосылку для адаптации общемировой фискальной практики. Однако текущие параметры реформы – умеренная прогрессия ставок и половинчатое налогообложение пассивных доходов – представляют собой лишь начальный, адаптированный к национальным условиям этап. Выявлены конкретные ограничения, снижающие перераспределительный потенциал реформы: сохранение низких ставок на капитал, фрагментарность системы адресной поддержки и отсутствие прямого воздействия на качество и доступность социальных услуг.

Таким образом, для достижения значимых результатов в преодолении бедности и неравенства в России требуется последовательная и комплексная адаптация мирового опыта, выходящая за рамки текущей налоговой новации. Определены следующие приоритетные направления:

– в фискальной сфере: эволюционное усиление прогрессии НДФЛ и, что критически важно, развитие налогообложения богатства через введение прогрессивного налога на дорогостоящее имущество и крупные наследства;

– в социальной сфере: построение на основе принципа проверки нуждаемости комплексной национальной системы адресных трансфертов, расширяющей пилотный инструмент налогового кэшбэка на другие уязвимые категории населения;

– в сфере публичных услуг: целевое направление потенциальных дополнительных бюджетных доходов на повышение качества и доступности здравоохранения и образования, особенно в беднейших регионах, что является долгосрочной инвестицией в человеческий капитал и равные возможности.

Практическая значимость исследования заключается в разработке указанных приоритетов для следующего этапа налогово-социальной реформы в России на основе синтеза проверенных мировых практик и национальной специфики.

Литература

1. Бикбулатов Д.Р. Экономический рост, бедность и социальное неравенство в странах Латинской Америки. Часть II // Постсоветский материк. 2025. № 3(47). С. 55–69.
2. Бранко М. Как меняется распределение доходов между бедными и богатыми [Электронный ресурс]. URL: <https://economics.hse.ru/ejournal/news/825740323.html> (дата обращения: 28.11.2025).
3. Макарычева И.В. Проблема бедности и неравенства в распределении доходов в современной России // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 5. С. 41–45.

4. Перераспределение доходов [Электронный ресурс]. URL: <https://answr.pro/articles/1441-pereraspredelenie-dohodov/> (дата обращения: 28.11.2025).

5. Саенко П.Е. Влияние налоговой системы на перераспределение доходов населения // Инновационная наука. 2025. № 5-2. С. 123–127.

6. Селиванова О. Экономическое неравенство и бедность в России: анализ динамики и международные сравнения // Общество и экономика. 2025. № 4. С. 36–53.

7. Сумбарова Я.О. Инструменты перераспределения доходов // Философия и культура информационного общества. 2023. № 11. С. 162–164.

8. Тянь Ц. Прогрессивное налогообложение: социальная укорененность и оценка эффективности перераспределения доходов в контексте правовой стратификации // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. 2025. № 3. С. 44–48.

9. Является ли политика перераспределения решением проблемы неравенства? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusmirror.ru/post/04122020> (дата обращения: 28.11.2025).

10. Яруллин Р.Р. Перераспределение доходов и проблемы социальной защиты в условиях рыночной экономики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2024. № 3 (77). С. 107–112.

ИВАНОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры финансов, кредита и экономической безопасности, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gia605@mail.ru).

Irina A. IVANOVA

GLOBAL EXPERIENCE OF INCOME REDISTRIBUTION TO OVERCOME POVERTY AND INEQUALITY AND THE POSSIBILITY OF ITS USE IN RUSSIA

Key words: *global experience of income redistribution, inequality, poverty, poverty level, income distribution between the rich and the poor, social justice, well-being of the population, low-income citizens.*

The problem of socio-economic inequality and poverty remains one of the key challenges for global development. In response, governments are implementing a range of fiscal and social policy measures aimed at income redistribution. For Russia, which is characterized by a high level of inequality, adaptation of this experience is especially relevant in the light of the large-scale tax reform that began in 2025 – transition to a progressive personal income tax scale.

The purpose of the study is *to analyze the global experience of income redistribution to overcome poverty and inequality and to assess the possibilities of its adaptation in the Russian Federation.*

Materials and methods. *The study is based on a comparative analysis of income redistribution models used in countries with different socio-economic structures (Scandinavian, continental, Anglo-Saxon, Latin American ones). The methods of a systematic approach and comparative analysis were used to assess the effectiveness of tax and social mechanisms in foreign countries and the possibility of their use in modern Russian conditions.*

Results. *Based on a comparative analysis of the models of state income redistribution (Scandinavian, continental, Anglo-Saxon, Latin American ones), the key instruments used in international practice were systematised. There are two main channels: fiscal (progressive personal income tax, taxes on property, inheritance, capital) and social (targeted cash transfers, social insurance, universal services). It was established that the maximum effectiveness is achieved in their combined use. In the context of the Russian reform in 2025 (transition to a five-step scale of personal income tax), an assessment of the new tax mechanism was carried out. It was revealed that, while creating an institutional framework, the reform has limited redistributive potential due to moderate progression (rates 13–22%), a half-hearted approach to taxation of passive income (13/15%), fragmentation of targeted support and lack of direct impact on the quality of social services.*

Conclusions. To achieve a significant reduction in poverty and inequality, comprehensive models are needed that combine fiscal and social policy instruments to redistribute income and address the concentration of wealth. Assessing the potential for adapting this approach in Russia suggests that the introduction of a progressive personal income tax scale is a necessary, but is just an initial step in the reform process. To unlock its potential, further consistent steps are required in three priority areas: 1) gradually increasing tax progressivity and developing wealth taxation (property, inheritance); 2) establishing a national system of targeted social assistance based on means testing; 3) targeted increases in investment in the quality and accessibility of key public services – healthcare and education.

References

1. Bikbulatov D.R. *Ekonomicheskii rost, bednost' i sotsial'noe neravenstvo v stranakh Latinskoj Ameriki. Chast' II* [The problem of poverty and income inequality in modern Russia]. *Postsovetkii materik*, 2025, no. 3(47), pp. 55–69.
2. Branko M. *Kak menyaetsya raspredelenie dokhodov mezhdru bednymi i bogatymi*. [Rules for the Citing of Sources]. Available at: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/825740323.html> (Accessed Date: 2025, Nov. 28).
3. Makarycheva I.V. *Problema bednosti i neravenstva v raspredelenii dokhodov v sovremennoj Rossii* [The problem of poverty and income inequality in modern Russia] *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*, 2025, no. 5, pp. 41–45.
4. *Pereraspredelenie dokhodov* [Rules for the Citing of Sources]. Available at: <https://answer.pro/articles/1441-pereraspredelenie-dokhodov/> (Accessed Date: 2025, Nov. 28).
5. Saenko P.E. *Vliyanie nalogovoi sistemy na pereraspredelenie dokhodov naseleniya* [The impact of the tax system on the redistribution of household income]. *Innovatsionnaya nauka*, 2025, no. 5-2, pp. 123–127.
6. Selivanova O. *Ekonomicheskoe neravenstvo i bednost' v Rossii: analiz dinamiki i mezhdunarodnye sravneniya* [Economic Inequality and Poverty in Russia: Dynamic Analysis and International Comparisons]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2025, no. 4, pp. 36–53.
7. Sumbarova Ya.O. *Instrumenty pereraspredeleniya dokhodov* [Income redistribution tools] *Filosofiya i kul'tura informatsionnogo obshchestva*, 2023, no. 11, pp. 162–164.
8. Tan' Ts. *Progressivnoe nalogooblozhenie: sotsial'naya ukorenennost' i otsenka effektivnosti pereraspredeleniya dokhodov v kontekste pravovoi stratifikatsii* [Progressive Taxation: Social Rootedness and Evaluation of the Effectiveness of Income Redistribution in the Context of Legal Stratification] *Sotsial'nye instituty v pravovom izmerenii: teoriya i praktika*, 2025, no. 3, pp. 44–48.
9. *Yavlyaetsya li politika pereraspredeleniya resheniem problemy neravenstva?* [Rules for the Citing of Sources]. Available at: <https://www.rusmirror.ru/post/04122020> (Accessed Date: 2025, Nov. 28).
10. Yarullin R.R. *Pereraspredelenie dokhodov i problemy sotsial'noi zashchity v usloviyakh rynochnoi ekonomiki* [Income redistribution and social protection issues in a market economy]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2024, no. 3(77), pp. 107–112.

IRINA A. IVANOVA – Senior Lecturer, Department of Finance, Credit and Economic Security, Chuvash State University, Russia, gia605@mail.ru.

Формат цитирования: Иванова И.А. Мировой опыт перераспределения доходов для преодоления бедности и неравенства и возможность его применения в России [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 1. С. 10–18. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/2>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-10-18.

УДК 336.64:338.246(470)
ББК 65.9(2Рос)-54+65.261.4

Э.Г. КУЗНЕЦОВА, А.В. ПЕНКИН

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ВЕНЧУРНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: венчурное финансирование, налоговые льготы, инновационная инфраструктура, региональное развитие, стартапы, инвесторы, инвестиционная активность.

Развитие венчурного финансирования в России является ключевым условием для перехода к инновационной экономике, однако данный процесс сопровождается устойчивой тенденцией к экстремальной географической концентрации инвестиционного капитала, что актуализирует вопрос об эффективности инструментов государственной поддержки, включая налоговые льготы и развитие региональной инновационной инфраструктуры.

Цель исследования – выявление механизмов синергетического взаимодействия налоговых льгот и региональной инновационной инфраструктуры, а также проведение сравнительного анализа региональных стратегий, обеспечивающих приток венчурного капитала.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили открытые статистические данные Росстата, Банка России, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Ассоциации венчурного инвестирования и Национальной ассоциации бизнес-ангелов за 2020–2024 гг. и первое полугодие 2025 г., а также материалы профильных министерств и бизнес-навигаторов по инновационной инфраструктуре. В работе применялись сравнительно-структурный анализ региональных стратегий, качественный анализ нормативной базы, сравнительный кейс-анализ.

Результаты. Рынок венчурного финансирования в России в период с 2020 по 2025 г. претерпел структурную трансформацию. После пика инвестиционной активности в 2021 г. последовал глубокий спад. Восстановление в 2023–2024 гг. характеризовалось не возвратом к докризисной модели, а сдвигом в сторону концентрации капитала: общий объем инвестиций вырос, тогда как число сделок сократилось, что свидетельствует об укрупнении раундов финансирования. Ключевым трендом стало смещение финансирования в сторону поздних стадий (B, C+), на которые в первой половине 2025 г. пришлось три четверти всего инвестиционного объема. Географическое распределение рынка характеризовалось крайне высокой концентрацией капитала в двух основных центрах – Москве и Санкт-Петербурге, в которых в совокупности было аккумулировано до 95% всех венчурных инвестиций. Государственная поддержка венчурного финансирования и инновационной деятельности реализовывалась в рамках различных региональных стратегий, среди которых выделялись экосистемная (Москва, Санкт-Петербург), агрессивно-фискальная (Татарстан) и научно-субсидиарная (Новосибирская область). Фискальные меры давали ожидаемый результат лишь как часть комплексной политики. Только будучи интегрированными в насыщенную экосистему с плотной инфраструктурой, специализированными институтами развития и механизмами коммерциализации науки, они обеспечивали значимый приток капитала. Опыт Республики Татарстан продемонстрировал успешность такого комплексного подхода. В то же время ситуация в Архангельской и Воронежской областях показала, что изолированные фискальные меры, не подкрепленные целостной экосистемой, не привели к существенным результатам.

Выводы. Влияние налоговых льгот на венчурное финансирование в России является опосредованным и проявляется в полной мере только в синергии с развитой региональной

инновационной инфраструктурой. Изолированные фискальные меры не обеспечивают значимого притока капитала, что подтверждается кейсами регионов с низкой инвестиционной активностью. Ключевым фактором успеха выступает способность территории формировать целостную экосистему, объединяющую специализированные институты, плотную инфраструктуру, механизмы коммерциализации науки и нефискальную поддержку. Результаты исследования обосновывают необходимость дифференцированного подхода в региональной политике: для столичных агломераций эффективна экосистемная модель с умеренными льготами, для регионов с научным потенциалом – модель создания компактных полюсов роста с максимальными фискальными стимулами и опережающим развитием инфраструктуры.

Введение. Современная экономическая политика Российской Федерации нацелена на переход к модели роста, основанной на инновациях, в которой венчурное финансирование выступает критически важным источником капитала для перспективных стартапов и технологических компаний [20, 23, 24]. Однако российский венчурный рынок характеризуется выраженной неравномерностью пространственного развития: значительная доля инвестиций концентрируется в нескольких крупнейших агломерациях, в то время как регионы с высоким научным потенциалом часто сталкиваются с хроническим дефицитом финансирования [20, 24]. В связи с этим актуализируется вопрос об эффективности инструментов государственного стимулирования, в частности о том, насколько существующие меры поддержки – налоговые льготы для инвесторов и резидентов особых экономических зон (ОЭЗ), а также наличие развитой региональной инновационной инфраструктуры (технопарки, бизнес-инкубаторы, исследовательские центры) – влияют на объем, географию и успешность венчурных инвестиций [20, 23, 24].

Современные исследования влияния государственных инструментов на развитие венчурного финансирования подчеркивают важность комплексного подхода. Анализ работ М.В. Ивановой, А.И. Ищенко, З.Ш.К. Махмудовой и других авторов позволяет выделить два взаимодополняющих направления: фискальное стимулирование (налоговые льготы, инвестиционные вычеты) и формирование целостной инфраструктурной среды (технопарки, инкубаторы, сетевые институты) [6, 7, 10]. Зарубежный опыт (например, схемы EIS/SEIS в Великобритании) подтверждает эффективность налоговых механизмов для привлечения частного капитала в стартапы. В то же время, как отмечают исследователи российских регионов (М.П. Посталюк, М.А. Белобородова, Р.Ю. Новикас), ключевой проблемой остается разрозненность инновационных экосистем: изолированные налоговые меры не приводят к устойчивому притоку инвестиций при отсутствии связанной институциональной и инфраструктурной среды [12, 16].

Таким образом, в научном дискурсе сформировался консенсус о необходимости синергии между рассматриваемыми факторами. Однако эмпирических исследований, раскрывающих механизмы такой синергии и позволяющих провести сравнительную оценку эффективности различных моделей их сочетания применительно к российским регионам, недостаточно.

Цель исследования – выявление механизмов синергетического взаимодействия налоговых льгот и региональной инновационной инфраструктуры, а также проведение сравнительного анализа региональных стратегий, обеспечивающих приток венчурного капитала.

Материалы и методы. Эмпирическая база исследования была сформирована на основе анализа открытых статистических данных за период 2020–2024 гг. и первое полугодие 2025 г., полученных из официальных источников: Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Банка России, а также отчетов ведущих исследовательских и отраслевых организаций – Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Ассоциации венчурного инвестирования и Национальной ассоциации бизнес-ангелов. Для сопоставления данных о налоговых льготах и региональной инфраструктуре были использованы материалы профильных министерств и данные бизнес-навигаторов инновационной инфраструктуры.

Методологическую основу исследования составил сравнительно-структурный анализ, примененный для систематизации и оценки различий в региональных подходах к налоговому стимулированию и развитию инновационной экосистемы. Данный метод позволил выделить типы региональных стратегий и провести их содержательную классификацию на примере следующих субъектов: Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Новосибирской, Свердловской, Нижегородской областей и Краснодарского края.

Параллельно проводился качественный анализ нормативно-правовой базы на федеральном и региональном уровнях, что дало возможность интерпретировать статистические закономерности в контексте действующего законодательства и выявить институциональные ограничения или стимулы, не всегда очевидные при чисто количественном подходе.

На завершающем этапе был реализован кейс-анализ, основанный на сопоставлении успешной практики Республики Татарстан с ситуацией в регионах, где наличие формальных льгот не привело к значимому притоку венчурного капитала (Архангельская и Воронежская области). Этот метод позволил углубить понимание механизмов синергии между фискальными мерами, инфраструктурой и институциональной средой, а также выявить условия, при которых налоговые стимулы становятся эффективными.

Результаты исследования. В ходе анализа динамики рынка венчурного финансирования за период 2020–2024 гг. и первое полугодие 2025 г. были выявлены его структурная трансформация и устойчивые диспропорции в распределении капитала.

Данные Venture Guide (рис. 1, 2) демонстрируют сложную траекторию развития рынка, характеризующуюся фазой роста, резким сжатием и последующей перестройкой. Пик инвестиционной активности пришелся на 2021 г., когда объем инвестиций достиг 2,6 млрд долл. США, после чего в 2022 г. последовал глубокий спад. Детализация по полугодиям позволяет точно локализовать переломный момент: уже в первом полугодии 2022 г. объем инвестиций сократился до минимальных значений, что свидетельствует о высокой чувствительности рынка к изменениям внешнеэкономической конъюнктуры.

Последующий период восстановления (2023–2024 гг.) характеризуется не возвратом к докризисной модели, а выраженной структурной трансформацией.

Динамика ключевых показателей за рассматриваемые периоды демонстрирует дивергенцию: при сохранении роста общего объема инвестиций (+81%) наблюдается сокращение числа сделок (-16%), что отражает ключевой тренд – концентрацию капитала в рамках меньшего числа более крупных раундов финансирования, характерных для поздних стадий. Таким образом, инвесторы перераспределяют ресурсы в сторону проектов с доказанной устойчивостью и потенциалом роста в новой макроэкономической среде, что закономерно приводит к увеличению среднего размера сделки.

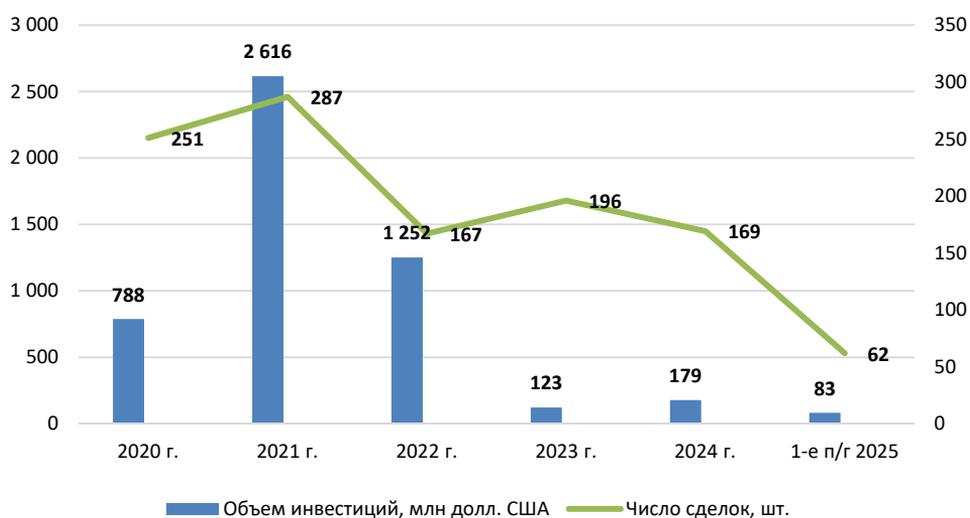

Рис. 1. Динамика венчурных инвестиций в России по годам [19]

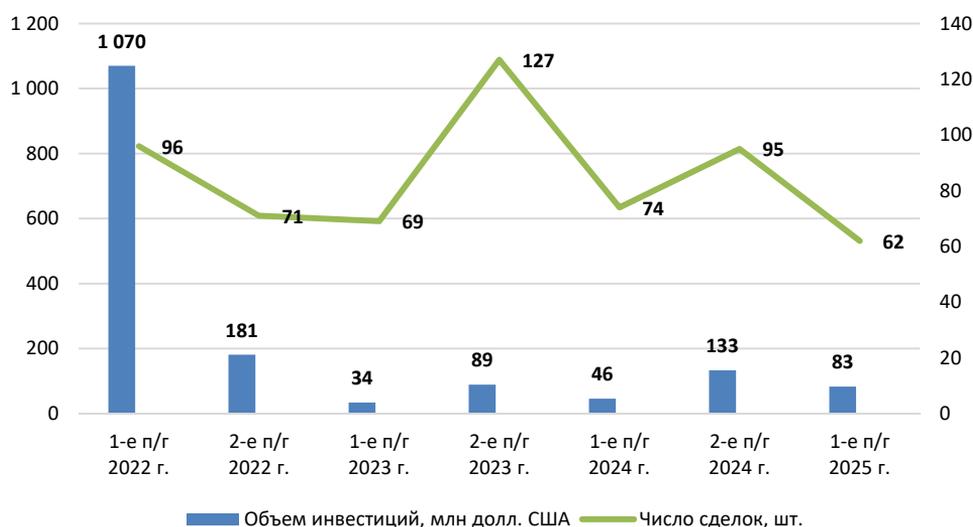

Рис. 2. Динамика венчурных инвестиций в России по полугодиям [19]

Данные за первое полугодие 2025 г. указывают на определенную стабилизацию на уровне, сопоставимом с 2024 г., что может свидетельствовать о переходе к новой, более устойчивой фазе развития. Эволюцию российского венчурного рынка можно охарактеризовать как переход от экстенсивного роста через кризисное сжатие к формированию консолидированной модели, где качественные параметры сделок становятся более значимыми, чем их количество. При этом также наблюдается тенденция к усилению географической и отраслевой концентрации капитала, что создает конкурентные преимущества для регионов и сегментов с развитой инфраструктурой и потенциалом импортозамещения.

Одним из ключевых проявлений этой консолидации является изменение структуры инвестиций по стадиям. Анализ распределения капитала между посевной, ранней и поздней стадиями финансирования позволяет оценить степень зрелости экосистемы и эволюцию стратегий инвесторов. Данное распределение служит индикатором рыночных приоритетов, показывая, смещается ли фокус в сторону менее рискованных зрелых проектов или сохраняется активность в сегменте стартапов. Динамика и структура инвестиций по стадиям представлены на рис. 3–6.

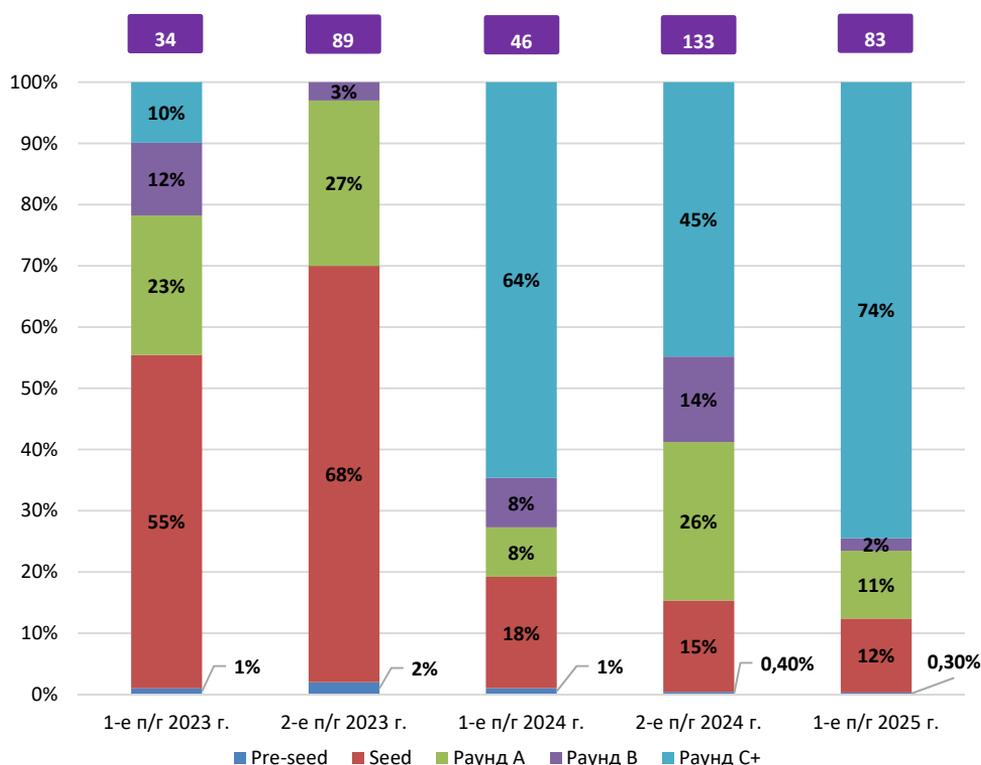

Рис. 3. Структура инвестиций по раундам в России, % от общего объема инвестиций [19]

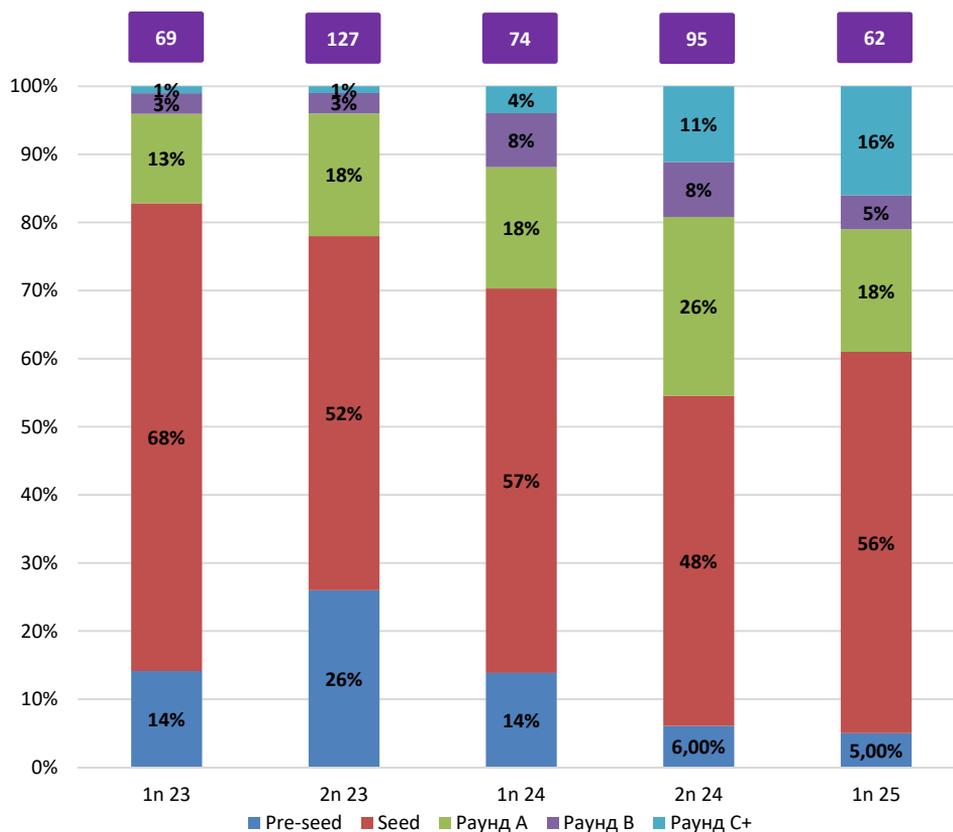

Рис. 4. Структура инвестиций по раундам в России, % от общего количества сделок [19]

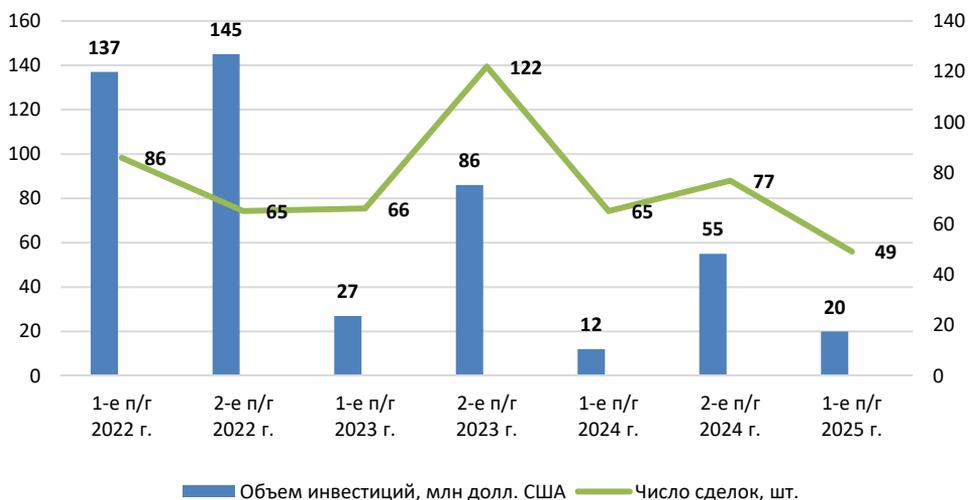

Рис. 5. Ранние стадии: Pre-seed, Seed, A [19]

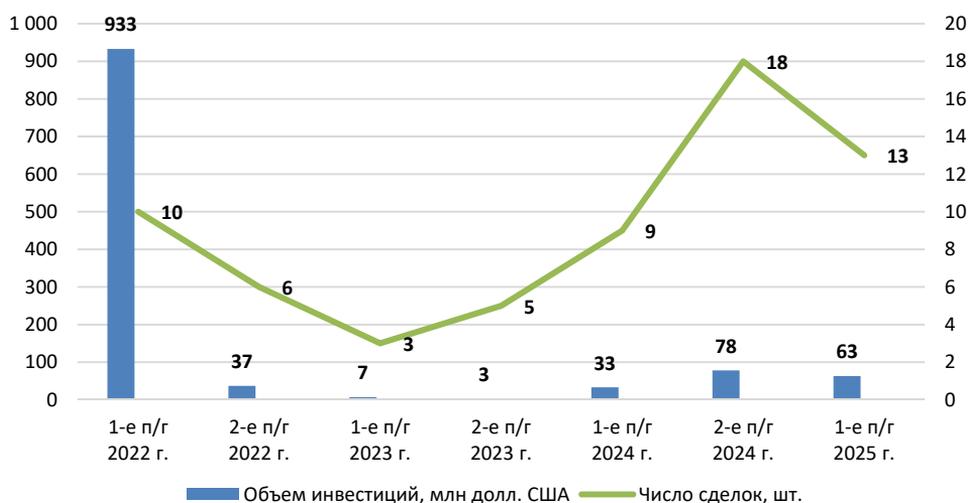

Рис. 6. Поздние стадии: B, C+ [19]

Представленные данные свидетельствуют о ключевой структурной трансформации российского венчурного рынка, характеризующейся устойчивым и усиливающимся сдвигом в сторону финансирования поздних стадий. Этот тренд, сформировавшийся в период посткризисного восстановления, к 2025 г. стал доминирующим. В первом полугодии 2025 г. на сделки раундов B и C+ пришлось три четверти всего инвестиционного объема, что является рекордным показателем за весь рассматриваемый период. Данная динамика отражает стратегию инвесторов, направленную на минимизацию рисков в условиях сохраняющейся макроэкономической неопределенности, и ведет к концентрации капитала в зрелых компаниях с коммерциализованными продуктами и четкими путями масштабирования, что обеспечивает более предсказуемую отдачу для инвесторов.

Ситуация на ранних стадиях (Pre-seed, Seed, раунд A) носит противоречивый характер. При росте объема инвестиций на 67% (до 20 млн долл. США в первом полугодии 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом 2024 г.) их доля в общем объеме рынка сократилась более чем на 6 процентных пунктов. Более показательной является тенденция к сокращению количества сделок на ранних стадиях. Это означает, что растущий объем финансирования распределяется между меньшим числом стартапов, приводя к существенному увеличению среднего размера раунда. Таким образом, рынок ранних стадий становится более селективным и требовательным, где финансирование получают проекты с наиболее проработанными продуктами и командами.

Распределение инвестиций по стадиям подтверждает переход рынка от фазы экстенсивного роста к фазе качественной зрелости и концентрации. Доминирование поздних стадий отражает ориентацию инвесторов на диверсификацию рисков и работу с менее волатильными активами в турбулентной среде. Эволюция же раннего сегмента, характеризующаяся растущим средним чеком при сокращении числа сделок, свидетельствует о его постепенной

профессионализации и повышении входного барьера. Эта структурная перестройка влечет за собой значимые последствия для регионального развития, поскольку экосистемы, способные «выращивать» компании до поздних стадий, получают критическое конкурентное преимущество, что усиливает географическую поляризацию венчурного капитала.

Данная поляризация отчетливо проявляется при рассмотрении пространственного распределения инвестиций. Оценка географического распределения венчурных инвестиций позволяет определить степень концентрации капитала в ведущих центрах и выявить глубину дисбаланса в развитии инновационной активности между регионами. Полученные данные подтверждают доминирующую роль Москвы в этом процессе (рис. 7, 8).

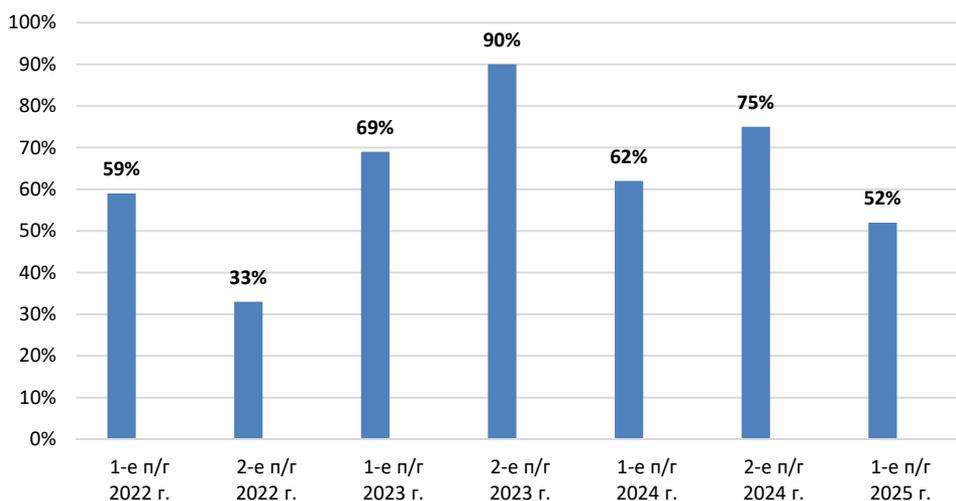

Рис. 7. Доля Москвы от общего объема инвестиций в России [19]

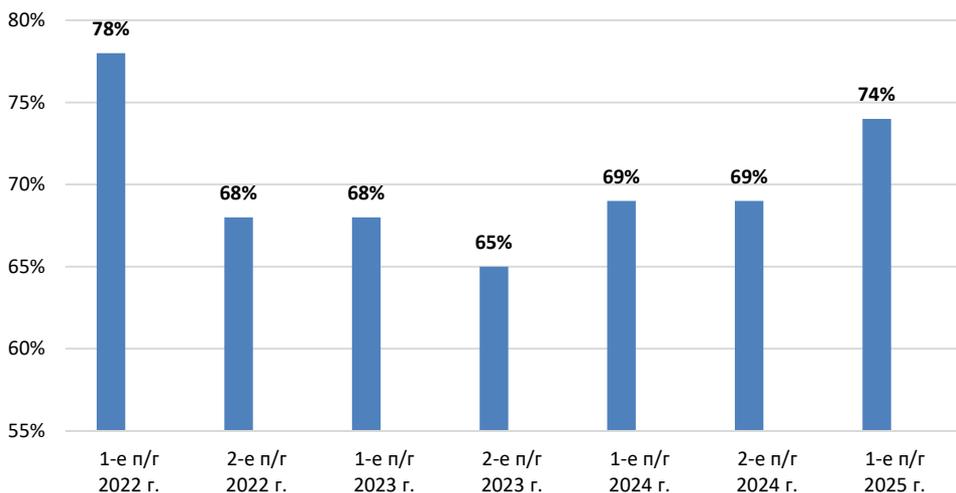

Рис. 8. Доля Москвы от общего количества сделок в России [19]

Анализ географического распределения венчурных инвестиций в России подтверждает устойчивую и крайне высокую концентрацию капитала. Данные за 2022–2025 гг. демонстрируют, что более половины общего объема инвестиций в стране стабильно приходится на Москву. Пик концентрации был достигнут во втором полугодии 2023 г., когда доля столицы составила 90% всех венчурных вложений, что может свидетельствовать о перетоке капитала в наиболее надежные и ликвидные активы главного финансового центра в период кризиса. Несмотря на последующее снижение доли, Москва сохраняет лидирующие позиции, обеспечивая 52% объема и 74% количества сделок в первом полугодии 2025 г.

Вторым по значимости центром притяжения инвестиций является Санкт-Петербург, который привлек 43% от общего объема (35 млн долл.) в первом полугодии 2025 г. Этот результат был обеспечен всего тремя сделками, которые вошли в топ-5 крупнейших инвестиций периода. Крупнейшей из них стало совместное финансирование государственным и частным фондами компании Medical Visual Systems – разработчика автоматизированных операционных комплексов и телемедицинских решений. Совокупно Москва и Санкт-Петербург концентрируют до 95% всех венчурных инвестиций в стране.

Доля остальных регионов остается незначительной (например, Архангельская область – 2%, а Воронежская область – 0,7%), причем каждый из них заключил не более одной сделки, размер которой был ниже среднероссийского размера сделки. Это подтверждает, что наличие региональных налоговых льгот при отсутствии сопоставимой с ведущими центрами концентрации инфраструктуры, кадров и компетенций не обеспечивает притока существенного объема венчурного капитала. Таким образом, географическая структура рынка отражает глубокий разрыв между финансовыми центрами и распределенным по стране инновационным потенциалом.

Полученные результаты важно интерпретировать с учетом макроэкономического контекста. Анализируемый период характеризуется беспрецедентным внешним шоком – санкционной трансформацией российской экономики. Этот фактор оказал существенное влияние на структуру капитала, сместив фокус инвесторов с зарубежных рынков на внутренние и усилив значимость региональной инфраструктуры. Однако санкционный шок не нивелировал, а усилил дифференциацию регионов. Капитал сосредоточился не просто в регионах, предоставляющих льготы, а в тех, где уже сформирована целостная экосистема, способная быстро адаптировать проекты под задачи импортозамещения. В то же время регионы, обладающие изолированными фискальными предпочтениями, но не имеющие развитой инфраструктуры (например, Воронежская область), не смогли воспользоваться потенциальными возможностями перетока капитала. Таким образом, внешний шок выступил катализатором, выявившим качество региональных институтов.

Эффективность инструментов государственной поддержки, призванных сократить данные диспропорции, становится ключевым вопросом для анализа. Современная система государственного стимулирования венчурного финансирования и инновационной деятельности в России имеет двухуровневую архитектуру,

объединяющую федеральные «вертикальные» режимы (льготы для резидентов «Сколково», IT-резидентов, инвестиционный вычет для бизнес-ангелов) и разнообразные региональные инструменты. Ключевая дифференциация подходов и формирование конкурентной среды происходят именно на региональном уровне.

Сравнительный анализ мер поддержки в четырех ведущих инновационных регионах – Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан и Новосибирской области – позволил выявить несколько принципиально разных стратегий, обусловленных стартовыми условиями каждого субъекта (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнительный анализ ключевых мер поддержки венчурного рынка
в ведущих инновационных регионах Российской Федерации**

Субъект	Ключевое условие (статус)	Налог на прибыль (региональная часть)	Имущественные налоги	Тип стратегии региона
Москва	Резидент ОЭЗ «Технополис Москва»; аккредитованная IT-компания	2% (на срок ОЭЗ); 0% (бессрочно)	0% на 10 лет (для резидентов ОЭЗ)	Экосистемная: умеренные льготы в пакете с развитой инфраструктурой и сервисами
Санкт-Петербург	Резидент ОЭЗ «Санкт-Петербург»	2% (на срок ОЭЗ)	0% на 10 лет (имущество); 5 лет (земля, транспорт)	Экосистемно-экспортная: льготы в ОЭЗ дополнены субсидиями на экспорт
Республика Татарстан	Резидент ОЭЗ «Иннополис»	0% (первые 5 лет); 5% (следующие 5 лет); 13,5% (по истечении 10 лет)	0% на 10 лет	Агрессивно-фискальная: максимальные налоговые преференции как ключевой инструмент привлечения
Новосибирская область	Резидент ОЭЗ «Новосибирск»	От 2% до 15,5% (зависит от инвестиций)	0% на 10 лет (имущество, транспорт); 5 лет (земля)	Научно-субсидиарная: льготы сочетаются с прямыми субсидиями на НИОКР и оборудование

Примечание. Табл. 1 составлена авторами на основе [4, 14, 15, 21].

Москва и Санкт-Петербург, обладая статусом сложившихся столичных агломераций с концентрированными финансовыми и кадровыми ресурсами, реализуют стратегию «экосистемного» развития. Их конкурентное предложение строится не на минимальных налоговых ставках, а на комплексном пакете мер, где льготы (например, ставка 2% по налогу на прибыль для резидентов ОЭЗ) выступают одним из элементов наряду с нефискальными инструментами: сервисом «единого окна», логистической, консультационной и административной поддержкой. При этом Москва дополнительно использует общегородскую льготу для аккредитованных IT-компаний (0% по налогу на прибыль), что усиливает ее позиции в цифровой сфере.

В отличие от столичных регионов, Республика Татарстан, не имея изначальных преимуществ, применяет агрессивно-фискальную стратегию, направленную на компенсацию этого дисбаланса. Основным инструментом привлечения

инвестиций в ОЭЗ «Иннополис» является предоставление резидентам в первые пять лет нулевой ставки по налогу на прибыль (региональная часть) и полное освобождение от имущественных налогов на длительный срок. Данный подход ориентирован на создание максимального фискального стимула «с нуля».

Новосибирская область демонстрирует третью, научно-субсидиарную, модель, характерную для регионов с сильной академической базой. Помимо льгот в рамках ОЭЗ, значительный акцент делается на прямом финансовом возмещении конкретных затрат компаний: субсидировании процентной ставки по кредитам, лизинговых платежей и затрат на приобретение оборудования. Это свидетельствует о четкой ориентации на коммерциализацию имеющегося научно-технического потенциала.

Таким образом, выявленный контраст между стратегиями определил ключевой исследовательский вопрос: какая модель оказывает большее влияние на привлечение венчурного капитала – радикальное фискальное стимулирование в локализованной ОЭЗ (пример Татарстана) или интеграция в развитую экосистему при умеренных налоговых ставках (пример Москвы)?

Проведенный анализ показывает, что ключевые налоговые льготы носят не автономный, а системный характер, будучи встроенными в инфраструктурные решения (в первую очередь в ОЭЗ). Для комплексной проверки гипотезы о влиянии государственной поддержки на венчурное финансирование требуется проанализировать второй критический фактор – уровень развития материальной и научной базы для инноваций, т.е. произвести сравнительную оценку обеспеченности регионов объектами инновационной инфраструктуры и их научно-технического потенциала.

Чтобы количественно оценить, насколько регионы обеспечены материальной базой для инноваций, был рассчитан комплексный показатель концентрации инновационного потенциала на основе российского регионального инновационного индекса (РРИИ) относительно валового регионального продукта (ВРП) (табл. 2).

Таблица 2

Комплексный показатель концентрации инновационного потенциала регионов (2025 г.).

Субъект	РРИИ	ВРП, трлн руб.	Показатель концентрация инновационного потенциала
Москва	0,6543	39,6	0,017
Республика Татарстан	0,5851	5,6	0,104
Нижегородская область	0,5592	2,8	0,200
Санкт-Петербург	0,5521	14,1	0,039
Новосибирская область	0,5277	2,7	0,195
Свердловская область	0,4641	4,8	0,096
Краснодарский край	0,4271	5,8	0,073

Примечание. Табл. 2 составлена авторами на основе данных [1, 2, 3, 9, 11, 17, 22, 25, 26].

Изучение данных позволило выявить, что в Республике Татарстан, Новосибирской и Нижегородской областях сформирована наиболее концентрированная инфраструктурная среда. Этот вывод подтверждается и анализом абсолютных показателей: по плотности технологических парков и бизнес-инкубаторов

на душу населения эти регионы также существенно опережают среднероссийский уровень (табл. 3).

Таблица 3

Плотность объектов инновационной инфраструктуры (2025 г.)

Субъект	Объекты инфраструктуры	Население, млн чел.	Плотность объектов, на 100 тыс. чел.
Республика Татарстан	59	4,0	1,48
Нижегородская область	22	3,0	0,73
Москва	79	13,3	0,59
Новосибирская область	16	2,8	0,57
Свердловская область	21	4,2	0,50
Краснодарский край	24	5,8	0,41
Санкт-Петербург	10	5,7	0,18

Примечание. Табл. 3 составлена авторами на основе данных [5, 18].

Наибольшее значение данного показателя фиксируется в Республике Татарстан, оно более чем в 2 раза выше, чем в Нижегородской области, и более чем в 2,5 раза выше, чем в Москве и Новосибирской области. Это свидетельствует о реализации в этих субъектах целенаправленной политики по формированию инфраструктурного каркаса, который не всегда прямо коррелирует с абсолютными размерами экономики. Несмотря на меньший ВРП, Татарстан, Новосибирская и Нижегородская области создают гораздо более плотную инновационную среду на единицу экономической мощи, чем столицы. Свердловская область (0,50) и Краснодарский край (0,41) имеют показатели ниже среднего по выборке лидеров, что коррелирует с их менее выраженной специализацией на высокотехнологичном секторе. Полученные данные подтверждают, что высокая венчурная активность обеспечивается не только рыночным спросом, но и значительными инфраструктурными инвестициями. Количественные показатели отражают реализацию региональными властями политики по созданию точек технологического роста (Академпарк, ОЭЗ «Иннополис»), что позволяет компенсировать отсутствие столичного статуса за счет концентрации ресурсов и создания специализированных экосистем.

Сравнительный анализ уровня развития инновационной инфраструктуры в ключевых регионах позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, подтверждается значительная дифференциация региональных стратегий. Москва, обладая самым высоким абсолютным потенциалом, демонстрирует наименьшую относительную плотность инфраструктуры на единицу экономического потенциала (0,017), что характерно для сложившейся диверсифицированной экосистемы с точечной поддержкой инноваций. Во-вторых, наиболее целенаправленная и концентрированная инфраструктурная политика реализуется в Республике Татарстан, Новосибирской и Нижегородской областях. Эти регионы, несмотря на меньший экономический масштаб, демонстрируют максимальные значения плотности как относительно ВРП (0,104; 0,195; 0,200 соответственно), так и в расчете на население (1,48; 0,57; 0,73), реализуя стратегию создания компактных точек роста для компенсации периферийного положения.

Таким образом, инфраструктурный фактор выступает не просто нейтральным фоном, а становится результатом целенаправленной политики, принимающей различные формы: в Москве – поддержка сложившейся экосистемы, в Республике Татарстан, Новосибирской и Нижегородской областях – создание высококонцентрированных полюсов роста.

Наряду с развитой материальной инфраструктурой ключевым фактором для формирования потока стартапов является наличие мощного научно-образовательного ядра. Ведущие университеты и исследовательские центры играют системообразующую роль в инновационной экосистеме, выступая генераторами идей и объектов интеллектуальной собственности, поставщиками кадров для высокотехнологичных компаний, а также непосредственными участниками коммерциализации через создание малых инновационных предприятий и выполнение прикладных НИОКР.

Между исследуемыми регионами существуют явно выраженные различия в академическом потенциале, которые коррелируют с выбранной ими инновационной стратегией. В Москве наблюдается максимальная концентрация университетов, входящих в топ-50 общероссийских рейтингов (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) и др.), которые являются участниками государственной программы развития «Приоритет-2030». Санкт-Петербург также обладает диверсифицированным научно-образовательным комплексом (Санкт-Петербургский государственный университет, Университет ИТМО и Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого). Республика Татарстан, Новосибирская и Нижегородская области представляют собой примеры успешного создания региональных научных полюсов мирового уровня: Казанский (Приволжский) федеральный университет и Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева – КАИ, ориентированные на потребности технологического сектора республики; Новосибирский государственный университет (ядро Академгородка); Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского («Приоритет-2030»).

Наличие сильных университетов является необходимым, но недостаточным условием для формирования инновационной экосистемы. Степень трансформации академического потенциала в коммерческие разработки и, как следствие, приток венчурного капитала напрямую зависят от объема финансирования исследований. Для количественной оценки этого аспекта в табл. 4 представлен ключевой индикатор интенсивности научной деятельности – внутренние затраты на научно-исследовательские опытно-конструкторские работы (НИОКР).

Анализ данных табл. 4 позволяет выделить уникальное положение Нижегородской и Новосибирской областей. Несмотря на наименьшие среди исследуемых регионов размеры экономики (ВРП составляет 2,8 и 2,4 трлн руб. соответственно), области демонстрируют максимальную интенсивность затрат на НИОКР (4,07% и 1,92% от ВРП), превышая по этому показателю даже Москву. Это количественно подтверждает реализуемую стратегию, направленную на концентрацию научного потенциала как основного актива инновационного развития.

Таблица 4

Научно-технический потенциал исследуемых регионов (2024 г.)

Субъект	ВРП, трлн руб.	Затраты на НИОКР, трлн руб.	Затраты на НИОКР, % от ВРП
Нижегородская область	2,8	0,114	4,07
Новосибирская область	2,4	0,046	1,92
Москва	36,6	0,613	1,67
Санкт-Петербург	13,5	0,186	1,37
Свердловская область	4,4	0,058	1,31
Республика Татарстан	5,2	0,045	0,86
Краснодарский край	5,6	0,011	0,20

Примечание. Табл. 4 составлена авторами на основе данных [2, 8, 11, 13, 22, 24–26].

Данные о научном потенциале в совокупности с показателями инфраструктурной плотности (см. табл. 2, 3) формируют комплексный профиль факторов предложения для каждого региона. Сопоставление высоких показателей НИОКР (Москва, Нижегородская и Новосибирская области) с объемами венчурных инвестиций указывает на значимость этого фактора.

Таким образом, выявлена не только глубокая дифференциация в уровнях развития инфраструктуры и научного потенциала, но и их тесная связь с избранными стратегиями налогового стимулирования. Однако количественные показатели и общие тренды не раскрывают механизмы взаимодействия этих факторов. Для определения причин успеха или отставания регионов в привлечении венчурного капитала необходим сравнительный кейс-анализ.

Для практической верификации тезиса о синергетическом эффекте рассматриваемых факторов был проведен сравнительный анализ трех регионов: успешного кейса системной поддержки (Республика Татарстан) и двух субъектов Российской Федерации – Архангельской и Воронежской областей, где наличие отдельных льгот не привело к сопоставимому притоку венчурного капитала.

Как уже было отмечено, Республика Татарстан компенсирует отсутствие столичного статуса агрессивной фискальной политикой в локализованных точках роста, прежде всего в ОЭЗ «Иннополис» (0% по налогу на прибыль в первые 5 лет). Однако ключевым фактором результативности является не изолированное применение льгот, а их интеграция в целостную инновационную экосистему. Ключевыми элементами данной системы являются специализированные институты развития (Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан, Фонд развития IT-парка), которые выступают ядром для привлечения частных инвестиций. Помимо институциональной составляющей, система отличается высокой плотностью инфраструктурных объектов (создающей «эффект плотности»), активной связью с научной сферой через программы коммерциализации и набором нефискальных мер поддержки. Следствиями такой синергии являются стабильно высокая доля республики в общероссийском объеме венчурных инвестиций и устойчивый поток успешных кейсов.

В противоположность этому, в Архангельской и Воронежской областях наблюдается ограниченная эффективность изолированных фискальных мер. Несмотря на наличие формальных инструментов стимулирования (ОЭЗ промышленно-производственного типа с аналогичным набором льгот), вклад этих

регионов в венчурные инвестиции остается крайне низким (2% и 0,7% в первом полугодии 2025 г.). Данное противоречие объясняется отсутствием целостной экосистемы, что выражается в инфраструктурной и институциональной фрагментарности (отсутствие специализированных венчурных фондов, общие бизнес-инкубаторы без глубокой специализации) и слабой связи с научно-образовательным комплексом, не обеспечивающей устойчивого потока инвестиционно-привлекательных проектов. В результате региональная политика ограничивается предоставлением стандартных налоговых преференций без формирования вокруг них среды для генерации и масштабирования технологических компаний, что и приводит к низкой практической отдаче от формальных стимулов (табл. 5).

Таблица 5

Сравнение кейсов Татарстана, Архангельской и Воронежской областей

Критерий	Республика Татарстан (успешный кейс)	Архангельская и Воронежская области (проблемные кейсы)
Налоговые льготы	Агрессивные и целевые (0% налог на прибыль в ОЭЗ «Иннополис», льготы для ИТ)	Присутствуют, но носят общий характер (льготы в промышленно-производственных ОЭЗ)
Институты развития	Мощные специализированные фонды (ИВФ РТ, ИТ-фонд), привлекающие соинвестиции	Отсутствие или слабое развитие специализированных венчурных институтов регионального масштаба
Инфраструктура	Высокая плотность объектов (технопарки, инкубаторы), формирующая «эффект плотности»	Фрагментарная инфраструктура; объекты поддержки не интегрированы в единую сеть
Связь с наукой	Системная интеграция через целевые программы коммерциализации («Лобачевский»)	Формальное взаимодействие; слабые механизмы трансфера технологий
Результат (доля на рынке)	Стабильно значимая доля в общероссийском объеме венчурных инвестиций	Маргинальная, нестабильная доля, близкая к нулевой

Таким образом, проведенный кейс-анализ подтверждает, что налоговые льготы являются необходимым, но недостаточным условием для привлечения венчурного капитала. Они наиболее эффективны только в условиях синергии с развитой инновационной экосистемой, которая включает институты «длинных» денег, плотную инфраструктуру, механизмы коммерциализации науки и нефискальные меры поддержки. Опыт Республики Татарстан представляет собой пример целенаправленного формирования такой экосистемы. В то же время ситуация в Архангельской и Воронежской областях показывает, что попытки стимулирования венчурной активности исключительно за счет фискальных преференций, не подкрепленных комплексной инфраструктурной и институциональной политикой, не приводят к значимым результатам.

Выводы. Налоговые льготы, являясь важным инструментом стимулирования инвестиционной активности, оказывают ограниченное воздействие на привлечение венчурного капитала. Их повсеместное распространение в региональной практике не гарантирует результата. Как свидетельствуют кейсы Архангельской и Воронежской областей, изолированные фискальные преференции, не подкрепленные развитой инновационной средой, не приводят к существенному

притоку капитала. Следовательно, действенность налоговых инструментов определяется качеством институционального и инфраструктурного контекста, в рамках которого они применяются.

Определяющим фактором, влияющим на объем и географию инвестиций, выступает синергия между различными элементами поддержки. На примере Республики Татарстан доказано, что максимальная эффективность достигается только при комплексной интеграции агрессивных фискальных стимулов с мощной инфраструктурой, специализированными институтами развития, механизмом коммерциализации науки и нефискальными мерами поддержки. При этом инфраструктурный компонент, создавая «эффект плотности» и снижая транзакционные издержки, играет ключевую роль, что подтверждается примером Республики Татарстан. Таким образом, состояние и динамика венчурного финансирования в России определяются не наличием изолированных льгот, а способностью регионов формировать целостные инновационные экосистемы. Это обуславливает необходимость дифференцированного подхода в региональной политике. Для столичных агломераций с концентрированными ресурсами наиболее эффективна экосистемная модель, где умеренные льготы дополняют существующие рыночные преимущества. Для регионов с высоким научным потенциалом, но менее развитой рыночной средой, оптимальной является модель создания компактных полюсов роста, которая сочетает максимальные фискальные стимулы с опережающим развитием инфраструктуры и институтов поддержки, что позволяет компенсировать их периферийное положение.

Литература

1. В 2025 году ВРП в Татарстане составит 5,6 триллиона рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/690500?ysclid=ml0xksn10472160718> (дата обращения: 29.01.2026).
2. Вениамин Кондратьев: По итогам 2025 ВРП края составит 5,8 триллиона рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://investkuban.ru/articles/news/veniamin-kondratev-po-itogam-2025-goda-vrp-kraya-sostavit-5-8-trilliona-rublej/> (дата обращения: 02.03.2026).
3. *Возяков А.* Цены вырастут вместе с зарплатами: Смольный представил будущее Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dp.ru/a/2025/08/06/ceni-virastut-vmeste-s-zarplatami> (дата обращения: 29.01.2026).
4. Возможности ОЭЗ «Иннополис» [Электронный ресурс]. URL: <https://sez-innopolis.ru/investoram/> (дата обращения: 29.01.2026).
5. Инвесткарта РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://invest.gov.ru/map/region/54> (дата обращения: 29.01.2026).
6. *Иванова М.В.* Новые возможности развития венчурного рынка России для обеспечения технологического суверенитета // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 50–61. DOI: 10.55959/MSU20701381-107-2024-50-61.
7. *Ищенко А.И.* Механизмы государственной поддержки российского технологического предпринимательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 178–182. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-5-36.
8. *Куренев Д.* Сколько регионы России тратят на научные исследования и инновации: инфографика [Электронный ресурс] // Ведомости. 2025. 6 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/06/1160914-skolko-regioni-rossii> (дата обращения: 29.01.2026).
9. *Лавский В.* ВРП Новосибирской области достигнет в 2025 году 2,7 трлн рублей (11 дек. 2025 г.) [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. Сибирь. 2025. 11 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8272538?ysclid=ml0xh6279a126929969> (дата обращения: 29.01.2026).
10. *Махмудова З.Ш.* Инвестиции в интеллектуальную собственность в рамках инновационных экосистем: взаимосвязь и влияние // Центральноазиатский журнал междисциплинарных исследований и исследований в области управления. 2025. Т. 2, № 2(2). С. 210–217. DOI: 10.5281/zenodo.14982692.

11. Москва дает России валовой региональный продукт на уровне 4% (10 октября 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2024/10/10/moskva-daet-rossii-valovoy-regionalnyu-produkt-na-urovne-4> (дата обращения: 29.01.2026).
12. *Новикас Р.Ю.* Роль венчурного финансирования в механизме реабилитации инвестиций // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 6. С. 83–86.
13. Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2024 году [Электронный ресурс]. URL: <https://mert.tatarstan.ru/file/mert/File/Итоги%20социально-экономического%20развития%20Республики%20Татарстан%20в%202024%20году.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
14. Особая экономическая зона «Новосибирск» [Электронный ресурс]. URL: https://invest.nso.ru/sites/invest.nso.ru/wodby_files/files/presentation/2024/03/oez.pptx_pdf (дата обращения: 29.01.2026).
15. Особая экономическая зона технико-внедренческого типа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spbsez.ru/investors/> (дата обращения: 29.01.2026).
16. *Посталюк М.П., Белобородова М.А.* Региональные системы венчурного финансирования инновационных трансформаций российской экономики // Проблемы современной экономики. 2013. № 3(47). С. 311–315.
17. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 10 [Электронный ресурс] / *В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артемов и др.*; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (21.7 Мб). М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1068200858.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
18. Росстат. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 г. и в среднем за 2024 г. и компоненты ее изменения [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OkPopul_Comp2025_Site.xlsx (дата обращения: 29.01.2026).
19. Рынок венчурных инвестиций в России I полугодие 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://i.moscow/upload/media/default/0001/23/539652ca76c8f81a67df919cf20f8eea1ca06c0a.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).
20. *Сафронова Е.Д.* Особенности и перспективы развития венчурного финансирования в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14, № 1А. С. 334–340. DOI: 10.34670/AR.2024.63.74.041.
21. Что дает статус резидента ОЭЗ «Технополис Москва» и как им стать [Электронный ресурс]. URL: https://prommoscow.info/interesting/become-resident-technopolis-moscow-sez_ (дата обращения: 20.01.2026).
22. *Шамберина Г.* Рост экономики Нижегородской области замедлился до 1,1% по итогам 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8421513> (дата обращения: 02.03.2026).
23. *Шевелева К.И., Шуринова В.А., Стефанова Н.А.* Венчурные инвестиции в России: особенности, тенденции и актуальные проблемы // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 2. С. 295–308. DOI: 10.18334/ce.15.2.11160622.
24. *Шкодинский С.В., Степанов Д.А.* Российский венчурный рынок сегодня: проблемы трансформации [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 6. URL: <https://esj.today/PDF/29ECVN623.pdf>.
25. «Эксперт РА» подтвердил кредитный рейтинг г. Санкт-Петербурга на уровне ruAAA [Электронный ресурс]. URL: <https://raexpert.ru/releases/2024/nov15c> (дата обращения: 29.01.2026).
26. «Эксперт РА» подтвердил кредитный рейтинг Свердловской области на уровне ruAA [Электронный ресурс]. URL: <https://raexpert.ru/releases/2025/jul22e> (дата обращения: 02.03.2026).

КУЗНЕЦОВА ЭЛЬВИРА ГЕОРГИЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и международных экономических отношений, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (elvira.kuz.70@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6804-8655>).

ПЕНКИН АРТЕМ ВАДИМОВИЧ – студент I курса экономического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (artem.penkin.2019@mail.ru).

Elvira G. KUZNETSOVA, Artem V. PENKIN

THE IMPACT OF TAX INCENTIVES AND REGIONAL INFRASTRUCTURE ON VENTURE FINANCING USING THE EXAMPLE OF INDIVIDUAL REGIONS OF RUSSIA

Key words: *venture financing, tax incentives, innovative infrastructure, regional development, startups, investors, investment activity.*

The development of venture capital financing in Russia is a key prerequisite for the transition to an innovation-driven economy; however, this process is accompanied by a persistent trend towards extreme geographical concentration of investment capital, which raises questions about the effectiveness of state support measures, including tax incentives and the development of regional innovation infrastructure.

The purpose of the study is to identify the mechanisms of synergistic interaction between tax incentives and regional innovation infrastructure, as well as to conduct a comparative analysis of regional strategies that ensure the inflow of venture capital.

Materials and methods. The empirical basis of the study was provided by open statistical data from Rosstat, the Bank of Russia, the National Research University "Higher School of Economics", the Venture Investment Association and the National Association of Business Angels for 2020–2024 and the first half of 2025, as well as materials from relevant ministries and business navigators on innovation infrastructure. Comparative structural analysis of regional strategies, qualitative analysis of the regulatory framework and comparative case analysis were used in the work.

Results. The venture capital financing market in Russia underwent a structural transformation between 2020 and 2025. The peak in investment activity in 2021 was followed by a sharp downturn. The recovery in 2023–2024 was characterized not by a return to the pre-crisis model, but by a shift towards capital concentration: the total volume of investments increased, while the number of deals decreased, indicating a trend towards larger funding rounds. The key trend was the shift in funding towards later stages (Series B and C+), which accounted for three-quarters of total investment in the first half of 2025. The geographical distribution of the market was characterized by an extremely high concentration of capital in the two main centers – Moscow and St. Petersburg, which together accumulated up to 95% of all venture capital investments. Government support for venture financing and innovation activities was implemented through various regional strategies, notably ecosystem-based (Moscow, Saint Petersburg), aggressive fiscal (Tatarstan) and science-subsidised (Novosibirsk Oblast) approaches. Fiscal measures produced the expected result only as part of a comprehensive policy. Only by being integrated into a vibrant ecosystem with a robust infrastructure, specialised development institutions and mechanisms for science commercialising were they able to attract significant capital inflows. The experience of the Republic of Tatarstan demonstrated success of such an integrated approach. At the same time, the situation in Arkhangelsk and Voronezh regions showed that isolated fiscal measures, not supported by an integrated ecosystem, did not give significant results.

Conclusions. The impact of tax incentives on venture capital financing in Russia is indirect and is only fully realized when combined with a well-developed regional innovation infrastructure. Isolated fiscal measures do not provide significant capital inflows, which is confirmed by the cases of regions with low investment activity. The key success factor is the territory's ability to form an integrated ecosystem that combines specialized institutions, dense infrastructure, mechanisms for the commercialization of science, and non-fiscal support. The results of the study substantiate the need for a differentiated approach in regional policy: an ecosystem model with moderate benefits is effective for metropolitan agglomerations and a model for creating compact growth poles with maximum fiscal incentives and advanced infrastructure development is effective for regions with scientific potential.

References

1. *V 2025 godu VRP v Tatarstane sostavit 5,6 trilliona rublei* [In 2025, GRP of Tatarstan will amount to 5.6 trillion rubles]. Available at: <https://m.business-gazeta.ru/news/690500?ysclid=ml0-xcksn10472160718> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).

2. Veniamin Kondrat'yev: *Po itogam 2025 VRP kraya sostavit 5,8 trilliona rublei* [Veniamin Kondrat'yev: By the end of 2025, the Region's GRP will amount to 5,8 trillion rubles]. Available at: <https://investkuban.ru/articles/news/veniamin-kondratev-po-itogam-2025-goda-vrp-kraya-sostavit-5-8-trilliona-rublei/> (Accessed Date: 2026, March 2).
3. Vozyakov A. *Tseny vyrastut vmeste s zarplatami: Smol'nyy predstavil budushcheye Peterburga* [Prices will rise along with salaries: Smolny presented the future of Petersburg]. Available at: <https://www.dp.ru/a/2025/08/06/ceni-virastut-vmeste-s-zarplatami> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
4. *Vozможности OЕZ «Innopolis»* [Opportunities of SEZ "Innopolis"]. Available at: <https://sez-innopolis.ru/investoram/> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
5. *Investkarta RF* [Investment map of the Russian Federation]. Available at: <https://invest.gov.ru/map/region/54> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
6. Ivanova M.V. *Novye vozможности razvitiya venchurnogo rynka Rossii dlya obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta* [New opportunities for the development of the Russian venture market to ensure technological sovereignty]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2024, no. 107, pp. 50–61. DOI: 10.55959/MSU20701381-107-2024-50-61.
7. Ishchenko A.I. *Mekhanizmy gosudarstvennoy podderzhki rossiyskogo tekhnologicheskogo predprinimatel'stva* [Mechanisms of state support for Russian technological entrepreneurship]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 2024, no. 5, pp. 178–182. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-5-36.
8. Kurenev D. *Skol'ko regiony Rossii tratyat na nauchnyye issledovaniya i innovatsii: infografika* [How much Russian regions spend on research and innovation: infographics]. *Vedomosti*, 2025, Dec. 6. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/12/06/1160914-skolko-regioni-rossii> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
9. Lavskiy V. *VRP Novosibirskoy oblasti dostignet v 2025 godu 2,7 trln rublei* [GRP of Novosibirsk region will reach 2.7 trillion rubles in 2025]. *Kommersant*", 2025, Dec. 11. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8272538?ysclid=ml0xh6279a126929969> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
10. Makhmudova Z.Sh. *Investitsii v intellektual'nyuyu sobstvennost' v ramkakh innovatsionnykh ekosistem: vzaimosvyaz' i vliyaniye* [Investments in intellectual property within innovation ecosystems: interrelation and impact]. *Tsentral'noaziatskiy zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy i issledovaniy v oblasti upravleniya*, 2025, vol. 2, no. 2(2), pp. 210–217. DOI: 10.5281/zenodo.14982692.
11. *Moskva dayet Rossii valovoy regional'nyy produkt na urovne 4%* [Moscow gives Russia gross regional product at the level of 4%]. Available at: <https://eadaaily.com/ru/news/2024/10/10/moskva-daet-rossii-valovoy-regionalnyy-produkt-na-urovne-4> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
12. Novikas R.Yu. *Rol' venchurnogo finansirovaniya v mekhanizme reabilitatsii investitsiy* [The role of venture financing in the mechanism of investment rehabilitation]. *Ekonomika i upravleniye: analiz tendentsiy i perspektiv razvitiya*, 2013, no. 6, pp. 83–86.
13. *Osnovnyye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tatarstan v 2024 godu* [Main indicators of socio-economic development of the Republic of Tatarstan in 2024]. Available at: <https://mert.tatarstan.ru/file/mert/File/Итоги%20социально-экономического%20развития%20Республики%20Татарстан%20в%202024%20году.pdf> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
14. *Osobaya ekonomicheskaya zona «Novosibirsk»* [Special economic zone "Novosibirsk"]. Available at: https://invest.nso.ru/sites/invest.nso.ru/wodby_files/files/presentation/2024/03/oez.pptx_pdf (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
15. *Osobaya ekonomicheskaya zona tekhniko-vnedrencheskogo tipa* [Special economic zone of technology-implementation type]. Available at: <https://www.spbsez.ru/investors/> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
16. Postalyuk M.P., Beloborodova M.A. *Regional'nyye sistemy venchurnogo finansirovaniya innovatsionnykh transformatsiy rossiyskoy ekonomiki* [Regional systems of venture financing of innovative transformations of the Russian economy]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2013, no. 3(47), pp. 311–315.
17. Gokhberg L.M., Kutsenko E.S., eds., Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Artemov S.V. et al. *Reyting innovatsionnogo razvitiya sub'yektov Rossiyskoy Federatsii. Vypusk 10* [Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. Issue 10]. Moscow, ISIEZ HSE Publ., 2025. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1068200858.pdf> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).
18. *Rosstat. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2025 g. i v srednem za 2024 g. i komponenty yeye izmeneniya* [Estimate of the resident population as of January 1, 2025

and average for 2024 and components of its change]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OkPopul_Comp2025_Site.xlsx (Accessed Date: 2026, Jan. 29).

19. *Rynok venchurnykh investitsiy v Rossii I polugodiye 2025* [Venture investment market in Russia, first half of 2025]. Available at: <https://i.moscow/upload/media/default/0001/23/539652ca-76c8f81a67df919cf20f8eea1ca06c0a.pdf> (Accessed Date: 2026, Jan. 30).

20. Safronova E.D. *Osobennosti i perspektivy razvitiya venchurnogo finansirovaniya v Rossii* [Features and prospects of venture financing development in Russia]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2024, vol. 14, no. 1A, pp. 334–340. DOI: 10.34670/AR.2024.63.74.041.

21. *Chto dayet status rezidenta O EZ «Tekhnopolis Moskva» i kak im stat'* [What gives the status of a resident of the SEZ "Technopolis Moscow" and how to become one]. Available at: <https://prommoscow.info/interesting/become-resident-technopolis-moscow-sez> (Accessed Date: 2026, Jan. 20).

22. Shamberina G. *Rost ekonomiki Nizhegorodskoy oblasti zamedlilsya do 1,1% po itogam 2025 goda* [Economic growth in the Nizhny Novgorod region slowed to 1.1% by the end of 2025]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/8421513> (Accessed Date: 2026, March 02).

23. Sheveleva K.I., Shurinova V.A., Stefanova N.A. *Venchurnyye investitsii v Rossii: osobennosti, tendentsii i aktual'nyye problemy* [Venture investments in Russia: features, trends and current problems]. *Kreativnaya ekonomika*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 295–308. DOI: 10.18334/ce.15.2.11160622.

24. Shkodinskiy S.V., Stepanov D.A. *Rossiyskiy venchurnyy rynek segodnya: problemy transformatsii* [Russian venture market today: problems of transformation]. *Vestnik yevraziyskoy nauki*, 2023, vol. 15, no. 6. Available at: <https://esj.today/PDF/29ECVN623.pdf> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).

25. «Ekspert RA» *podtverdil kreditnyy reyting g. Sankt-Peterburga na urovne ruAAA* ["Expert RA" confirmed the credit rating of St. Petersburg at ruAAA]. Available at: <https://raexpert.ru/releases/2024/nov15c> (Accessed Date: 2026, Jan. 29).

26. «Ekspert RA» *podtverdil kreditnyy reyting Sverdlovskoy oblasti na urovne ruAA* ["Expert RA" confirmed the credit rating of the Sverdlovsk region at ruAA- level]. Available at: <https://raexpert.ru/releases/2025/jul22e> (Accessed Date: 2026, March 02).

ELVIRA G. KUZNETSOVA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory and International Economic Relations, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (elvira.kuz.70@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6804-8655>).

ARTEM V. PENKIN – 1st year Student, Faculty of Economics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (artem.penkin.2019@mail.ru).

Формат цитирования: Кузнецова Э.Г., Пенкин А.В. Влияние налоговых льгот и региональной инфраструктуры на венчурное финансирование на примере отдельных регионов России [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 1. С. 19–38. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/3>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-19-38.

К.Л. ЛАЗАРИДИ, Н.С. МУШКЕТОВА

**ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА ВУЗОВ:
ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ
ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ**

Ключевые слова: академический персонал, внешняя мотивация, внутренняя мотивация, управление, факторы мотивации, эмпирический анализ.

Высшая школа как социальный институт играет важную роль в формировании человеческого капитала и обеспечении качества жизни общества. В этом контексте эффективное управление университетом, и в частности управление мотивацией академического персонала, становится важным фактором национального развития. Статья посвящена разработке комплексных рекомендаций по совершенствованию системы мотивации преподавателей вузов, направленных на повышение эффективности управления вузом как социально-экономической системой.

Цель исследования – изучение и анализ мотивации профессиональной деятельности академического персонала, выявление действенных механизмов мотивации, соответствующих запросам преподавателей, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию системы мотивации в вузах для повышения эффективности труда.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе социологического опроса, проведенного в вузах Грузии. Теоретическую основу работы представляют опубликованные научные труды, посвященные проблематике мотивации академического персонала, а также результаты современных исследований в области управления. Методологическая база исследования базируется на общенаучных методах анализа и синтеза.

Результаты. Изучение данных позволило выявить четкую структуру мотивационных приоритетов академического персонала. Анализ ответов респондентов свидетельствует о доминировании материальных стимулов в структуре мотивационных ожиданий – систему бонусов и премий выделили 13% преподавателей. Значимым фактором также стал индивидуальный подход к потребностям преподавателей (9%). Существенную роль играют факторы профессиональной самореализации: финансирование научной деятельности отметили 8% опрошенных, а развитие корпоративной культуры – 7%. Потребность в профессиональном развитии подтверждается значимостью курсов повышения квалификации (6%). Исследование выявило относительно низкое влияние традиционных форм морального стимулирования (2%). Организационные механизмы мотивации – карьерный рост и участие в управлении – оказались значимыми лишь для 3% преподавателей, что свидетельствует о необходимости совершенствования этих направлений. Полученные результаты демонстрируют важность сбалансированного подхода к мотивации, сочетающего материальные стимулы с развитием профессиональной среды и индивидуальным подходом к потребностям преподавателей.

Выводы. Проведенное исследование эмпирически подтвердило необходимость перехода от стандартизированных систем мотивации к гибкому и индивидуальному подходу в управлении академическим персоналом. Выявлена структура мотивационных приоритетов преподавателей, в которой доминирует триада: материальное стимулирование, индивидуальный подход к потребностям и поддержка научной деятельности. При этом традиционные формы морального поощрения и организационные механизмы показали низкую эффективность и требуют глубокой трансформации. Работа вносит вклад в теорию менеджмента, обосновывая приоритетность персонализированных систем мотивации применительно к академической среде. Разработанные на этой основе рекомендации могут быть использованы для повышения эффективности управления вузами.

Введение. Современный университет функционирует в условиях повышенных требований к качеству образования и научной продуктивности, что актуализирует вопросы эффективного управления академическим персоналом. В связи с этим система мотивации становится важным элементом развития высших учебных заведений. Однако сохраняется расхождение между традиционными подходами к мотивированию и реальными потребностями академического персонала, что снижает эффективность управления в академической среде. Особую значимость приобретает исследование факторов мотивации в условиях трансформации высшего образования, когда традиционные стимулы теряют эффективность, а запрос на индивидуальный подход и профессиональную самореализацию усиливается.

Цель исследования – изучение и анализ мотивации профессиональной деятельности академического персонала, выявление действенных механизмов мотивации, соответствующих запросам преподавателей, а также разработка практических рекомендаций по совершенствованию системы мотивации в вузах для повышения эффективности труда.

Научная новизна исследования заключается в создании сбалансированной системы мотивации, основанной на реальных данных о потребностях преподавателей.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе социологического опроса, направленного на изучение мотивационной структуры академического персонала. Выборочная совокупность включила 218 преподавателей вузов Грузии, что обеспечило репрезентативность данных для анализа мотивационных факторов в академической среде. Исследование проводилось в 2025 г. с использованием специально разработанного инструментария с соблюдением принципов анонимности. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью анкетирования. Анкета содержала закрытые вопросы для выявления социодемографических характеристик респондентов и измерения таких параметров, как факторы мотивации, продуктивность и удовлетворенность профессиональной деятельностью. Завершающая часть анкеты включала открытый вопрос, целью которого был сбор рекомендаций по оптимизации существующей системы мотивации. 80% преподавателей предоставили конкретные рекомендации по совершенствованию системы. Качественный анализ ответов проводился с помощью метода контент-анализа с последующей категоризацией ответов респондентов. На первом этапе были вычленены ключевые смысловые единицы, соответствующие предложениям преподавателей. Далее на основе смыслового сходства эти единицы были сгруппированы в 20 предварительных тематических категорий для формирования итоговой системы категорий, обеспечивающей большую смысловую ценность. Для каждой категории был рассчитан процент респондентов, упомянувших соответствующие предложения. Среди ответивших на открытый вопрос 20% преподавателей не сформулировали пожеланий, воздержавшись от ответа.

Результаты исследования. Образование служит фундаментальным элементом формирования человеческого и социального капитала страны [5]. В современных условиях университеты становятся ключевыми субъектами управления, от эффективности которого зависят не только образовательные результаты, но и интеллектуальный потенциал для устойчивого экономического и социального развития общества [17]. Вопрос эффективной мотивации преподавательского состава является центральным для повышения качества высшего образования и научной деятельности, что напрямую связано с решением стратегических задач повышения качества жизни. Понимание непосредственных ожиданий и потребностей сотрудников позволяет выстраивать грамотную управленческую политику, отвечающую вызовам современности.

Мотивация представляет собой сложный управленческий инструмент, активизирующий деятельность человека и определяющий ее направленность на достижение целей организации. В контексте управления высшей школой мотивация приобретает стратегическое значение, так как от нее зависит способность университета генерировать знания и развивать человеческий капитал. В современной науке сложилось двойственное понимание смысла мотивации. С одной стороны, мотивация рассматривается как система внешних стимулов для повышения эффективности труда. Эти стимулы могут быть как положительными – денежное вознаграждение, карьерный рост, признание заслуг, так и отрицательными – понижение в должности, увольнение. С другой стороны, мотивация понимается как внутреннее состояние человека, проявляющееся в искренней заинтересованности в работе, стремлении к достижению высоких результатов и получении удовлетворения от самого процесса трудовой деятельности. Согласно современным исследованиям, именно внутренняя мотивация считается наиболее устойчивой и эффективной, поскольку она основана на личных ценностях и интересах человека, а не на внешних воздействиях [6. С. 16–17; 14]. Согласно мнению E.L. Deci и R.M. Ryan, данный тип побуждений подразумевает участие человека в деятельности, вызывающей положительные эмоции, такие как удовлетворение и удовольствие. Это обусловлено искренним интересом человека к трудовой деятельности и осознанием его общественной значимости [13]. Таким образом, задача управления заключается в создании среды, стимулирующей как внешние, так и внутренние мотивы, что напрямую способствует раскрытию творческого потенциала персонала. Z. Ghanbarpour и F.S. Najmolhoda отмечают, что для каждой организации одним из залогов успеха является мотивация [15].

Продуманная система мотивации составляет основу эффективного управления, выступая ключевым механизмом согласования индивидуальных действий сотрудников с целями организации. Следовательно, для достижения высоких результатов деятельности руководству необходимо целенаправленно формировать мотивационную среду, соответствующую потребностям и ценностным ориентациям персонала. Формирование и поддержание такой среды представляет собой стратегическую управленческую задачу, решение которой

способствует укреплению вовлеченности, лояльности и, как следствие, повышению качества образовательных услуг. Пассивная позиция руководства в вопросах мотивации может приводить к снижению трудовой активности и утрате интереса к результатам деятельности. Формирование и поддержание мотивирующей среды представляет собой стратегическую задачу, поскольку нерегулируемая мотивация не гарантирует стабильно высокой производительности. Эффективное управление мотивацией требует системного подхода. Непрерывный мониторинг и своевременная корректировка факторов трудового поведения становятся важным условием поддержания долгосрочной эффективности организации [12].

Система мотивации требует тщательного анализа и планирования для соответствия возможностям организации и потребностям персонала. На основе баланса этих интересов формируются различные подходы к мотивированию. Материальная и нематериальная мотивации предполагают комбинирование финансового вознаграждения с регулярным подкреплением в форме бонусов, премий, а также признания и благодарности: позитивная и негативная мотивация основываются на принципе поощрения за достижение целей и применения санкций за невыполнение задач. Внутренняя и внешняя мотивации учитывают оценку результатов деятельности с позиции сотрудника и руководителя, где совпадение мнений укрепляет взаимное доверие. Общеорганизационный, групповой и индивидуальный уровни позволяют адаптировать систему стимулирования от общеорганизационных задач до персональных потребностей конкретного работника. Особое значение приобретает система самомотивации, когда сотрудник самостоятельно направляет свои усилия на основе внутренних побуждений без внешнего стимулирования [11].

При разработке механизмов мотивации персонала необходимо учитывать ключевые требования, связанные с ее последующей реализацией. Важно создавать единые условия стимулирования для всех сотрудников, обеспечивая взаимосвязь материальных и нематериальных методов стимулирования. Система должна быть прозрачной, особенно в вопросах оплаты труда и дополнительного вознаграждения, при этом должностные инструкции требуют четкого определения прав, обязанностей и ответственности. Необходима разработка объективных критериев оценки персонала, где уровень заработной платы устанавливается с учетом опыта работы, сложности выполняемых задач и степени ответственности. Модель стимулирования должна предусматривать возможность роста дохода в зависимости от индивидуальных достижений сотрудника, создавая при этом здоровую конкурентную среду в коллективе. Все элементы мотивационной системы должны соответствовать общей стратегии организации, одновременно согласуясь с личными интересами работников [4].

Анализ данных свидетельствует о широком спектре рекомендаций преподавателей, охватывающем как материальные, так и нематериальные аспекты мотивации. Полученные результаты, а именно широкий спектр конкретных рекомендаций по изменению системы управления мотивацией, позволяют предположить наличие связи между удовлетворенностью персонала и эффективностью

управления организацией в целом. Это проявляется в том, что основные пожелания респондентов, такие как внедрение индивидуального подхода, сокращение бюрократии, напрямую адресованы методам и стилю руководства. Так, отвечая на вопрос о предложениях по совершенствованию системы, 13% преподавателей отметили, что наиболее предпочтительной и действенной формой являются бонусы и премии, что составляет наиболее значимую категорию ответов и свидетельствует о высокой актуальности материального стимулирования [8]. Второй по значимости рекомендацией для руководителей вузов стало применение индивидуального подхода к преподавателям, учитывающего их потребности; данный вариант был отмечен 9% участников опроса [7]. Выявленные приоритеты указывают на необходимость сочетания стандартных финансовых механизмов и гибкого, персонализированного управления, что является признаком эффективной управленческой системы.

Существенный блок ожиданий связан с профессиональной и научной самореализацией. Финансирование научной деятельности как мотивационный фактор отметили 8% преподавателей. Это свидетельствует о стремлении академического персонала к профессиональному развитию и реализации исследовательского потенциала. Потребность в формировании благоприятного социально-психологического климата и укреплении горизонтальных связей в коллективе находит свое отражение в значимости, которую респонденты (7%) придают корпоративным мероприятиям и совместным выездам, направленным на укрепление корпоративной культуры и сплочение коллектива. Это подтверждает, что управление мотивацией выходит за рамки экономических стимулов и должно включать инструменты формирования организационной культуры и социального единства.

Материальная мотивация как общая категория была выделена 6% респондентов. В совокупности с бонусами и премиями это формирует значительный блок запросов, связанных с улучшением финансового положения. При этом важно отметить, что нематериальные формы мотивации, такие как признание опыта и результатов, учет оценки преподавателя студентами, а также моральное поощрение, в сумме составляют заметную долю ответов. Так, на значимость учета профессиональных достижений указали 6% опрошенных, а на важность студенческих оценок – 5% респондентов. Таким образом, система управления должна включать прозрачные механизмы обратной связи и публичного признания заслуг.

Примечательно, что такие традиционные формы морального стимулирования, как похвала [8], благодарственные письма и конкурсы на звание лучшего преподавателя, также присутствуют в ответах, однако их доля незначительна (2%). Это дает основание полагать, что они воспринимаются как вспомогательные, а не основные методы мотивации. О наличии административных барьеров, снижающих удовлетворенность трудом, свидетельствуют также пожелания респондентов по оптимизации организационных процессов, в частности сокращение бюрократии и переход на бессрочные контракты.

Отдельного внимания заслуживает группа факторов, связанных с профессиональным развитием: в структуре предпочтений респондентов бесплатные курсы повышения квалификации и тренинги были определены как значимый фактор 6% респондентов, что свидетельствует о потребности в непрерывном обучении и необходимости адаптации к изменчивым требованиям академической среды. В работе Е.Е. Акулиной и соавт. также подчеркивается стратегическая важность формирования действенной системы мотивации преподавателей к непрерывному профессиональному развитию в условиях современных вызовов высшего образования [1]. Повышение квалификации следует рассматривать как ключевую инвестицию в человеческий капитал, непосредственно определяющую уровень преподавания и инновационный потенциал вуза. В отличие от этого, такие организационные механизмы, как карьерный рост, программы ротации кадров и участие преподавателей в принятии управленческих решений, отметили 3% преподавателей. Это несоответствие может объясняться либо слабой информированностью сотрудников о данных возможностях, либо их недостаточным внедрением в университетскую практику.

Результаты проведенного исследования показывают, что для повышения эффективности управления мотивацией и, как следствие, деятельности вуза в целом требуется комплексный подход. В современных научных работах подчеркивается значимость интеграции различных аспектов мотивации, где успешная система стимулирования академического персонала формируется на основе сочетания внутренних и внешних факторов мотивации [2, 3], а также материальных и нематериальных методов стимулирования [8]. Необходимость такого подхода обусловлена доказанным положительным влиянием сбалансированной мотивации на производительность труда преподавателей [16].

На основе анализа полученных данных было установлено, что ключевым направлением совершенствования мотивационной политики является создание сбалансированной системы, объединяющей материальное стимулирование с индивидуализированным подходом к академическому персоналу. Сходные выводы содержатся в работе А.С. Сайфонова, в которой обосновывается эффективность комбинирования данных мотивационных механизмов [10]. Одновременно с этим важно усилить поддержку научно-исследовательской деятельности через целевое финансирование, гранты и создание условий для академической мобильности. Эти меры направлены на стимулирование инновационной активности и наращивание интеллектуального капитала университета. Развитие корпоративной культуры через организацию коллективных мероприятий и неформального общения является значимым фактором мотивационной системы [7]. Данные меры не только усиливают сплоченность коллектива, но и снижают вероятность профессионального выгорания. Взаимосвязь между условиями труда и уровнем мотивации преподавателей подтверждается результатами исследования К.Е. Пешковой [9]. Наряду с этим следует внедрять программы профессионального роста, обеспечивая информированность сотрудников о возможностях карьерного продвижения. Для укрепления вовлеченности и реализации принципов партисипативного менеджмента целесообразно

децентрализовать процесс принятия решений, активно привлекая преподавателей к обсуждению вопросов учебного процесса и развития вуза. Кроме того, важной задачей является сокращение нагрузки и бюрократических процедур, что позволит высвободить время для основной профессиональной деятельности. Комплекс этих мер направлен на оптимизацию управленческих процессов и создание среды, способствующей самореализации преподавателей.

Выводы. Эффективная мотивационная политика в вузе является не просто элементом кадровой работы, а стратегическим компонентом управления, оказывающим прямое влияние на качество образовательной и научной деятельности, а через них – на развитие общества. Реализация предложенных мер будет способствовать не только повышению удовлетворенности трудом, но и росту качества образования и научной продуктивности в долгосрочной перспективе. Разработанные рекомендации ориентированы на создание гибкой управленческой системы, отвечающей как текущим потребностям, так и стратегическим ориентирам развития человеческого капитала.

На основе анализа ответов респондентов были выделены следующие приоритетные направления мотивационной политики, наиболее востребованные в академическом сообществе: прозрачная регулярная система премирования и бонусов; индивидуальный подход к преподавателям, учитывающий их личные и профессиональные потребности; усиление поддержки научной деятельности через целевое финансирование и гранты; развитие корпоративной культуры посредством организации совместных мероприятий; формализация механизмов обратной связи и признания достижений, включая учет мнения студентов и уважение к опыту преподавателей. Реализация данного комплекса мер будет способствовать совершенствованию управления вузом как социально-экономической системой и повышению его вклада в развитие творческого потенциала и качества жизни в современном обществе.

Литература

1. Акулина Е.Е., Островская И.Э., Тормозов В.С. Экономические механизмы мотивации преподавателей к профессиональному развитию // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 5, № 5. С. 209–216. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.05.026.
2. Богданова А.Н. Формирование эффективной системы мотивации и стимулирования как способ решения проблем мотивации преподавателей высших учебных заведений // Сборник материалов XI Международ. науч.-практ. конф. М.: АНО ДПО «ЦРОН», 2024. С. 352–360.
3. Дунина Н.А. Внутренние и внешние факторы мотивации преподавателя // Учебно-методический форум профессорско-преподавательского состава. Красноярск: Сибир. юрид. ин-т МВД РФ, 2025. С. 13–17.
4. Звездилин А.Ю. Мотивация персонала компании в условиях инновационного развития бизнеса: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 25 с.
5. Ковалева Т.С. Проблемы развития социального и человеческого капитала в АПК России // Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения: сб. науч. тр. / С.-Петербург. гос. аграр. ун-т. СПб., 2018. Ч. II. С. 73–76.
6. Магура М.И., Курбатова М.Б. Секреты мотивации, или Мотивация без секретов. М., 2007. 656 с.
7. Мотивация персонала вузов / С.В. Петрякова, Е.М. Кот, Н.Б. Фатеева и др. // Образование и право. 2023. № 9. С. 434–438. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-434-438.

8. Ореховская Н.А., Деникин А.В., Деникина З.Д. Опыт материального и нематериального стимулирования преподавателей в российских и зарубежных вузах: цели, методы, итоги // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14, № 2. С. 36–45. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-36-45.

9. Пешкова К.Е. Трудовая мотивация как средство повышения эффективности трудовой деятельности преподавателя вуза // Теория и практика современной науки: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Сахалин. ин-та железнодорожного транспорта – филиала Дальневост. гос. ун-та путей сообщения в г. Южно-Сахалинске. М.: Спутник+, 2022. С. 42–45.

10. Сайфонов С.А. Мотивация научной деятельности как основа профессионального развития преподавателей вузов // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 1(82). С. 549–560.

11. Самоужина Н.В. Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах. М.: Вершина, 2006. 224 с.

12. Токарева Ю.А., Глухенькая Н.М., Токарев А.Г. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход / Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. Шадринск: Шадр. гос. пед. ун-т, 2021. 216 с.

13. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behaviour. New York, Plenum, 1985.

14. Evans L. Managing to motivate: A guide for school leaders. London, Cassell & Co, 1999, 162 p.

15. Ghanbarpour Z., Najmolhoda F.S. Contemporary theories of Motivation in Organizational Leadership and Behavior. *Intl. Res. J. Appl. Basic. Sci.*, 2013, vol. 6(1), pp. 1–7.

16. Layek D., Navin Kumar Koodamara N.K. Motivation, work experience, and teacher performance: A comparative study. *Acta Psychologica*, 2024, vol. 245, 104217. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104217.

17. Watta H.M.G., Richardson P.W. Motivation of higher education faculty: (How) it matters! *International Journal of Educational Research*, 2020, vol. 100, 101533. DOI: 10.1016/j.ijer.2020.101533.

ЛАЗАРИДИ КРИСТИНА ЛАМБРИАНОВНА – аспирантка кафедры менеджмента и маркетинга, Волгоградский государственный университет, Россия, Волгоград (k.lazaridi@internet.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4310-1095>).

МУШКЕТОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Волгоградский государственный университет, Россия, Волгоград (nmushketova@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1778-0926>).

Kristina L. LAZARIDI, Natalia S. MUSHKETOVA

MOTIVATION FACTORS FOR UNIVERSITY ACADEMIC STAFF: EMPIRICAL ANALYSIS AND RECOMMENDATIONS FOR MANAGEMENT

Key words: *academic staff, external motivation, internal motivation, management, motivation factors, empirical analysis.*

As a social institution, higher education plays a vital role in developing human capital and ensuring the quality of life within society. In this context, effective university management, and in particular the management of academic staff motivation is becoming an important factor in national development. This article focuses on the development of comprehensive recommendations for improving the incentive system for university lecturers, with a view to enhancing the effectiveness of university management as a socio-economic system.

The purpose of the study is to study and analyse the factors motivating the professional activities of the academic staff, to identify effective motivational mechanisms that meet the needs of lecturers, and to develop practical recommendations for improving the motivation system in higher education institutions in order to enhance work efficiency.

Materials and methods. *The empirical basis of the study was made up of data obtained during a sociological survey conducted at Georgian universities. The theoretical framework of this work is based on published academic papers dealing with the issue of academic*

staff motivation, as well as the findings of recent research in the field of management. The methodological basis of the research is based on general scientific methods of analysis and synthesis.

Results. The analysis of the data revealed a clear pattern in the motivational priorities of academic staff. The analysis of the respondents' answers indicates that financial incentives dominate the structure of motivational expectations – 13% of teachers highlighted the system of bonuses and awards. An individual approach to the needs of teachers was also a significant factor (9%). Factors of professional self-realization play a significant role: 8% of respondents noted the financing of scientific activities, and 7% noted the development of corporate culture. The need for professional development is confirmed by the importance of advanced training courses (6%). The study revealed that traditional forms of financial incentives had a relatively low impact (2%). Organizational motivation mechanisms – career growth and participation in management – turned out to be significant for only 3% of teachers, which indicates the need to improve these areas. The findings demonstrate the need for a balanced approach to motivation, combining financial incentives with the development of the professional environment and a personalised approach to teachers' needs.

Conclusions. The conducted research empirically confirmed the need to move from standardized motivation systems to a flexible and individual approach in academic staff management. The structure of teachers' motivational priorities is revealed, which is dominated by a triad: financial incentives, an individual approach to needs and support for scientific activities. At this, traditional forms of moral encouragement and organizational mechanisms showed low efficiency and require deep transformation. The conducted research contributes to management theory by demonstrating the importance of personalised motivation systems in an academic setting. The recommendations developed on this basis are aimed at improving the effectiveness of university management.

References

1. Akulina E.E., Ostrovskaya I.E., Tormozov V.S. *Ekonomicheskie mekhanizmy motivatsii prepodavatelei k professional'nomu razvitiyu* [Economic motivation mechanisms for teachers professional development]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2025, vol. 5, no. 5, pp. 209–216. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.05.05.026.
2. Bogdanova A.N. *Formirovanie effektivnoi sistemy motivatsii i stimulirovaniya kak sposob resheniya problem motivatsii prepodavatelei vysshikh uchebnykh zavedenii* [Formation of an effective motivation and incentives system as a way to solve problems of motivating teachers of higher educational institutions]. In: *Sb. materialov XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of XI Int. Conf.]. Moscow, 2024, pp. 352–360.
3. Dunina N.A. *Vnutrennie i vneshnie faktory motivatsii prepodavatelya* [Teacher's internal and external motivation factors]. In: *Uchebno-metodicheskii forum professorsko-prepodavatel'skogo sostava* [Academic staff's educational and methodological forum]. Krasnoyarsk, 2025, pp. 13–17.
4. Zvezdilin A.Yu. *Motivatsiya personala kompanii v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya biznesa: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Motivation of company's staff in conditions of innovational business development. Abstract of Cand. Diss.]. Moscow, 2009, 25 p.
5. Kovaleva T.S. *Problemy razvitiya sotsial'nogo i chelovecheskogo kapitala v APK Rossii* [Problems of social and human capital development in Russian agro-industrial complex]. In: *Nauchnoe obespechenie razvitiya APK v usloviyakh importozameshcheniya: sb. nauch. tr.* [Scientific support for agro-industrial complex development in the context of import substitution]. St. Petersburg, 2018, part II, pp. 73–76.
6. Magura M.I., Kurbatova M.B. *Sekrety motivatsii, ili Motivatsiya bez sekretov* [Secrets of motivation, or motivation without secrets]. Moscow, 2007, 656 p.
7. Petryakova S.V., Kot E.M., Fateeva N.B. et al. *Motivatsiya personala vuzov* [HEI staff's motivation]. *Obrazovanie i pravo*, 2023, no. 9, pp. 434–438. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-434-438.
8. Orekhovskaya N.A., Denikin A.V., Denikina Z.D. *Opyt material'nogo i nematerial'nogo stimulirovaniya prepodavatelei v rossiiskikh i zarubezhnykh vuzakh: tseli, metody, itogi* [Experience of material and non-material stimulation of teachers in Russian and foreign universities: goals, methods, results]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 36–45. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-36-45.

9. Peshkova K.E. *Trudovaya motivatsiya kak sredstvo povysheniya effektivnosti trudovoi deyatel'nosti prepodavatelya vuza* [Labor motivation as a means of university teachers work activity's efficiency increase]. In: *Teoriya i praktika sovremennoi nauki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Russ. Sci. Conf. «Theory and practice of modern science»]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2022, pp. 42–45.
10. Saifonov S.A. *Motivatsiya nauchnoi deyatel'nosti kak osnova professional'nogo razvitiya prepodavatelei vuzov* [Motivation of scientific activity as a basis for professional development of university teachers] // *Vestnik nauki*, 2025, vol. 4, no. 1(82), pp. 549–560.
11. Samoukina N.V. *Effektivnaya motivatsiya personala pri minimal'nykh finansovykh zatratakh* [Effective motivation of personnel with minimal financial costs]. Moscow, Vershina Publ., 2006, 224 p.
12. Tokareva Yu.A., Glukhen'kaya N.M., Tokarev A.G. *Motivatsiya trudovoi deyatel'nosti personala: kompleksnyi podkhod* [Motivation of personnel work activity: an integrated approach]. Shadrinsk, 2021, 216 p.
13. Deci E.L., Ryan R.M. *Intrinsic motivation and self-determination in human behaviour*. New York, Plenum, 1985.
14. Evans L. *Managing to motivate: A guide for school leaders*. London, Cassell & Co, 1999, 162 p.
15. Ghanbarpour Z., Najmolhoda F.S. Contemporary theories of Motivation in Organizational Leadership and Behavior. *Intl. Res. J. Appl. Basic. Sci.*, 2013, vol. 6(1), pp. 1–7.
16. Layek D., Navin Kumar Koodamara N.K. Motivation, work experience, and teacher performance: A comparative study. *Acta Psychologica*, 2024, vol. 245, 104217. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104217.
17. Watta H.M.G., Richardson P.W. Motivation of higher education faculty: (How) it matters! *International Journal of Educational Research*, 2020, vol. 100, 101533. DOI: 10.1016/j.ijer.2020.101533.

KRISTINA L. LAZARIDI – Post-Graduate Student, Department of Management and Marketing, Volgograd State University, Russia, Volgograd (k.lazaridi@internet.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4310-1095>).

NATALIA S. MUSHKETOVA – Doctor of Economics Sciences, Professor, Department of Management and Marketing, Volgograd State University, Russia, Volgograd (nmushketova@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1778-0926>).

Формат цитирования: Лазариди К.Л., Мушкетова Н.С. Факторы мотивации академического персонала вузов: эмпирический анализ и рекомендации для управления [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 1. С. 39–48. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/4>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-39-48.

Д.В. ПЕЧЕНКИН

САМОРЕГУЛИРУЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В МЕДИАСФЕРЕ

Ключевые слова: саморегулируемые организации, государственное управление, медиасфера, эффективность, модель.

Саморегулируемые организации выступают механизмом перераспределения функций государственного управления, что позволяет минимизировать трудозатраты его субъектов без потери, а в некоторых случаях даже с повышением, эффективности достижения поставленных целей. Однако в отличие от успешно функционирующих подобных структур в таких отраслях, как аудит и строительство, в медиасфере этот институт в классическом виде отсутствует. Его место занимают ассоциации и союзы, деятельность которых, как правило, ограничивается обменом опытом и не включает реальные управленческие функции.

Цель исследования – разработка модели саморегулируемой организации, позволяющей повысить эффективность государственного управления в медиасфере.

Материалы и методы. В работе использовались качественные и сценарные методы анализа, методы оценки эффективности, а также сравнительный анализ. Исследование базируется на нормативно-правовых документах (российских и зарубежных), научных публикациях по проблематике саморегулирования и государственного управления в медиасфере, а также данных о деятельности отраслевых ассоциаций в России и за рубежом.

Результаты. Современная модель государственного управления в медиасфере основана на двухуровневой системе регулирования, осуществляемой государством и отраслевыми субъектами без привлечения саморегулируемых организаций. В рамках исследования проанализирована деятельность таких организаций и оценена их эффективность. Рассмотрены как зарубежные примеры, действующие в медийной сфере, так и отечественные, функционирующие в смежных областях. Результаты анализа свидетельствуют о целесообразности внедрения саморегулирования в медиасферу в целях повышения эффективности государственного управления. На этом основании разработана соответствующая модель, учитывающая интересы государства и медийных субъектов, а также сформулированы необходимые изменения в нормативно-правовой базе для ее реализации.

Выводы. Использование в медиасфере партнерской или подчиненной модели внедрения саморегулируемых организаций сопряжено со значительными рисками, что обуславливает потребность в разработке компромиссного подхода. Предложена модель такой организации, ключевой особенностью которой является обеспечение баланса интересов государства, субъектов медиасферы и аудитории. Данный баланс проявляется в сохранении необходимого уровня государственного контроля и регулирования при одновременной оптимизации затрат на медиасферу, предоставлении субъектам медиасферы реальной возможности самостоятельного продвижения своих интересов и защиты прав, а также в освобождении аудитории от необходимости самостоятельного поиска достоверных источников информации и проведения фактчекинга.

Введение. Саморегулируемые организации являются элементами перераспределения модели управления, в которой государство делегирует определенную долю своих функций по регулированию и контролю профессиональным объединениям и сообществам. На протяжении прошлого века именно

в области медиа сложилось взаимодействие законодательного регулирования и саморегулирования, что отличает эту сферу от других [1]. На данный момент не существует саморегулируемой организации в медиасфере в классическом проявлении, однако многие факторы показывают необходимость ее внедрения с целью повышения эффективности государственного управления в медиасфере.

Цель исследования – разработка модели саморегулируемой организации, позволяющей повысить эффективность государственного управления в медиасфере.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели был применен комплексный подход, включающий качественный анализ нормативно-правовых документов и научной литературы, сравнительный анализ моделей и практик саморегулирования в медиасфере за рубежом и в смежных отраслях в России, сценарный метод для идентификации и оценки рисков внедрения, а также методы оценки эффективности государственного управления и организационной деятельности.

Эмпирическую базу исследования сформировали следующие материалы: российские нормативно-правовые акты, регулирующие сферу саморегулируемых организаций и медиа (в частности, федеральные законы «О саморегулируемых организациях», «О средствах массовой информации», «О связи»); зарубежные правовые документы и отчеты о деятельности ключевых саморегулируемых организаций в медийной сфере (таких как Ofcom, IPSO, Deutscher Presserat); монографии и научные статьи отечественных и зарубежных авторов по проблематике государственного управления, саморегулирования и медиаэкономики; а также данные о функционировании российских отраслевых ассоциаций и союзов в медиасфере (РАСО, АКАР, Союз журналистов России и др.).

Результаты исследования. Саморегулируемыми организациями признаются некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных Федеральным законом «О саморегулируемых организациях» и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида¹. Ключевой задачей таких организаций является обеспечение высокого качества работы своих членов и их профессиональное соответствие, взяв на себя долю функций, которую выполняли субъекты государственного управления в медиасфере.

Современная модель государственного управления в медиасфере базируется на двухуровневой системе регулирования, которая осуществляется государством и самим рынком, не включая при этом саморегулируемые организации. Частично функции регулирования возлагаются на отраслевые ассоциации и союзы – добровольные объединения специалистов области, которые устанавливают

¹ О саморегулируемых организациях: Фед. закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967.

негласные правила своей деятельности [6]. Участниками саморегулирования средств массовой информации (СМИ) являются: Ассоциация менеджеров медиаиндустрии (АММИ), которая проводит саммиты по развитию отрасли, а также публикует основные тенденции ее развития; Российская ассоциация по связям с общественностью (РАСО), определяющая этические нормы в области PR и проводящая обучающие семинары; Ассоциация коммуникационных агентств России (АКАР), формирующая кодекс и профессиональные стандарты рынка рекламы; Союз журналистов России. Киноиндустрия, входящая в состав медиарынка, также имеет свои ассоциации, в число которых входят: Российское авторское общество (РАО), в задачи которого входят защита прав авторов, а также распределение вознаграждений за использование интеллектуальной собственности; Всероссийская организация интеллектуальной собственности (ВОИС), специализирующаяся на управлении правами на публичное использование музыкальных произведений; Союз кинематографистов России; Гильдия продюсеров России, которая организует площадки для обмена опытом, и некоторые другие [9].

Наиболее весомой ассоциацией в сфере СМИ выступает старейшее объединение – Союз журналистов России, на который возложены разработка кодекса профессиональной этики журналиста и защита прав журналистов. Однако на протяжении всего своего существования союз неоднократно подвергался множественной критике: его обвиняют в отстаивании интересов государства, а не прав журналистов. Кроме того, в 2023 г. союз был исключен из Международной федерации журналистов, что лишило его возможности отстаивания прав журналистов за рубежом.

Наиболее значимыми организациями в киноиндустрии являются РАО и ВОИС, которые успешно управляют правами на интеллектуальную собственность, однако их деятельность в основном распространена на музыкальные произведения и фонограммы [3].

Саморегулируемые организации за рубежом представлены шире, а их полномочия масштабнее. Например, Британское агентство по управлению коммуникациями (Ofcom) имеет полные юридические полномочия по наложению штрафов и отзыву лицензий у представителей СМИ. Наиболее значимые саморегулируемые организации за рубежом представлены в табл. 1.

Наглядным примером эффективности внедрения саморегулируемых организаций за рубежом является Независимая организация по стандартам прессы (IPSO), которая была создана по инициативе представителей отрасли после обвинения сотрудников издания «News of the world» в незаконном получении информации. С момента создания IPSO в 2014 г. подобных обвинений не наблюдалось.

Государства с более авторитарной моделью государственного управления видят угрозу безопасности в саморегулируемых организациях, которая проявляется в потере контроля над отраслью [5]. Однако, как показывает практика, возможно внедрение саморегулируемых организаций с сохранением прежнего уровня контроля и регулирования.

Таблица 1

**Представители саморегулируемых организаций в медиасфере за рубежом
и их отличительные черты [2]**

Государство	Саморегулируемая организация	Отличительные черты
Великобритания	Независимая организация по стандартам прессы (IPSO)	Обязывает газеты публиковать критические решения в наиболее видных местах
	Управление по коммуникациям (Ofcom)	Юридические полномочия по наложению штрафа и отзыва лицензии
Германия	Немецкий совет по прессе (Deutscher Presserat)	Полностью финансируется за счет отрасли и не имеет государственной поддержки, однако его решения оказывают ключевое влияние на государственное управление в медиасфере
США	Общество профессиональных журналистов (SPJ)	Оказывает моральное и образовательное влияние путем установления стандартов, но не имеет полномочий по их принудительному исполнению или наложению санкций
	Корпоративные омбудсмены и публичные редакторы	Наличие в организациях СМИ внутренних сотрудников по рассмотрению жалоб и критики до передачи в саморегулируемые организации или государственные органы
Международные организации	Международный институт прессы (IPI)	Ключевая цель международных саморегулируемых организаций – защита прав и свобод прессы по всему миру, а также взаимодействие с органами государственной власти на предмет превышения полномочий
	Всемирная ассоциация газет и новостных издателей (WAN-IFRA)	
	Международная федерация журналистов (IFJ)	
	Международная сеть фактчекеров (IFCN)	Впервые был сформирован кодекс принципов фактчекеров, а сами организации выступают в роли контрольного органа, сертифицируя организации, которые ведут деятельность в соответствии с кодексом
	Проект доверия (The trust project)	

В зависимости от дальнейшего политического режима и экономической ситуации возможны две потенциальные модели функционирования саморегулируемых организаций в медиасфере:

1) *партнерская модель*: государство и саморегулируемые организации равноправны; государство устанавливает рамочное законодательство, а саморегулируемые организации адаптируют его и наполняют деталями [8]. Примерами являются Великобритания и страны Северной Европы;

2) *подчиненная модель*: саморегулируемые организации создаются и функционируют под руководством и контролем государства, а все (или большинство из них) функции являются способом легимитизации государственной политики [4].

Подчиненная модель является более логичной, учитывая цели и задачи государственного управления в медиасфере, однако существенным недостатком

модели может являться нежелание объектов медиасферы вступать в такие саморегулируемые организации. Фактически саморегулируемая организация в подчиненной модели является таким же субъектом государственного управления, однако с более ограниченным объемом полномочий, при этом ее финансовое обеспечение возлагается на объекты медиасферы.

Партнерская модель также не может быть признана оптимальной для текущей системы государственного управления в медиасфере: в этом случае снижается необходимый уровень государственного контроля и надзора.

В связи с этим предложена собственная модель саморегулируемой организации, направленная на достижение баланса интересов государства и объектов медиасферы. Она позволяет сохранить должный уровень контроля со стороны государства благодаря частичному финансированию, что дает органам государственного управления и контроля на постоянной основе получать данные о деятельности саморегулируемой организации и участвовать в регулировании ее деятельности. Предлагаемая модель саморегулируемой организации имеет преимущества и для объектов медиасферы, предоставляя им возможность напрямую воздействовать на законодательство и разрабатываемые кодексы, самостоятельно отстаивая тем самым свои права, что до сих пор не было реализовано в действующих саморегулируемых ассоциациях. Данный факт будет способствовать вступлению в саморегулируемую организацию наиболее крупных участников отрасли, желающих получить дополнительные преимущества при осуществлении своей деятельности. Кроме того, стимулированием к вступлению в саморегулируемую организацию является публичное одобрение деятельности объекта медиасферы и подтверждение достоверности публикуемой информации со стороны государства, что, как показывает практика государственных СМИ, вызывает доверие аудитории, тем самым увеличивая ее.

Процесс перехода с двухуровневой системы, в которой основными участниками являются субъекты государственного управления и объекты медиасферы, к трехуровневой с добавлением саморегулируемой организации возможен благодаря существенным изменениям в законодательстве, в частности в федеральных законах «О средствах массовой информации»¹, «О связи»² и «О саморегулируемых организациях». Так, необходимо определить статус, права и обязанности саморегулируемых организаций в медиасфере; установить принцип, который закрепляет привилегии со стороны государства в отношении объектов медиасферы, являющихся членами саморегулируемой организации, включая смягчение уровня контроля и административной ответственности; прописать процедуры признания саморегулируемой организации в медиасфере (например, на основе критериев численности членов, разработанного

¹ О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511.

² О связи: Фед. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224.

кодекса, системы жалоб и т.д.). Кроме того, необходимо законодательно закрепить делегирование полномочий саморегулируемой организации со стороны субъектов государственного управления.

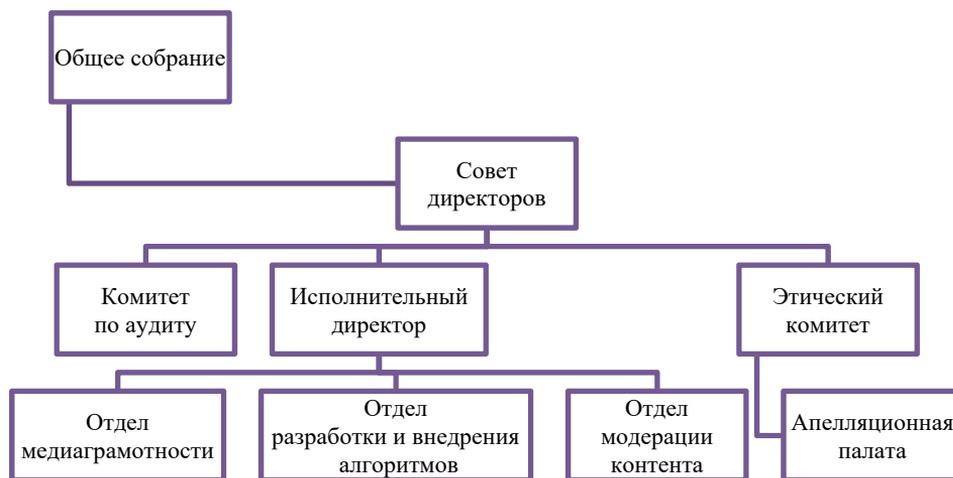
На основании вышеизложенного формируется модель саморегулируемой организации в медиасфере, к элементам которой относятся:

- *название*: Ассоциация саморегулируемой организации медиасферы;
- *миссия*: обеспечение прозрачной и этической практики производства, распространения и модерации контента; защита прав членов организации и профессиональных стандартов в отрасли медиа; содействие диалогу между всеми участниками медиарынка;

- *цели*: формирование и внедрение кодекса стандартов модерации контента и этики; создание механизмов независимого рассмотрения жалоб для разрешения споров между аудиторией, СМИ и государством; повышение транспарентности платформенных практик (модерация контента, создание алгоритмов контроля, контроль содержания рекламы); продвижение тенденции повышения медиаграмотности населения и журналистов; содействие совместному регулированию и управлению в соответствии с международными стандартами прав человека;

- *правовая основа*: саморегулируемая организация – некоммерческая организация с членством на добровольной основе [7]. Деятельность ведется в соответствии с федеральными законами «О саморегулируемых организациях», «О некоммерческих организациях»¹, Гражданским кодексом Российской Федерации² и иными законами, относящимися к деятельности СМИ;

- *структура органов управления* (рисунок);

Структура органов управления саморегулируемой организации

¹ О некоммерческих организациях: Фед. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: Фед. Закон от 30.11.1994 года № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142.

– *категории членов организации*: учредители (объекты медиасферы, принимавшие непосредственное участие в создании); члены с полным участием (крупные представители отрасли, профессиональные объединения); ассоциированные члены (исследовательские центры, стартапы); наблюдатели (субъекты государственного управления, международные организации без права голоса);

– *функции и компетенции*: разработка Кодекса этики и стандартов модерации с последующим обновлением; ведение реестра членов и публикация отчетов о деятельности; рассмотрение и разрешение жалоб аудитории на членов организации; подготовка рекомендаций по корректировке законодательных актов в области СМИ; организация обучающих семинаров, программ и публичных обсуждений; проведение независимых экспертиз по законности и этичности деятельности членов организации;

– *условия подачи*: подача заявки по шаблону; подтверждение соответствия кодексу и регламенту; одобрение советом директоров (общим собранием);

– *условия прекращения членства*: по инициативе члена организации; за грубые нарушения кодекса (по итогам процедуры расследования и апелляции); за неуплату взносов;

– *принципы деятельности*: соблюдение прав человека; обеспечение прозрачности деятельности; последовательность и предсказуемость модерации; обеспечение процедуры подачи жалобы и апелляции; ответственность за автоматизированные действия; борьба с распространением дезинформации;

– *финансирование саморегулируемой организации*: государственные гранты; членские взносы; платные образовательные продукты; доход от консультаций. При этом доля финансирования от одного источника не должна превышать 30% совокупного дохода, чтобы избежать конфликта интересов;

– *процесс рассмотрения жалоб*: подача жалобы через единый портал по шаблону; фильтрация и определение направления анализа; запрос информации у СМИ, на которое подана жалоба; анализ предоставленных данных; принятие решения и при необходимости применение санкций; публикация результата на портале;

– *публичная отчетность*: ежегодные отчеты о деятельности организации, решениях, финансовая отчетность и расчет показателей эффективности; ежеквартальные отчеты об итогах модерации контента; публикация стандартов для внешних аудиторов;

– *применяемые санкции* (от наиболее лояльных к существенным): предупреждение и требование применения мер; обязанность предоставления плана корректировки деятельности и контроль исполнения; публичное заявление о нарушении; временное приостановление членства; исключение из членов саморегулируемой организации; направление материалов в государственные органы для применения законных санкций;

– *порядок управления конфликтами интересов*: ротация членов комитета; обязательность отвода члена комиссии при наличии заинтересованности в отношении участников; декларирование интересов всеми членами комиссии.

Целевые значения ключевых показателей эффективности деятельности саморегулируемых организаций представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Ключевые показатели эффективности деятельности саморегулируемых организаций
в медиасфере и их целевые значения**

Показатель эффективности	Целевое значение
Финансовая устойчивость	Резервный фонд на 6 месяцев
Время первичной обработки жалобы	Не более 48 ч
Доля жалоб с вынесенным решением в срок	> 90%
Количество членов организации	Не менее чем в предыдущем периоде
Доля доходов от одного источника финансирования	< 30%
Своевременная публикация отчетов	100%
Количество проведенных обучающих мероприятий и количество участников	Не менее чем в предыдущем периоде

Отличительной особенностью предложенной саморегулируемой организации по сравнению с зарубежными является универсальность, которая будет объединять все типы СМИ – печатные издания, интернет-СМИ, телерадиовещательные организации, а не отраслевая принадлежность (отдельные саморегулируемые организации для каждого вида СМИ).

Кроме того, предлагается внедрение многоуровневого членства с особыми привилегиями для наиболее ответственных и прозрачных СМИ, что позволит повысить доверие аудитории к членам организации с наивысшим уровнем членства и отделить их от организаций СМИ, дискредитирующих отрасль или создающих некачественный контент.

Дополнительными инструментами укрепления общественного доверия станут публикация отчетов о деятельности саморегулируемой организации и повышение транспарентности процедур модерации контента, что будет также эффективно и для самих СМИ.

Предусмотренное частичное финансирование из государственных грантов позволяет сохранить за государством контрольные и управленческие функции, необходимые в рамках действующей модели, а ограничения их доли до 30% от совокупного дохода выступает гарантией того, что интересы государства не будут превалировать над интересами объектов медиасферы, что будет способствовать плюрализму мнений.

Экономическая устойчивость саморегулируемой организации повышается за счет организации платных семинаров и обучающих программ, посвященных текущему состоянию медиасферы и повышению медиаграмотности, для представителей профессионального сообщества и всех заинтересованных лиц.

В конечном счете современные тенденции развития медиасферы требуют выстраивания партнерских отношений с участниками отрасли при помощи механизмов «мягкого» регулирования взамен слабо адаптируемому жесткому государственному управлению, которое широко распространено в странах с более авторитарными моделями управления, к числу которых относится и Российская Федерация.

Выводы. Проведенный анализ свидетельствует о необходимости внедрения саморегулируемой организации в систему государственного управления в медиасфере в России, что позволит снизить нагрузку на администрирование

государственных органов власти, а членские взносы и платные семинары будут способствовать сокращению расходов на медиасферу, тем самым повышая эффективность государственного управления в этой сфере. Кроме того, внедрение саморегулируемой организации позволит повысить уровень доверия к представителям отрасли, которые станут менее зависимыми от государства, а кодекс и иные правила – более гибкими к изменениям по сравнению с трудно адаптируемым законодательством.

Выявленные наиболее вероятные сценарии внедрения саморегулируемой организации несут в себе множество рисков, которые нуждаются в минимизации. В связи с этим автором исследования разработана модель саморегулируемой организации, уникальность которой заключается в соблюдении баланса интересов государства, объектов медиасферы и населения. Данный баланс выражается: в сохранении должного уровня контроля и регулирования со стороны государства, а также оптимизации затрат на медиасферу; предоставлении объектам медиасферы действительной возможности самостоятельного продвижения собственных интересов, отстаивания прав и свобод; отсутствии необходимости поиска достоверных источников информации и самостоятельного проведения фактчекинга со стороны аудитории.

Литература

1. *Вартамова Е.Л.* Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Фак журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.
2. *Заворотченко И.А.* Саморегулируемые организации за рубежом // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 47–56.
3. *Князева А.И.* Саморегулирование в сфере кино: перспективы развития // Молодой ученый. 2021. № 47(389). С. 219–221.
4. *Крючкова П.В.* Саморегулирование как дискретная институциональная альтернатива регулирования рынков: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2021. 347 с.
5. *Пильгун М.А.* Саморегулируемые организации в системе обеспечения информационной безопасности: медиааспект // Информационное право. 2020. № 3(69). С. 12–17.
6. *Самородова Э.В.* Тенденции развития отечественной медиаполитики в условиях цифровизации: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2022. 153 с.
7. *Талатина Э.В.* О правовом статусе саморегулируемых организаций // Право и экономика. 2023. № 11. С. 174–179.
8. *Федотов М.А.* Настольная книга по медийному саморегулированию. М.: Творческий центр ЮНЕСКО. 2009. 432 с.
9. *Федотов М.А., Рихтер А.Г.* Опыт и перспективы развития саморегулирования в российских СМИ // МедиаАльманах. 2022. № 1(108). С. 30–45.

ПЕЧЕНКИН ДАНИЛ ВАДИМОВИЧ – аспирант кафедры финансового контроля и казначейского дела, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва (bestsincedayone@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2116-9673>).

Danil V. PECHENKIN

SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS AS AN ELEMENT OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE MEDIA SPHERE

Key words: self-regulatory organizations, public administration, media sphere, efficiency, model.

Self-regulatory organizations act as a mechanism for redistributing public administration functions, which makes it possible to minimize the labor costs of its subjects without loss, and in some cases even with an increase in the effectiveness of achieving set goals. However, unlike successfully functioning similar structures in industries such as auditing and construction, this institution does not exist in its traditional form within the media sector. Its place is occupied by associations and unions, whose activities, as a rule, are limited to the exchange of experience and do not include real managerial functions.

The purpose of the study is to develop a model of a self-regulatory organization that makes it possible to increase the effectiveness of public administration in the media sphere.

Materials and methods. Qualitative and scenario analysis methods, efficiency assessment methods, and comparative analysis were used in the work. The study is based on regulatory and legal documents (both Russian and international), academic publications on the issues of self-regulation and public administration in the media sector, as well as data on the activities of industry associations in Russia and abroad.

Results. The current model of state governance in the media sector is based on a two-tier regulatory system implemented by the state and industry bodies, without the involvement of self-regulatory organisations. The research analyzes the activities of such organizations and evaluates their effectiveness. Both foreign examples operating in the media sphere and domestic ones operating in related fields are considered. The results of the analysis indicate the expediency of introducing self-regulation into the media sphere in order to increase the effectiveness of public administration. On this basis, an appropriate model has been developed that takes into account the interests of the state and media entities, as well as necessary changes in the regulatory framework for its implementation.

Conclusions. The use of a partnership or subordinate model for the implementation of self-regulatory organisations in the media sector entails significant risks, which necessitates the development of a compromise approach. A model for such an organisation is proposed, the key feature of which is to ensure a balance between the interests of the state, media sector stakeholders and the audience. This balance is reflected in maintaining an appropriate level of state control and regulation, whilst optimising costs within the media sector; in providing media organisations with a genuine opportunity to promote their own interests and defend their rights; and in relieving the public of the need to search for reliable sources of information and carry out fact-checking themselves.

References

1. Vartanova E.L. *Teoriya media: otechestvennyi diskurs* [Media Theory: Domestic Discourse]. Moscow, Moscow State University Publ., 2019, 224 p.
2. Zavorotchenko I.A. *Samoreguliruemye organizatsii za rubezhom* [Self-regulatory organizations abroad]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 8, pp. 47–56.
3. Knyazeva A.I. *Samoregulirovanie v sfere kino: perspektivy razvitiya* [Self-regulation in the film industry: development prospects]. *Molodoi uchenyi* [Young scientists], 2021, no. 47(389), pp. 219–221.
4. Kryuchkova P.V. *Samoregulirovanie kak diskretnaya institutsional'naya al'ternativa regulirovaniya rynkov: dis. ... d-ra ekon. nauk* [Self-regulation as a discrete institutional alternative to market regulation. Doct. Diss.]. Moscow, 2021, 347 p.
5. Pil'gun M.A. *Samoreguliruemye organizatsii v sisteme obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti* [Self-regulatory organizations in the information security system: a media aspect]. *Mediaspekt. Informatsionnoe pravo* [Media aspect. Information law], 2020, no. 3(69), pp. 12–17.
6. Samorodova E.V. *Tendentsii razvitiya otechestvennoi mediapolitiki v usloviyakh tsifrovizatsii: dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Trends in the development of domestic media policy in the context of digitalization. Doct. Diss.]. Moscow, 2022, 153 p.
7. Talapina E.V. *O pravovom statuse samoreguliruemyykh organizatsii* [On the legal status of self-regulatory organizations]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2023, no. 11, pp. 174–179.
8. Fedotov M.A. *Nastol'naya kniga po mediinomu samoregulirovaniyu* [A Handbook of Media Self-Regulation]. Moscow, 2009, 432 p.

9. Fedotov M.A., Rikhter A.G. *Opyt i perspektivy razvitiya samoregulirovaniya v rossiiskikh SMI* [Experience and prospects for the development of self-regulation in Russian media]. *MediAAl'manakh* [MediaAlmanac], 2022, no. 1(108), pp. 30–45.

DANIL V. PECHENKIN – Post-Graduate Student, Department Financial Control and Treasury, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow (bestsincedayone@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2116-9673>).

Формат цитирования: *Печенкин Д.В.* Саморегулируемые организации как элемент повышения эффективности государственного управления в медиасфере [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* 2026. № 1. С. 49–59. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/5>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-49-59.

DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-60-71

УДК 336.145.1:336.144.382 + 336.143.231(470.344)

ББК У261.31 + У261.713(2Рос.Чув)

А.А. РОМАНОВА

МЕЖБЮДЖЕТНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ И БЮДЖЕТНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: межбюджетные трансферты, бюджетная обеспеченность, межбюджетные отношения, социально-экономическое развитие региона, эффективность межбюджетных трансфертов.

Чувашская Республика, как и многие регионы Российской Федерации, характеризуется значительной зависимостью от финансовой поддержки из федерального центра. Межбюджетные трансферты играют ключевую роль в выравнивании бюджетной обеспеченности и финансировании социально значимых расходных обязательств. Однако в современных условиях актуальность приобретает не только вопрос об объемах предоставляемой поддержки, но и проблема ее конечной эффективности – способности межбюджетных трансфертов выступать инструментом реального повышения социально-экономического уровня региона, сокращения его структурного отставания и формирования устойчивых стимулов для роста собственных доходов. Оценка эффективности использования этих средств необходима для корректировки как федеральной, так и региональной бюджетной политики.

Цель исследования – оценка эффективности межбюджетных трансфертов, предоставляемых Чувашской Республике, через анализ их влияния на динамику и структуру бюджетной обеспеченности, а также на ключевые показатели социально-экономического развития региона в средне- и долгосрочной перспективе.

Материалы и методы. В исследовании использованы официальные данные Федерального казначейства и Минфина России о межбюджетных трансфертах субъектам Российской Федерации, отчеты об исполнении бюджета Чувашской Республики, данные Единого портала бюджетной системы Российской Федерации, научные публикации, монографии и аналитические отчеты по проблемам межбюджетных отношений и региональных финансов. Период исследования – 2022–2024 гг. Основные методы – динамический анализ, коэффициентный и индексный анализ, синтез и обобщение.

Результаты. Проведенный анализ позволил выявить значимый структурный сдвиг в межбюджетном финансировании Чувашской Республики. На фоне общего сокращения трансфертов доля нецелевых дотаций возросла с 30,6% (2022 г.) до 57,1% (2024 г.), в то время как объем целевого финансирования уменьшился более чем вдвое. Дотации на выравнивание демонстрируют высокую абсолютную результативность, компенсируя в среднем 31–34% дефицита расчетной бюджетной обеспеченности и повышая ее итоговый уровень до 0,722. Однако ее относительный уровень остается ниже среднероссийского (0,850), что подтверждает сохранение структурной зависимости от федеральной помощи. Трансферты сохраняют стабилизирующую роль, что отражается в росте доходов населения и индекса промышленного производства. Тем не менее текущая модель не стимулирует в достаточной мере рост собственных доходов региона. Отдельную озабоченность вызывает сокращение финансирования национальных проектов. Несмотря на высокую бюджетную дисциплину (исполнение 95–97%), это создает риски для реализации стратегических программ развития. Таким образом, ключевыми проблемами являются: смещение структуры в пользу нецелевой помощи, ограничивающее адресное инвестирование; компенсационный, но не развивающий характер трансфертов; риски от сокращения объемов финансирования. Решение данных проблем требует корректировки межбюджетной политики на федеральном и региональном уровнях.

Выводы. Трансферты для Чувашской Республики эффективно обеспечивают текущую финансовую стабильность, но не позволяют преодолеть относительное бюджетное отставание региона. Доминирование нецелевых дотаций ограничивает их инвестиционную направленность, а наблюдаемый социально-экономический рост носит стабилизирующий, а не стимулирующий характер. Это указывает на системную ограниченность действующей модели, препятствующую переходу от дотационной зависимости к самостоятельному развитию.

Введение. В российской системе бюджетного федерализма межбюджетные трансферты выступают ключевым инструментом выравнивания бюджетной обеспеченности регионов. Для дотационных субъектов, к которым относится и Чувашская Республика, эта поддержка является критически важной для исполнения расходных обязательств и поддержания финансовой стабильности. Однако, несмотря на значительные объемы перечисляемых средств, вопрос об их реальной эффективности для долгосрочного развития регионов-реципиентов остается недостаточно изученным.

В имеющихся исследованиях внимание, как правило, сосредоточено на объемных показателях и доле зависимости региональных бюджетов [1, 2, 4]. При этом в недостаточной степени раскрыта оценка комплексного влияния трансфертов на развитие региона, а именно: в какой мере они способствуют сокращению разрыва в бюджетной обеспеченности, стимулируют рост собственных доходов и приводят к качественным улучшениям в социально-экономической сфере Чувашии. Данный аналитический пробел затрудняет формирование научно обоснованных решений в области бюджетной политики [5. С. 58].

Таким образом, актуальность работы обусловлена необходимостью перехода от учета объемов финансовой помощи к оценке ее конечной результативности для развития региона [3. С. 14].

Цель исследования – оценка эффективности межбюджетных трансфертов, предоставляемых Чувашской Республике, через анализ их влияния на динамику и структуру бюджетной обеспеченности, а также на ключевые показатели социально-экономического развития региона в средне- и долгосрочной перспективе.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексной оценки эффективности межбюджетных трансфертов в Чувашской Республике не только с позиции их влияния на абсолютные показатели бюджетной обеспеченности, но и с точки зрения их способности преодолевать относительное бюджетное отставание региона и стимулировать собственный социально-экономический рост в среднесрочной перспективе.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в исследовании использованы официальные данные Федерального казначейства и Министерства финансов Российской Федерации о межбюджетных трансфертах субъектам Российской Федерации, отчеты об исполнении бюджета Чувашской Республики и ее муниципальных образований, данные Единого портала бюджетной системы Российской Федерации, научные публикации, монографии и аналитические отчеты по проблемам межбюджетных отношений и региональных финансов. Период исследования – 2022–2024 гг.

Основными методами являются динамический анализ, коэффициентный и индексный анализ, синтез и обобщение.

Результаты исследования. В целях реализации ст. 131 Бюджетного кодекса Российской Федерации Правительство Российской Федерации постановило утвердить методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной

обеспеченности субъектов Российской Федерации¹. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2004 г. № 670 (в редакции от 15 декабря 2025 г.) «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» (вместе с «Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации») устанавливает и регулирует ключевой механизм федеральной финансовой поддержки регионов².

Проведенный анализ эффективности межбюджетных трансфертов для бюджетной обеспеченности Чувашии выявил комплексный характер их воздействия. Дотации на выравнивание эффективно исполняют компенсационную функцию, повышая бюджетную обеспеченность региона в среднем на 31–34% и обеспечивая финансовую стабильность. Однако их абсолютная эффективность не преодолевает относительного отставания, что подтверждается сохраняющимся разрывом с общероссийским уровнем (0,722 против 0,850) и свидетельствует о глубокой структурной дотационности.

Главной особенностью стало кардинальное изменение структуры помощи в пользу нецелевых трансфертов при резком сокращении целевого финансирования. Это усиливает бюджетную автономию, но одновременно ограничивает возможности для адресных инвестиций в инфраструктуру и проекты развития, что ставит под вопрос долгосрочный эффект от трансфертов. Сохраняющаяся положительная динамика социально-экономических показателей демонстрирует стабилизирующую роль помощи, но на фоне сокращения общего объема финансирования, особенно по национальным проектам, возникают риски для устойчивости развития. Таким образом, система требует переориентации с модели компенсации бюджетного дефицита на модель стимулирования роста собственного экономического и доходного потенциала региона [2. С. 113].

В табл. 1 приведены данные, характеризующие динамику и структуру межбюджетных трансфертов в Чувашской Республике за 2022–2024 гг.

Данные табл. 1 показывают, что в этот период наблюдалась структурная перестройка в системе финансовой помощи, которая предоставлялась бюджету Чувашской Республики из федерального центра. На фоне общего сокращения объема межбюджетных трансфертов на 25,6% в 2023 г. и на 7,6% в 2024 г. произошел кардинальный сдвиг в пользу дотаций. Их доля возросла с 30,6% в 2022 г. до 57,1% в 2024 г., что свидетельствует о переориентации с целевого финансирования (субсидии, субвенции) на преимущественно безвозмездные и нецелевые формы дотаций, главным образом на выравнивание бюджетной обеспеченности. При этом резкое падение объемов целевых трансфертов (субсидий

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_86148/612ab7f8bef6bfaf21c16c907c000c4c1305482f/ (дата обращения: 12.12.2025).

² О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации» (вместе с «Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации»): постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2004 № 670 (ред. от 15.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86148/612ab7f8bef6bfaf21c16c907c000c4c1305482f/ (дата обращения: 12.12.2025).

и субвенций) более чем вдвое к 2024 г. указывает на сокращение объемов финансирования конкретных проектов и делегированных полномочий. Бюджет Чувашии стал в большей степени зависеть от общей, а не от целевой поддержки, что, с одной стороны, повышает его бюджетную автономию в расходовании средств, а с другой – ограничивает возможности для адресного развития инфраструктуры и социальной сферы, ранее стимулируемых через федеральные целевые программы.

Таблица 1

Динамика и структура межбюджетных трансфертов в Чувашской Республике за 2022–2024 гг. [7]

Показатели	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп роста, %	
				2023 г. к 2022 г.	2024 г. к 2023 г.
Межбюджетные трансферты, млн руб.	51 872	38 593	35 651	74,4	92,4
В том числе:					
– субсидии, субвенции	35 975	18 344	15 309	51,0	83,5
– дотации	15 897	20 249	20 342	127,4	100,5
Удельный вес субсидий, субвенций, %	69,4	47,5	42,9	–	–
Удельный вес дотаций, %	30,6	52,5	57,1	–	–

Динамика уровня бюджетной обеспеченности Чувашской Республики до и после предоставления дотаций на выравнивание за 2022–2024 гг. представлена на рис. 1.

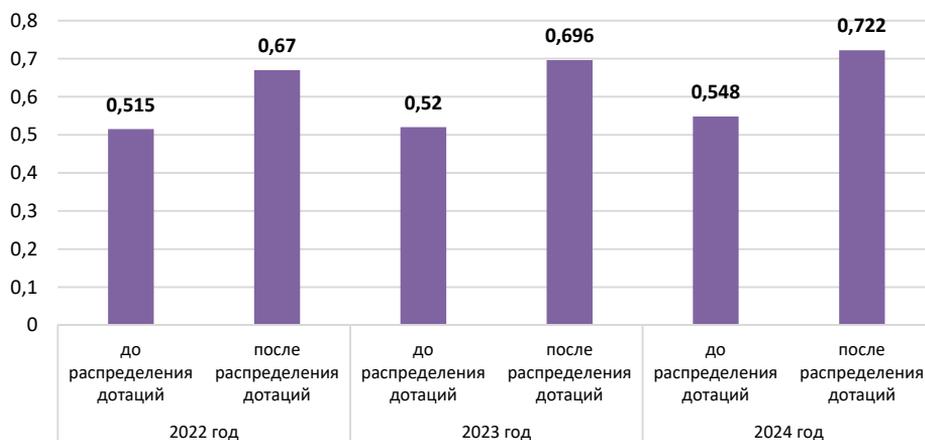

Рис. 1. Уровень бюджетной обеспеченности до и после предоставления дотаций на выравнивание в Чувашской Республике за 2022–2024 гг. [8]

Данные рис. 1 демонстрируют ключевую роль дотаций на выравнивание в обеспечении финансовой устойчивости Чувашской Республики. В течение анализируемого периода бюджетная обеспеченность региона до получения трансфертов оставалась на критически низком уровне в диапазоне 0,515–0,548 относительно усредненного показателя по Российской Федерации, что подтверждает глубокую дотационность и ограниченность собственной доходной базы.

После распределения дотаций показатель бюджетной обеспеченности вырос с 0,67 в 2022 г. до 0,722 в 2024 г. Таким образом, наблюдался высокий уровень эффективности механизма выравнивания, что позволяло обеспечить рост бюджетной эффективности региона. Вместе с тем данный показатель по Чувашии за исследуемый период оставался ниже среднероссийского (0,85), что свидетельствует о сохранении зависимости республики от поддержки федерального центра. Следовательно, дотации выполняли свою компенсационную функцию, но не позволяли полностью преодолеть бюджетный дисбаланс.

На рис. 2 представлена динамика соотношения собственных доходов и федеральной финансовой помощи бюджета Чувашской Республики в 2022–2024 гг.

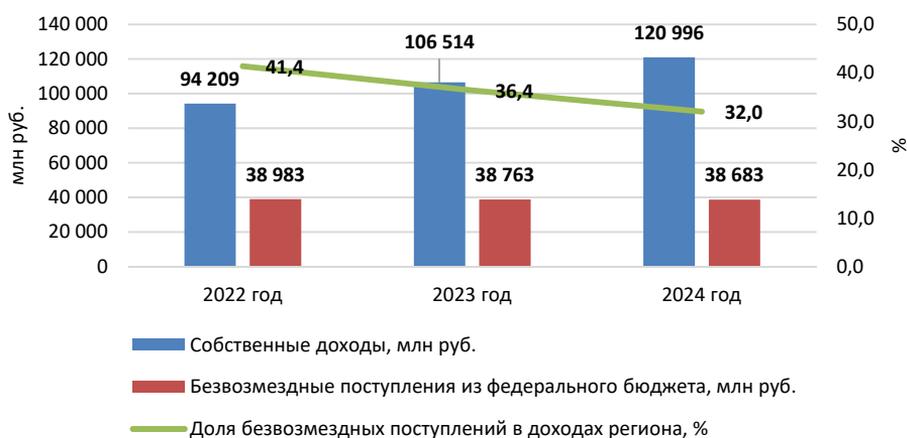

Рис. 2. Динамика собственных доходов и зависимости от федеральной финансовой помощи бюджета Чувашской Республики в 2022–2024 гг. [8]

Чувашская Республика относится к группе регионов с высокой дотационностью: несмотря на положительную динамику сокращения зависимости, доля безвозмездных поступлений из федерального бюджета в 2024 г. все еще составляет значимые 32% от собственных доходов региона. Динамика ее бюджетной обеспеченности, рассмотренная на рис. 1, является прямым следствием действующей методики распределения дотаций на выравнивание, согласно которой объем помощи рассчитывается на основе сравнения индекса налогового потенциала и индекса бюджетных расходов региона, что, как показал анализ, эффективно компенсирует текущий разрыв, но не устраняет его причины [10].

Особое внимание в структуре финансовой помощи следует уделить категории дотаций на сбалансированность бюджетной системы, которые формально относятся к дотациям. Их предоставление, в отличие от формализованных дотаций на выравнивание, не регламентировано прозрачной методикой и в значительной степени осуществляется по схеме «ручного управления» – на основе субъективных оценок Министерства финансов Российской Федерации о необходимости дополнительной поддержки для исполнения регионом своих обязательств. Динамика доли данной формы помощи в общем объеме трансфертов Чувашии

показывает ее устойчивый рост: с 30,6% в 2022 г. до 57,1% в 2024 г. (табл. 1). Это свидетельствует об усилении зависимости республики от финансовых решений, принимаемых вне объективных, публичных критериев, что повышает риски непредсказуемости и субъективности в межбюджетных отношениях.

Ключевые показатели социально-экономического развития Чувашской Республики за 2022–2024 гг. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Влияние межбюджетных трансфертов на социально-экономическое развитие Чувашской Республики за 2022–2024 гг. [9]

Показатели	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Отклонение, (+; -)	
				2023 г. от 2022 г.	2023 г. от 2022 г.
Валовой региональный продукт, млрд руб.	489,1	601,3	608,0	112,2	6,7
Объем инвестиций в основной капитал, млн руб.	98 862,8	123 535,8	96 177,4	24 673	-27 358,4
Индекс промышленного производства, %	99,6	127,2	113,0	27,6	-14,2
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, млн руб.					
В том числе:					
добыча полезных ископаемых	796,8	1003,5	542,8	206,7	-460,7
обрабатывающие производства	288 195,1	402 948,4	515 472,4	114 753,3	112 524
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	31 057,9	30 631,0	34 160,8	-426,9	3 529,8
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	7 206,8	8 284,9	8 777,5	1 078,1	492,6
Продукция сельского хозяйства, млн руб.	64 532,3	63 430,3	67 889,8	-1 102	4 459,5
Ввод в действие общей площади жилых домов, тыс. м ²	850,6	780,7	786,5	-69,9	5,8
Оборот розничной торговли, млн руб.	220 987,9	258 320,2	311 390,2	37 332,3	53 070
Платные услуги населению, млн руб.	62 759,8	72 948,2	84 168,6	10 188,4	11 220,4
Уровень инновационной активности организаций, %	13,8	14,6	16,2	0,8	1,6
Денежные доходы на душу населения, руб.	31 635	37 533	45 734	5 898	8 201
Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума, тыс. чел.	164,1	141,3	121,4	-22,8	-19,9
Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума, % от общей численности населения	13,9	12,0	10,4	-1,9	-1,6
Численность безработных, тыс. чел.	18,9	14,3	12,4	-4,6	-1,9
Уровень безработицы, %	3,2	2,3	2,1	-0,9	-0,2
Потребительские расходы на душу населения, руб.	21 220	27 853	30 876	6 633	3 023
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, тыс. т	31,622	26,222	34,025	-5,4	7,803

Данные табл. 2 показывают, что в 2022–2024 гг. наблюдалось комплексное влияние межбюджетных трансфертов на социально-экономическое развитие Чувашской Республики как высокодотационного региона. Имела место

выраженная положительная динамика ключевых социальных и макроэкономических индикаторов: значительный рост валового регионального продукта на 24,3%, денежных доходов населения на 44,6%, оборота розничной торговли на 40,9% и платных услуг на 34,1%, а также существенное сокращение уровня бедности с 13,9% до 10,4% и безработицы с 3,2% до 2,1%. В реальном секторе наибольший рост демонстрировали обрабатывающие производства, объем отгрузки которых увеличился почти в 1,8 раза, что является основным драйвером роста индекса промышленного производства.

Однако на фоне этой положительной динамики были выявлены системные проблемы, характерные для дотационной модели. Наиболее тревожным сигналом стало резкое снижение объема инвестиций в основной капитал в 2024 г., на 22,1% по сравнению с аналогичным показателем за 2023 г., что указывает на недостаточность трансфертов для формирования устойчивых инвестиционных стимулов и создает риски для будущего роста. На фоне роста в обрабатывающей промышленности произошли почти двукратное сокращение добычи полезных ископаемых и стагнация ввода жилья.

Таким образом, несмотря на общую социальную стабилизацию и поддержку текущего производства, финансовая помощь из федерального центра не преодолевает ключевых ограничений развития – низкой инвестиционной активности и структурных диспропорций, что подтверждает ее компенсационный, а не стимулирующий характер для экономики региона [1. С. 59].

Результаты исполнения обязательств по субсидиям, выделенным из федерального бюджета на финансирование национальных проектов в Чувашской Республике, за 2022–2024 гг. представлены в табл. 3.

Таблица 3

Исполнение национальных проектов в Чувашской Республике за 2022–2024 гг. [6]

Показатели	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп роста, %	
				2023 г. к 2022 г.	2024 г. к 2023 г.
Назначено, млн руб.	13 613	14 228	12 561	104,5	88,3
Исполнено, млн руб.	12 929	13 770	12 049	106,5	87,5
% исполнения	94,98	96,78	95,92	–	–

Данные табл. 3 показывают, что в Чувашии за 2022–2024 гг. наблюдался высокий и стабильный уровень бюджетной дисциплины, при котором процент исполнения ежегодно сохранялся на отметке 95–97%. Это свидетельствует о высокой эффективности региональных органов власти в администрировании выделенных средств. Ключевая проблема – тенденция к сокращению общего объема финансирования национальных проектов, направляемого в республику: после роста в 2023 г. в 2024 г. зафиксировано снижение как назначенных, так и исполненных сумм (на 11,7% и 12,5% соответственно). Данное сокращение привело к риску невыполнения запланированных мероприятий в полном объеме, а также к снижению темпов реализации стратегических целей развития в социальной сфере, демографии, инфраструктуре и экономике. В связи с этим

для сохранения достигнутой эффективности исполнения и обеспечения устойчивости позитивных социально-экономических изменений, инициированных нацпроектами, органам власти Чувашской Республики необходимо либо наращивать собственное софинансирование, либо добиваться сохранения и увеличения целевой федеральной поддержки в рамках данных программ.

Ключевые проблемы, связанные с действующей моделью межбюджетного регулирования и ее эффективностью для Чувашской Республики, заключаются в следующем:

– преобладание нецелевых дотаций над целевым финансированием ограничивает возможности направлять средства на приоритетные, «точечные» проекты развития, способные генерировать будущий экономический рост;

– межбюджетные трансферты эффективно компенсируют текущий дефицит бюджетной обеспеченности, но не обеспечивают преодоления относительного отставания и не создают устойчивых стимулов для наращивания собственного доходного потенциала региона;

– сокращение объемов как общей финансовой помощи, так и целевого финансирования нацпроектов увеличивает риски недофинансирования социальных обязательств и инфраструктурного развития.

Для устранения данных проблем необходимо:

1) на федеральном уровне:

рассмотреть возможность корректировки методики распределения дотаций в части, направленной на стимулирование регионов к наращиванию налогового потенциала, например, путем применения понижающих коэффициентов к объему дотации при сокращении налоговых доходов без объективных экономических причин, что позволит усилить ответственность за формирование собственной доходной базы;

– пересмотреть баланс между целевыми и нецелевыми трансфертами в пользу увеличения доли целевых субсидий, увязанных со стратегическими программами развития республики (например, в АПК, промышленности, туризме);

– обеспечить стабильность и предсказуемость финансирования национальных проектов для регионов-реципиентов, исключив резкие годовые сокращения;

2) на региональном уровне:

– разработать и реализовать комплексную программу повышения собственной доходной базы, сфокусированную на поддержке инвестиционных проектов в реальном секторе экономики и создании новых точек роста;

– повысить эффективность управления бюджетными расходами, внедрив систему оценки эффективности бюджетных программ на всех уровнях, чтобы каждый рубль трансферта давал максимальный социально-экономический эффект;

– активизировать работу по привлечению внебюджетных инвестиций (государственно-частное партнерство, концессии) для софинансирования инфраструктурных проектов, особенно на фоне сокращения целевых субсидий [4. С. 92].

Таким образом, для перехода от модели бюджетного «донорства» к модели бюджетного «развития» необходим комплексный подход, сочетающий

адресную федеральную поддержку и ответственные, нацеленные на результат действия региональных властей по укреплению экономического потенциала Чувашии.

Выводы. Эффективность межбюджетных трансфертов для Чувашии носит дифференцированный характер. По критерию бюджетной обеспеченности она является высокой в абсолютном, но недостаточной в относительном выражении: трансферты успешно выполняют компенсационную функцию, но не преодолевают устойчивый структурный разрыв со среднероссийским уровнем.

Выявленный структурный сдвиг в сторону нецелевых дотаций снижает инвестиционную направленность помощи. Доминирование нецелевых форм, обеспечивая операционную автономию, одновременно ослабляет прямую связь между федеральным финансированием и реализацией конкретных инфраструктурных и социальных преобразований.

Вклад трансфертов в социально-экономическое развитие проявляется преимущественно как стабилизирующий. Наблюдаемый рост доходов населения и объемов промышленного производства подтверждает их роль в поддержании хозяйственной активности, однако отсутствие устойчивой связи с динамикой собственных доходов региона указывает на недостаточную эффективность трансфертов как инструмента запуска самоподдерживающегося роста.

Отдельным риском является сокращение целевого финансирования национальных проектов. Высокая бюджетная дисциплина не компенсирует стратегических угроз, связанных с уменьшением инвестиционного ресурса, что ставит под сомнение долгосрочную эффективность трансфертов в рамках программ развития.

Таким образом, межбюджетные трансферты сохраняют ключевое значение для обеспечения текущей финансовой стабильности Чувашской Республики. Это подтверждается их высокой абсолютной эффективностью в компенсации бюджетного дефицита: дотации на выравнивание повышают бюджетную обеспеченность региона в среднем на 31–34%, поднимая ее с критически низкого уровня (0,515–0,548 до получения помощи) до 0,722. Без этой поддержки республика не смогла бы исполнять свои социальные обязательства. Кроме того, стабилизирующая роль трансфертов проявляется в положительной динамике ключевых социально-экономических показателей в 2022–2024 гг.: рост валового регионального продукта на 24,3%, увеличение денежных доходов населения на 44,6%, а также снижение уровня бедности с 13,9% до 10,4% и безработицы с 3,2% до 2,1%.

Однако эффективность этой помощи системно недостаточна для преодоления относительного отставания и перехода к модели устойчивого самостоятельного развития. Во-первых, сохраняется глубокое структурное отставание: бюджетная обеспеченность Чувашии даже после получения трансфертов (0,722) остается существенно ниже среднероссийского показателя (0,850), а доля федеральной помощи, несмотря на позитивную динамику, все еще составляет существенные 32% от собственных доходов региона. Во-вторых, изменившаяся структура помощи, где доля нецелевых дотаций возросла с 30,6%

до 57,1%, ограничивает возможности для адресных инвестиций в инфраструктуру и проекты развития. В-третьих, что представляется наиболее важным, трансферты не формируют стимулов для самостоятельного роста: на фоне общей социальной стабилизации в 2024 г. произошло резкое, на 22,1%, сокращение объема инвестиций в основной капитал (с 123,5 млрд руб. до 96,2 млрд руб.), что свидетельствует о неспособности текущей модели инициировать самоподдерживающееся экономическое развитие и преодолеть инвестиционную зависимость региона.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут послужить основой для оптимизации методов распределения и повышения эффективности межбюджетных трансфертов, что способно оказать значительное содействие органам власти Чувашской Республики и федеральным министерствам в реализации ключевых мероприятий по развитию региона.

Литература

1. Арлашкин И., Дерюгин А., Филиппова И. Влияние межбюджетных отношений на экономический рост в регионах // Экономическая политика. 2025. Т. 20, № 1. С. 56–83.
2. Белаиш А.В. Исследование внутренних факторов и преград, влияющих на эффективность межбюджетных отношений в России // Вестник Академии права и управления. 2025. № 2(83). С. 112–120.
3. Гиевский К.А. Понятие и сущность межбюджетных отношений в Российской Федерации // Студенческий вестник. 2024. № 47-9(333). С. 14–16.
4. Государственные финансы / под общ. ред. Н.И. Берзона. М.: Юрайт, 2025. 143 с.
5. Елистратова Я.Е. Межбюджетные отношения и принципы их организации в РФ // Контентус. 2023. № 1(126). С. 56–62.
6. Исполнение национальных проектов [Электронный ресурс] // iMonitoring: сайт. URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/np/ispolnenie-natsionalnyh-proektov?territory=1> (дата обращения: 12.12.2025).
7. Межбюджетные трансферты субъектам РФ из федерального бюджета [Электронный ресурс] // iMonitoring: сайт. URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/budget/dokhody-po-subektam-rf/mezhbyudzhetye-transferty-sub-ektam-rf?territory=1> (дата обращения: 12.12.2025).
8. Регионы Российской Федерации // Официальный сайт Единый портал Бюджетной системы РФ. Электронный бюджет [Электронный ресурс]. URL: <https://budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ> (дата обращения: 12.12.2025).
9. Социально-экономическое положение [Электронный ресурс] // iMonitoring: сайт. URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/economics/sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-report?territory=1>. (дата обращения: 12.12.2025).
10. Уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на 2025 год. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=310183 (дата обращения: 12.12.2025).

РОМАНОВА АННА АЛЕКСЕЕВНА – ассистент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (annaalekseevna10@mail.ru).

Anna A. ROMANOVA

INTER-BUDGET TRANSFERS AND BUDGET SECURITY OF THE CHUVASH REPUBLIC: EFFICIENCY ANALYSIS

Key words: inter-budget transfers, budget security, inter-budget relations, socio-economic development of the region, effectiveness of inter-budget transfers.

The Chuvash Republic, like many regions of the Russian Federation, is characterized by significant dependence on financial support from the federal government. Inter-budget transfers play a key role in equalizing budget provision and financing socially significant expenditure obligations. However, in modern conditions, it is not only the scale of the support provided that is becoming a pressing issue, but also the issue of its ultimate effectiveness – namely, the ability of inter-budget transfers to serve as a means of genuinely raising a region's socio-economic standards, reducing its structural lag, and creating sustainable incentives for the growth of its own revenue. The assessment of the effectiveness of using these funds is necessary to adjust both federal and regional budget policies.

The purpose of the study is to assess the effectiveness of inter-budget transfers provided to the Chuvash Republic by analyzing their impact on the dynamics and structure of budget provision, as well as on key indicators of socio-economic development of the region in the medium and long term.

Materials and methods. The study uses official data from the Federal Treasury and the Ministry of Finance of the Russia on inter-budget transfers to the subjects of the Russian Federation, budget implementation reports of the Chuvash Republic, data from the Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation, scientific publications, monographs and analytical reports on problems of inter-budget relations and regional finance. The study period is 2022–2024. The main methods are dynamic analysis, coefficient and index analysis, synthesis and generalization.

Results. The analysis revealed a significant structural shift in the inter-budgetary financing of the Chuvash Republic. Against the background of a general reduction in transfers, the share of non-targeted subsidies increased from 30.6% (2022) to 57.1% (2024), while the volume of targeted financing decreased by more than half. Equalization grants demonstrate high absolute effectiveness, compensating for an average of 31–34% of the estimated budget deficit and raising its final level to 0.722. However, its relative level remains below the national average (0.850), which confirms that it continues to be structurally dependent on federal assistance. Transfers continue to play a stabilising role, as reflected in the growth in household income and the industrial production index. Nevertheless, the current model does not sufficiently stimulate the growth of the region's own income. The reduction in funding for national projects is a particular cause for concern. Despite high budgetary discipline (95–97% execution rate), this poses risks to implementation of strategic development programmes. Thus, the key problems are: a shift in the structure in favor of non-targeted assistance, limiting targeted investment, compensatory, but not developing, nature of transfers; risks associated with a reduction in funding levels. Solving these problems requires adjusting inter-budgetary policy at the federal and regional levels.

Conclusions. Transfers to the Chuvash Republic effectively ensure the region's current financial stability, but do not enable it to overcome its relative budgetary lag. The predominance of non-targeted subsidies limits their focus on investment, and the socio-economic growth observed is stabilising rather than stimulating in nature. This indicates the systemic limitations of the current model, which prevents the transition from subsidized dependence to independent development.

References

1. Arlashkin I., Deryugin A., Filippova I. *Vliyaniye mezhbudzhetykh otnoshenii na ekonomicheskii rost v regionakh* [The impact of interbudgetary relations on economic growth in the regions]. *Ekonomicheskaya politika*, 2025, vol. 20, no. 1, pp. 56–83.
2. Belash A.V. *Issledovanie vnutrennikh faktorov i pregrad, vliyayushchikh na effektivnost' mezhbudzhetykh otnoshenii v Rossii* [Research on internal factors and obstacles affecting the effectiveness of interbudgetary relations in Russia]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2025, no. 2(83), pp. 112–120.
3. Gievskii K.A. *Ponyatie i sushchnost' mezhbudzhetykh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii* [The concept and essence of interbudgetary relations in the Russian Federation]. *Studencheskii vestnik*, 2024, no. 47-9(333), pp. 14–16.
4. Berzon N.I. *Gosudarstvennye finansy* [Public Finance]. Moscow, Yurait Publ., 2025, 143 p.
5. Elistratova Ya.E. *Mezhbudzhetye otnosheniya i printsipy ikh organizatsii v RF* [Interbudgetary Relations and Principles of Their Organization in the Russian Federation]. *Kontentus*, 2023, no. 1(126), pp. 56–62.
6. *Ispolnenie natsional'nykh proektov* [Implementation of national projects]. Available at: <https://www.iminf.ru/areas-of-analysis/np/ispolnenie-natsionalnyh-proektov?territory=1> (Accessed Date: 2025, Dec. 12).

7. *Mezhbyudzhetye transfery sub"ektam RF iz federal'nogo byudzheta* [Interbudget transfers to the constituent entities of the Russian Federation from the federal budget]. Available at: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/budget/dokhody-po-sub-ektam-rf/mezhbyudzhetye-transfery-sub-ektam-rf?territory=1> (Accessed Date: 2025, Dec. 12).

8. *Regiony Rossiiskoi Federatsii* [Regions of the Russian Federation]. Available at: <https://budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ> (Accessed Date: 2025, Dec. 12).

9. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie* [Socio-economic situation]. Available at: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/economics/sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-report?territory=1> (Accessed Date: 2025, Dec. 12).

10. *Uroven' raschetnoi byudzhethoi obespechennosti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii posle raspredeleniya dotatsii na vyравnvanie byudzhethoi obespechennosti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i indeks byudzhethnykh raskhodov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii na 2025 god* [The level of estimated budget provision of the subjects of the Russian Federation after the distribution of subsidies for equalizing the budget provision of the subjects of the Russian Federation and the index of budget expenditures of the subjects of the Russian Federation for 2025]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=310183 (Accessed Date: 2025, Dec. 12).

ANNA A. ROMANOVA – Assistant Lecturer, Department of Finance, Credit and Economic Security, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (annaalekceevna10@mail.ru).

Формат цитирования: Романова А.А. Межбюджетные трансферты и бюджетная обеспеченность Чувашской Республики: анализ эффективности [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 1. С. 60–71. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/6>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-60-71.

В.А. АВДЕЕВ, О.А. АВДЕЕВА

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(ретроспективный анализ)**

Ключевые слова: национальное право, правовая политика, уголовная политика, предупреждение преступлений, освобождение от уголовной ответственности.

Современный этап развития уголовно-правовой системы характеризуется появлением новых общественных угроз, что актуализирует задачу оптимизации законодательства. В этих условиях институт освобождения от уголовной ответственности требует особого внимания: от эффективности его регламентации зависит способность уголовного закона гибко реагировать на меняющиеся реалии. Анализ правоприменительной практики и обращение к отечественному законодательскому опыту свидетельствуют о наличии диспропорций в законодательной модели, регулирующей данные правоотношения. Существующие основания и условия освобождения не в полной мере отвечают потребностям сегодняшнего дня, что обуславливает необходимость их адекватизации – приведение в соответствие с современными правовыми реалиями для повышения действенности механизма уголовно-правового регулирования.

Цель исследования – анализ основных направлений совершенствования правовой политики в сфере реализации института освобождения от уголовной ответственности, а также раскрытие качественно новых направлений обеспечения предупреждения преступлений с учетом ретроспективного анализа уголовного законодательства.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные (системно-структурный, формально-логический, диалектический) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Общенаучные методы позволили определить этапы развития законодательства об освобождении от уголовной ответственности, частнонаучные – выявить специфику законодательных формул на каждом этапе. Эмпирическую базу образовали материалы судебной практики, отражающие применение исследуемого института, результативность которого оценивалась с использованием статистического и социологического методов.

Результаты. В ходе реализации новых направлений уголовно-правовой политики, ориентирующих законодателя на обеспечение принципа неотвратимости уголовной ответственности, в уголовном законе оформлению подлежал институт освобождения от уголовной ответственности, действующий в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступления. Изучение правового опыта показало, что расширение оснований освобождения от уголовной ответственности во многом предопределило повышение эффективности противодействия преступности. Значение применения данного института состоит в том, что используемая модель правового регулирования позволяет сочетать принцип неотвратимости с принципом гуманизма и соразмерности ответственности содеянному. Ретроспективный анализ последовательной модификации законодательной формулы, регламентирующей данный институт, показал значимость отдельных оснований и условий его реализации, заслуживающих внимания законодателя на современном этапе. Повышение качества уголовной нормы, регулирующей данный институт в современных реалиях, связано с определением степени использования оснований и условий для достижения цели уголовного закона, связанной с исправлением.

Социальной востребованностью характеризуется механизм противодействия преступности, предусматривающий активизацию институтов гражданского общества и привлечение их органами правоохранительной системы.

Выводы. *В качестве одного из основных направлений реализации уголовно-правовой политики в советский период было избрано широкое привлечение общественности к реализации мер по противодействию преступности, что предопределило развитие института освобождения от уголовной ответственности и последующее определение оснований и условий его реализации. Привлечение специалистов к решению сложных вопросов, возникающих в ходе реализации данного института на правоприменительном уровне, повлекло многообразие доктринальных подходов, заложивших основы для последующей модернизации уголовного законодательства. Нарращивание знаний в области уголовно-правовой доктрины и осмысление проблем правоприменительной практики послужили основой для обновления уголовных норм, регламентирующих основания и условия освобождения от уголовной ответственности. Практико-ориентированный подход законодателя к регламентации института освобождения от уголовной ответственности был сопряжен с ключевыми направлениями государственной политики, содействующими укреплению законности и снижению уровня преступности путем применения иных мер правового воздействия.*

Введение. В современных условиях реформирования правовых основ российской государственности одним из приоритетных направлений является создание правовых гарантий в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, детерминированных негативными процессами, влекущими рост показателей отдельных видов преступлений. В сложившихся в политико-правовой сфере реалиях пристального внимания заслуживает повышение качества законодательной формулы, регламентирующей как основания привлечения виновного лица к уголовной ответственности, так и основания освобождения от применения мер уголовно-правового воздействия.

Необходимость решения проблемы, связанной с регламентацией оснований освобождения от уголовной ответственности в настоящее время, обусловлена как наметившейся оптимизацией уголовного законодательства в условиях новых угроз, так и целесообразностью совершенствования правоприменительной практики. Среди научных проблем, подлежащих исследованию в рамках уголовно-правовой доктрины и на уровне реализации мер уголовно-правового воздействия, следует выделить адекватизацию оснований и условий, обуславливающих применение института освобождения от уголовной ответственности. В качестве актуального направления стоит обозначить также исследование отечественного правового опыта по созданию законодательной модели, регулирующей освобождение от уголовной ответственности, изучение которого позволит сформулировать выводы, касающиеся применения оснований и условий его реализации в современных правовых реалиях.

В связи с этим на доктринальном и правореализационном уровнях повышенный интерес вызывают вопросы, связанные с адекватизацией мер уголовно-правового регулирования непосредственно на допенитенциарной стадии. Создание правовых гарантий безопасности личности, общества и государства предусматривает дальнейшее совершенствование правовой политики в сфере реализации института уголовной ответственности с учетом соблюдения законности и справедливости общеотраслевых принципов правового регулирования,

обеспечения гуманного отношения к виновному лицу, а также неотвратимости и соразмерности налагаемых ограничений и лишений уголовно-правового характера.

Рассмотрение вышеуказанных аспектов, касающихся регламентации как основания привлечения виновного лица к уголовной ответственности, так и основания освобождения от применения мер уголовно-правового воздействия, с целью повышения на современном этапе качества законодательной формулы неизбежно влечет обращение к правовому опыту их оформления в уголовном праве России. Проведенный анализ формирования и развития института уголовной ответственности в отечественном праве показал, что активизация правотворческой деятельности в сфере регламентации оснований освобождения от уголовной ответственности имела место в послевоенный период. Развитие доктрины уголовного права и совершенствование законодательной формулы происходит в контексте адаптации института освобождения от уголовной ответственности к сложившимся как политико-правовым, так и социально-экономическим условиям его реализации.

Цель исследования заключается в анализе основных направлений совершенствования правовой политики в сфере реализации института освобождения от уголовной ответственности, раскрытии качественно новых направлений обеспечения предупреждения преступлений с учетом ретроспективного анализа уголовного законодательства.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в ходе исследования были использованы общенаучные (системно-структурный, формально-логический и диалектический) методы, на основе которых были определены этапы развития уголовного законодательства, регламентирующего институт освобождения от уголовной ответственности. Для выявления специфики законодательной формулы, используемой законодателем на разных этапах эволюции данного института, применялись частнонаучные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой. В рамках исследования изучались материалы правоприменительной практики, отраженные в решениях судов, раскрывающих степень применения оснований и условий реализации данного института. Выводы о результативности применения данного института были получены с помощью статистического и социологического методов.

Результаты исследования. Анализ формирования института освобождения от уголовной ответственности в отечественном уголовном законодательстве показал, что данный процесс носил поэтапный и последовательный характер, который был обусловлен потребностями в правовом регулировании, возникающими на каждом из этапов государственно-правового развития [1. С. 11–16; 17. С. 584–603].

Разработка законодательной модели, регламентирующей институт освобождения от уголовной ответственности, предпринятая еще в дореволюционный период, была продолжена в предвоенные годы формирования уголовного законодательства. Итогами активной законотворческой деятельности стали введение в уголовный закон термина «уголовная ответственность» и попытка

отграничения понятия освобождения от уголовной ответственности от освобождения от наказания. В частности, в ст. 5 Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР) редакции 1926 г. законодатель впервые оперировал понятием «уголовная ответственность»¹. Достижения в доктрине уголовного права положили начало оформлению в уголовном законе общих и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Отсутствие точного и полного отражения оснований в уголовном законе восполнялось регламентацией процессуальных норм. Так, в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденных постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., уголовное преследование не могло быть возбуждено, а возбужденное подлежало прекращению на всякой стадии процесса, в том числе по одному из следующих оснований: 1) за истечением срока давности; 2) за примирением обвиняемого с потерпевшим в особо предусмотренных законодательством союзных республик случаях; 3) за отсутствием жалобы потерпевшего по возбуждаемым по жалобе потерпевшего делам, за исключением случаев, когда прокуратура признавала необходимым возбуждение дела по собственной инициативе; 4) вследствие акта об амнистии ЦИК СССР либо ЦИК союзных республик².

Разработка законодательной формулы, определяющей основания и условия реализации данного института, предопределила дальнейшую дискуссию в научных кругах относительно его отграничения от института освобождения от наказания. Исследование данной проблематики можно проследить в работах А.Э. Жалинского [23], Е.Д. Ермаковой [8], Н.Ф. Кузнецовой [11], Э.Я. Немировского [15], А.А. Пионтковского [16] и др. Ученые активно настаивали на том, чтобы смерть преступника, примирение, давность и помилование были отнесены к обстоятельствам, погашающим наказание [15. С. 218–222]. А.А. Пионтковский, в свою очередь, указывал на необходимость расширения перечня оснований, погашающих уголовную ответственность, путем отнесения к ним таких оснований, как примирение обвиняемого с потерпевшим, смерть преступника, давность, отбытие назначенного в судебном приговоре уголовно-правового принуждения и помилование [16. С. 231–235]. Углубленный подход ученых и практиков к решению данного вопроса оказал влияние на совершенствование правотворческой деятельности. Внесение изменений в УК РСФСР (ред. от 01.07.1950) сопровождалось закреплением оснований, при наличии которых в отношении совершившего преступление лица меры социальной защиты не могли быть применены. Основываясь на положениях, предусмотренных в ст. 6, такими основаниями являлись: 1) утрата деянием к моменту расследования или рассмотрения в суде своего общественно-опасного характера, детерминированная изменениями в законе в силу изменившейся социально-политической обстановки; 2) утрата лицом, совершившим данное деяние, общественно-опасного характера; 3) давность, предусматривающая

¹ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: https://cool-lib.in/b/124310-ugolovnyiy-kodeks-rsfsr-v-redaktsii-1926-g/read#n_1.

² Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 // Собрание законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 204.

отсутствие по данному делу в течение соответствующего срока производства. Помимо вышеуказанных оснований, решение о полном или частичном освобождении от мер социальной защиты мог принять в отношении приговоров всех судебных органов РСФСР Президиум ВЦИК.

Дальнейшая интенсификация научного поиска и разработки законодательной модели правового регулирования института освобождения от уголовной ответственности наметилась в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.¹ Особенностью новой формулы являлось, во-первых, активное оперирование законодателем термином «уголовная ответственность» (ст. 10, 15, 32–34, 41, 43). Во-вторых, освобождение от уголовной ответственности было определено как самостоятельный институт Общей части (ст. 43). В-третьих, законодательному разграничению подлежали институты освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания. В-четвертых, детализации подлежали два основания освобождения от уголовной ответственности. Сохраняя преемственность, законодатель в ст. 41 предписывает, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по истечении регламентированных законом сроков давности. Наряду с разграничением сроков давности определению подлежал вопрос об особенностях применения давности к лицу, совершившему преступление, за которое могла быть по закону назначена смертная казнь (возможность применения давности, обнаруженная судом, предполагала замену смертной казни на лишение свободы). На основании части первой ст. 43 лицо, совершившее преступное деяние, могло быть освобождено от уголовной ответственности при установлении, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде ввиду изменения обстановки указанное деяние либо его реализовавшее лицо утратили общественную опасность².

Новые подходы к регламентации института освобождения от уголовной ответственности были предопределены положениями, закрепленными в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 26 марта 1960 г., в котором указывалось, что для решения задач уголовного законодательства значение имеет установление правовых средств, заключающихся в угрозе применения и реальном применении наказания и других мер уголовно-правового принуждения³. С учетом обозначенного принципа гуманизма в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. был расширен перечень оснований и условий освобождения

¹ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

² О порядке введения в действие Основ уголовного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и Законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.02.1959 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 7. Ст. 60.

³ О выполнении судебными органами постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания» и от 19 декабря 1959 г. «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями»: постановление № 2 Пленума Верховного суда СССР от 26.03.1960 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 3. С. 9–10.

от уголовной ответственности¹. В частности, законодатель, определяя в ст. 10 основания привлечения к ответственности несовершеннолетних, установил условия освобождения от нее. Первым основанием выступало направление в Комиссию по делам несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер воспитательного характера, закрепленных в ст. 11 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних². Вторым основанием освобождения от уголовной ответственности, согласно ст. 48 УК РСФСР, являлось истечение сроков давности со дня совершения преступления. Третье основание для реализации данного института – наличие одного из следующих признаков, характеризующих как деяние, так и личность виновного с точки зрения малозначительной степени их общественной опасности. Исходя из содержания части первой ст. 50 УК РСФСР, данное основание заключалось в установлении судом факта, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде деяние либо его реализовавшее лицо утратили общественную опасность ввиду изменения обстановки. Под изменением обстановки законодатель предусматривал изменение внешних условий, влекущих устранение общественной опасности деяния в новых условиях. При этом деяние могло утратить общественную опасность в результате изменения обстановки как на территории всей страны, так и в отдельной местности, на конкретном предприятии и т.п. Примечательно, что основания, предусмотренные в ст. 50 УК РСФСР, не могли применять к лицам, виновным в совершении тяжких преступлений.

Руководствуясь ст. 51 УК РСФСР, в качестве следующего основания для реализации данного института законодатель устанавливал право суда на передачу дела в товарищеский суд. Вместе с тем в материальных и процессуальных нормах имела место двойственность установленных требований. С одной стороны, суд был наделен правом применить это основание в том случае, когда лицо впервые совершило преступное деяние, входящее в перечень, который установлен в уголовном законе. На основании ст. 10 УПК РСФСР, если совершено было малозначительное преступление, передачу материалов без возбуждения уголовного дела в товарищеский суд могли осуществить судебные органы. С другой стороны, в соответствии со ст. 7 УПК РСФСР реализация данного основания была возможна в порядке прекращения производства по уголовному делу. Обращение за разъяснением этого вопроса к Постановлению Пленума Верховного суда СССР № 2 от 26 марта 1960 г. показало, что реализация данного основания судом при рассмотрении малозначительных преступлений является обязанностью, а для судебного-следственных органов – правом³.

¹ Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон Верховного Совета РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 40. Ст. 591.

² Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.08.1961 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 35. Ст. 484.

³ О выполнении судебными органами постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания» и от 19 декабря 1959 г. «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями»: Постановление № 2 Пленума Верховного суда СССР от 26.03.1960.

Исходя из содержания ст. 52 УК РСФСР, значительное внимание законодателя было сконцентрировано на реализации такого основания, как передача виновного на поруки. Однако суд обязан был исключить наличие следующих обстоятельств: во-первых, если виновное лицо подлежало ранее осуждению за умышленно совершенное преступление; во-вторых, если данное лицо прежде уже было передано судом на поруки; в-третьих, если лицо не признало в суде себя виновным; в-четвертых, если лицо настояло на дальнейшем рассмотрении его дела в судебном порядке. В уголовно-процессуальных нормах предусмотрена была регламентация препятствующего для реализации данного института основания, связанного с наличием у лица судимости, подтверждением которой выступал вступивший в законную силу приговор, при этом данная судимость не являлась погашенной или не была снята в установленном законом порядке (ст. 9 УПК РСФСР).

Для применения данного основания законодатель предусмотрел следующие условия: 1) отсутствие большой общественной опасности лица и совершенного им преступления; 2) отсутствие тяжких последствий; 3) чистосердечное раскаяние лица; 4) ходатайство коллектива трудящихся или общественной организации. Законодатель, детализируя условия реализации вышеуказанных оснований, предусмотрел, что, во-первых, степень общественной опасности лица как основания для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 52 УК РСФСР, подлежит оценке с учетом: 1) мотива и цели совершения преступления; 2) данных о моральном облике виновного, включая его производственную характеристику, характеристику поведения в быту и т.п. Во-вторых, преступлениями, не повлекшими тяжких последствий, предписывалось считать неоконченные деяния (приготовление, покушение), а также преступные деяния, которые не причинили значительного вреда объекту посягательства. В-третьих, чистосердечное раскаяние предусматривало осуждение виновным на собрании организации или коллектива совершенного им преступления, из которого следовало, что: а) лицо смогло доказать как искренность желания, так и готовность изменить свое поведение коренным образом; б) имеет место возможность исправления данного лица без применения мер уголовного наказания. В-четвертых, условием для передачи лица на поруки по основаниям, указанным в ст. 52 УК РСФСР, являлось наличие ходатайства организации или коллектива трудящихся о передаче им лица для перевоспитания и исправления (ст. 9 УПК РСФСР). Ходатайство подлежало оформлению в виде решения общего собрания общественной организации (партийной, комсомольской, профсоюзной, кооперативной и др.) или коллектива трудящихся (бригады, цеха, фабрики, учреждения), легитимность которого должна была быть подтверждена голосованием и одобрением данного решения большей частью членов организации или коллектива, зафиксированными в протоколе собрания.

Передача на поруки представляла собой меру общественного воздействия, применение которой предполагало выполнение виновным в течение установленного срока ряда требований, среди которых первостепенное значение имело соблюдение норм социалистического общежития, сопряженное с избранием «примерного поведения» и осуществлением в коллективе, взявшем его

на поруки, «честного труда»), которые в совокупности должны свидетельствовать о его исправлении. Коллектив, в свою очередь, имел право при несоблюдении лицом вышеуказанных требований, а также в случае его уклонения от предусмотренных мер общественного воздействия или оставления данного трудового коллектива, обратиться в суд или прокуратуру с решением о намерении отказать в поручительстве. Для возможности данного обращения в законе был установлен испытательный срок в один год. В случае совершения лицом, взятым на поруки, повторного преступления в течение установленного в ст. 52 УК РСФСР годовичного срока оно подлежало привлечению к уголовной ответственности как за новое преступление, так и по делу, которое было прекращено в связи с передачей его на поруки.

В контексте намеченной уголовно-правовой политики по «искоренению» преступности, осуществляемому путем придания воспитанию и мерам общественного воздействия первостепенного значения¹, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество», способствующий введению специальных оснований для реализации исследуемого института. Законодатель установил два специальных основания, касающихся лица, давшего взятку: во-первых, если судом был установлен факт вымогательства; во-вторых, когда указанное лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся (ст. 174 УК РСФСР в редакции от 25 июля 1962 г.)².

Анализируя правоприменительную практику, можно привести статистические показатели об удельном весе прекращенных дел ввиду изменения обстановки по отношению к общему числу прекращенных дел: в 1962 г. – 7,3%; в 1963 г. – 8,4%; в 1964 г. – 9,8%. В 1964 г. имела место значительная доля (более 25%) впервые совершивших малозначительные преступления лиц, которые были освобождены судом от уголовной ответственности в связи с применением мер общественного воздействия [12. С. 383–384].

Новеллизация законодательной формулы, определяющей общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности, и проблемы ее реализации, имеющие место на правоприменительном уровне, повлекли активизацию уголовно-правовых исследований, характеризующихся неоднозначным толкованием нормы права. За сужение применения данного института высказывались М.П. Карпушин и В.И. Курляндский, которые считали, что его действие на практике влечет снятие с лица, совершившего преступление, обязанности отвечать за содеянное в уголовном порядке [9. С. 213–216]. Э.С. Тенчов, в свою очередь, предлагал данный институт рассматривать как особую разновидность реализации прав и обязанностей субъектов уголовного правоотношения, заключающуюся в: 1) отказе государства от права наказания

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 229–335.

² Об усилении уголовной ответственности за взяточничество: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.02.1962 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 8. Ст. 85.

преступника; 2) снятии претерпевания наказания, иных материально-правовых и процессуальных мер уголовного принуждения, включая обязанность несения судимости по приговору суда [18. С. 16].

Осмысливая качество законодательной формулы, раскрывающей основания реализации исследуемого института, Я.М. Брайнин отмечал возможность разграничения их на три группы. Научный спор вызвало его предложение отнести к первой группе «отсутствие состава преступления», к третьей группе – обстоятельства, которые не могут быть отнесены ни к одной из указанных групп [2. С. 246–249]. Поддержку среди исследователей получила его позиция относительно незначительной степени общественной опасности, которую ученый отнес ко второй группе. М.И. Федоров, развивая данный подход, сосредоточил внимание на противоречии, которое связано с регламентацией давности в качестве основания, подлежащего применению за совершение любого преступления [12. С. 386].

Практико-ориентированный интерес представляет точка зрения А.П. Чугаева, который подчеркивал, что важным следует признать, с одной стороны, устранение имеющейся правовой коллизии, связанное с исключением противоречий между материальными и процессуальными нормами, регулирующими освобождение виновного лица от уголовной ответственности, с другой – необходимость более четкого отграничения данного института от обстоятельств, устранивающих уголовную ответственность ввиду отсутствия события или состава преступления (материально-правовые основания, предусмотренные ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 11, ст. 10, 13, 14, 16 УК РСФСР) либо в силу погашения законом права на реализацию уголовной ответственности (процессуальные основания, регламентированные п. 3, 4, 6–10 ст. 5, ст. 253, 309 УПК РСФСР). Амнистию, давность и помилование ученый предлагал относить к обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу [24. С. 31–36].

На практическое значение правильного толкования норм уголовного закона в части понимания оснований и условий освобождения от уголовной ответственности указывал К.К. Вавилов, который полагал, что дальнейшего разъяснения заслуживают нормы, регулирующие применением мер общественного воздействия (ст. 51, 52 УК РСФСР) [4. С. 8–12]. Поддерживая данный подход, исследователи в качестве ведущего основания для освобождения определяли степень опасности содеянного [6. С. 13].

П.М. Давыдова и Д.Я. Мирских подчеркивали, что освобождение от уголовной ответственности следует применять к виновным в совершении преступлений лицам лишь в тех случаях, когда реализация уголовной ответственности противоречит осуществлению превентивной функции. Прекращение уголовного дела за истечением срока давности предусматривает установление события преступления и состава преступления с предъявлением обвинения или без такового. Что касается случаев прекращения дел ввиду изменения обстановки (ч. 1 ст. 50 УК РСФСР), обязательному представлению подлежит доказанное в полном объеме предъявленное обвинение [5. С. 82–83].

В связи с этим ученые обратили внимание на соотношение уголовных и уголовно-процессуальных норм, в ходе анализа которых был сделан вывод о том, что законодательный подход, изложенный в ст. 10 УПК РСФСР, исключает возможность полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела. Было установлено, что данные нормы противоречат содержанию ст. 3 Основ уголовного судопроизводства и выступают препятствием для противодействия развитию преступности.

В качестве проблемы на правореализационном уровне ученые обозначили правильное исчисление сроков давности при освобождении от уголовной ответственности. Если, согласно традиционному подходу, исчисление срока давности имело место с момента окончания преступления¹, то исследователи, указывая на существующее отличие между фактическим и юридическим его завершением, предлагают иной порядок определения срока давности в делящихся преступлениях. Изучению подлежали вопросы, связанные с отпадением общественной опасности личности, исключением общественной опасности реализованного деяния [2. С. 262]. Практическое значение имело решение вопроса относительно возможности применения при освобождении от уголовной ответственности мер административного воздействия.

Обозначенные выше проблемы вновь актуализировали поиск правовой модели регламентации института освобождения от уголовной ответственности. Новым вектором в исследовании становится разработка оснований их классификации. Ученые предложили два критерия, касающиеся: 1) характера постепреступного поведения лица [10. С. 81–82]; 2) целей уголовного закона и условий их достижения [3. С. 316–317].

Активизация научного поиска оптимальной модели института освобождения от уголовной ответственности сопровождалась принятием правовых решений в рамках выявленных проблем его реализации [14. С. 126]. С изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1974 г. «Об ответственности за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ» было введено новое специальное основание, предусматривающее освобождение от уголовной ответственности при условии добровольной сдачи лицом оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ.

Дальнейшая модернизация института освобождения от уголовной ответственности была предопределена регламентацией новых условий его реализации, касающихся не представляющих «большой общественной опасности» деяний, ответственность за совершение которых влекла лишение свободы на срок не свыше одного года либо более мягкое наказание (ч. 3 ст. 50, 50¹ УК РСФСР)². Внесение дополнения в ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР

¹ Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 (ред. 14.03.1963) // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963 гг. М.: Известия советов депутатов трудящихся, 1964. С. 188–190.

² Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах на работе товарищеских судов: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11.03.1977 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 12. Ст. 255.

и союзных республик 1958 г. (в редакции от 13 августа 1981 г.) расширило перечень условий, распространяемых в отношении данной категории преступных деяний, совершение которых могло повлечь: 1) привлечение виновного к административной ответственности; 2) передачу материалов дела на рассмотрение товарищеского суда; 3) передачу материалов дела на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних; 4) передачу лица на поруки трудовому коллективу или общественной организации. Что касается освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, то данное правило подлежало применению в отношении лиц, достигших на момент совершения противоправного деяния 16-летнего возраста.

На основе программных документов, определяющих уголовно-правовую политику, акцентируется внимание на таких инструментах общественного воздействия, как мнение трудового коллектива, убеждение, критическое слово печати и сила закона. В Постановлении ЦК КПСС 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» отмечалось, что ключевую роль играет курс на дальнейшее укрепление законности и правопорядка, совершенствование законодательства, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, развитие активности общественности, в том числе на улучшение работы по правовому воспитанию, добровольных народных дружин, товарищеских судов, общественных пунктов охраны порядка и иных органов общественной самодеятельности¹.

В ходе предпринятой в 1965–1982 гг. новеллизации норм, регулирующих основания освобождения от уголовной ответственности, последовательной детализации подлежали положения, закрепленные в ст. 51 УК РСФСР. В соответствии с новой ее редакцией (от 3 декабря 1982 г.), передача дела в товарищеский суд допускалась в отношении впервые совершившего преступление лица, если это деяние: 1) регламентировано в ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 130, ст. 131, ч. 1 ст. 141 УК РСФСР; 2) предусматривает возможность применения судом мер общественного воздействия; 3) квалифицируется с учетом его характера как малозначительное, в результате чего суд обязан установить, что виновный ввиду личностных особенностей может подлежать исправлению без назначения наказания, посредством мер общественного воздействия².

Внесенные редакционные изменения и дополнения в период 1982–1993 гг. отразились на содержании ст. 48 УК РСФСР³. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1984 г. «О внесении изменений и до-

¹ Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями: постановление ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. // Коммунист. 1979. № 4. С. 3.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.12.1982 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 49. Ст. 1821.

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.12.1982; О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон РСФСР от 05.12.1991 № 1982-1 // Российская газета. 1991. 25 дек.; О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: Закон Российской Федерации от 29.04.1993 № 4901-1 // Российская газета. 1993. 27 мая.

полнений в некоторые законодательные акты СССР об уголовной ответственности и уголовном судопроизводстве» в ч. 2 ст. 1 Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления» было внесено уточнение, касающееся замены формулировки «не подлежит уголовной ответственности» на «освобождается от уголовной ответственности». В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. № 3 (в редакции от 26 апреля 1984 г.) «О практике применения судами общих начал назначения наказания» подчеркивалась значимость принадлежащего судам права принятия решения в отношении лиц, совершивших деяния, содержащие признаки преступлений, о возможности их исправления и перевоспитания без применения уголовного наказания и при наличии оснований освобождения таких лиц от уголовной ответственности в порядке ч. 3 ст. 43 Основ уголовного законодательства. В результате удельный вес лиц, подлежащих освобождению от уголовной ответственности в связи с применением мер общественного воздействия, достиг 16%. Если проанализировать удельный вес лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с применением мер общественного воздействия, то показатели в 1988–1989 гг. составляли 37% и 34,6% соответственно. Незначительным удельным весом в указанный период отличается контингент лиц, в отношении которых было принято решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки (3,5% и 3,2%).

В рассматриваемый период исследователи активно высказывали позицию о необходимости дальнейшего сужения сферы применения наказания и расширения применения «мер воспитания и общественного воздействия» [13. С. 638]. Совершенствование уголовно-правовой политики ученые связывали с регламентацией мер общественного воздействия и развитием института освобождения от уголовной ответственности путем замены ответственности мерами административного или общественного воздействия. По мнению А.И. Бойцова и Н.А. Беляева, освобождение от уголовной ответственности – это отказ от применения к виновному в совершении преступления ретроспективной уголовной ответственности, основанный на уголовном законе и выраженный в определении суда, который имеет место в случае, если соблюдение виновным позитивных требований уголовного закона может быть обеспечено мерами воздействия иного характера [19. С. 467].

В условиях последовательной новеллизации уголовного законодательства ориентирами для совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также обеспечения правильного понимания содержания уголовно-правовых норм гражданами, законодателем, уполномоченными органами и должностными лицами становятся такие руководящие принципы, как законность, равенство граждан перед законом, неотвратимость ответственности, личная и виновная ответственность, справедливость, демократизм и гуманизм. Принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., обусловленное новыми политико-правовыми и социально-экономическими реалиями, повлекло обновление уголовно-правовой политики, в том числе путем

консолидации норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, в разделе VI «Освобождение от уголовной ответственности и наказания» Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г.¹ и гл. 11 «Освобождение от уголовной ответственности» Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.²

Представляется, что в настоящий период проблемы, связанные с адаптацией законодательной формулы, регламентирующей институт освобождения от уголовной ответственности, должны подлежать дальнейшему обновлению с учетом как правового опыта, так и новых достижений в области юридических наук. Обоснованной стоит считать позицию А.И. Рарога, который указывает, что освобождение от уголовной ответственности предполагает освобождение правонарушителя от всех юридических последствий совершенного уголовно наказуемого деяния [20. С. 463–464]. В.К. Дуюнов справедливо отмечает, что освобождение от уголовной ответственности возможно при наличии в деянии лица состава преступления, предусматривающего возможность как привлечения к уголовной ответственности, так и освобождения от нее. Реализация института освобождения от уголовной ответственности влечет прекращение производства по уголовному делу при доказанности факта совершения виновным лицом преступления [7. С. 32–33].

Применение института освобождения от уголовной ответственности обуславливает оформление органом судебной власти данного правового решения в специальном процессуальном документе в силу наделенной законодателем обязанности, влекущей отказ от уголовного преследования и официальной оценки в виде обвинительного приговора в отношении лица, в деянии которого имеют место все признаки состава преступления, в случае, когда наличествуют указанные в законе основания снисхождения. Подчеркивая роль освобождения лица, совершившего преступление, от уголовного преследования на стадии до вынесения судом обвинительного приговора, В.Ф. Цепелев пишет, что реализация данного института является выражением: 1) отказа от публичного государственно-властного порицания лица как преступника; 2) отказа от применения наказания; 3) аннулирования предусмотренных законом иных уголовно-правовых последствий совершенного преступного деяния [21. С. 242].

Вследствие этого обязательным является установление в уголовном законе «фактических и юридических условий», характеризующих лицо и реализованное деяние и свидетельствующих об отсутствии необходимости возложения на него уголовной ответственности. Развивая данный подход, следует принять во внимание мнение Н.С. Шатиной, которая отмечает, что освобождение от уголовной

¹ Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик от 02.07.1991 № 2281-1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/42d9c8d66_e7f43d449b0fb8ec66a566a488dbbc9.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/42d9c8d66_e7f43d449b0fb8ec66a566a488dbbc9.

ответственности, понимаемое как отказ от государственного осуждения преступника, предусматривает сохранение общественного (социального) осуждения [22. С. 857].

Выводы. Проведенный ретроспективный анализ развития института освобождения от уголовной ответственности позволил сформулировать вывод о том, что современная модель его регламентации основана на достижениях уголовно-правовой доктрины, наращивающей знания в данной области с учетом уголовно-правовой политики, определяемой актами стратегического планирования.

Активная правотворческая деятельность в предвоенный и послевоенный периоды, сопряженная с научными изысканиями в области юридической ответственности и различных ее видов в рамках отраслевой структуры права, способствовала законодательному оформлению данного института в уголовном праве и его поэтапной модернизации в контексте обозначенных в уголовном законе целей и задач.

Признавая наказание ведущим элементом в системе мер уголовно-правового воздействия, законодатель создал правовую модель, обеспечивающую возможность достижения поставленных целей и задач без использования карательной функции наказания и основанную на потенциале иных мер, что позволило предусмотреть возможность освобождения как от наказания, так и от уголовной ответственности в целом. Совершенствование законодательной модели регламентации института освобождения от уголовной ответственности было ориентировано на расширение перечня оснований и детализацию условий их реализации посредством мер воспитательного воздействия.

Созданная на основе учета достижений уголовно-правовой доктрины законодательная формула, регулирующая действие института освобождения от уголовной ответственности, характеризуется: 1) определением критериев, отграничивающих данный институт от института освобождения от наказания с учетом механизма уголовно-правового регулирования, включая установленные стадии и обозначение субъектов правореализационных полномочий; 2) закреплении оснований применения; 3) детализацией условий применения.

На современном этапе законодательная модель регламентации института освобождения от уголовной ответственности вновь заслуживает дополнительного научного анализа и адекватизации с учетом существенных изменений на внутригосударственном и международном уровнях, влекущих необходимость адаптации институтов уголовного права к новым политико-правовым реалиям.

Литература

1. Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 27 с.
2. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1963. 275 с.
3. Бусырев Н.А. Классификация видов освобождения от уголовной ответственности и наказания // Сборник аспирантских работ. Выпуск. 2. Свердловск, 1963. С. 316–317.
4. Вавилов К.К. Основания освобождения от уголовной ответственности по советскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964. 18 с.
5. Давыдов П.М., Мирский Д.Я. Прекращение уголовных дел. М.: Госюриздат, 1963. 100 с.

6. *Домахин С.А., Степанов В.Г.* Общественное поручительство. М.: Госюриздат, 1962. 99 с.
7. *Дуюнов В.К.* Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 49 с.
8. *Ермакова Е.Д.* Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 263 с.
9. *Карпушин М.П., Курляндский В.И.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. 231 с.
10. *Кригер Г.А.* Повышение роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и освобождение от наказания // Роль общественности в выполнении государственных функций в условиях развернутого строительства коммунистического общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. С. 81–82.
11. *Кузнецова Н.Ф.* Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М.: Юридическая литература, 1964. 95 с.
12. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1970. 671 с.
13. Курс советского уголовного права / отв. ред. Н.А. Беляев. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. Т. 5. 654 с.
14. Научно-практический комментарий УК РСФСР. М., 1964. 527 с.
15. *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного Кодекса СССР. Части Общая и Особенная. Одесса, 1924. 292 с.
16. *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право. Общая часть. М.: Гос. изд-во, 1924. 235 с.
17. *Пудовочкин Ю.Е.* Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Т. 12, вып. 3. С. 584–603.
18. *Тенчов Э.С.* Специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Иваново, 1982. 48 с.
19. Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания. СПб., 1992. 608 с.
20. Уголовное право России: в 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красников. М., 2000. 639 с.
21. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2017. 624 с.
22. Уголовное право России: Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 1064 с.
23. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М.: Эксмо, 2006. 1088 с.
24. *Чузаев А.П.* Малозначительное преступление и товарищеский суд. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1966. 297 с.

АВДЕЕВ ВАДИМ АВДЕЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор Высшей школы права, Югорский государственный университет, Россия, Ханты-Мансийск (vadim.avdeevich@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8614-6996>).

АВДЕЕВА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор кафедры основ российской государственности и цивилистики, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия, Иркутск (Avdeeva_O_A@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>).

Vadim A. AVDEEV, Olga A. AVDEEVA

**MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING LEGAL POLICY
IN THE FIELD OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE INSTITUTION OF
EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY
(retrospective analysis)**

Key words: national law, legal policy, criminal policy, crime prevention, exemption from criminal liability.

The current stage of the criminal justice system development is characterized by the emergence of new social threats, which actualizes the task of optimizing legislation. In these circumstances, the institution of exemption from criminal liability requires special attention: the ability of the criminal law to respond flexibly to changing realities depends on the effectiveness of its regulation. The analysis of law enforcement practice and a review of domestic legislative experience indicate the existence of inconsistencies in the legislative framework governing these legal relationships. The existing grounds and conditions for exemption from criminal liability do not fully meet today's needs, which necessitates their adaptation – bringing them into line with contemporary legal realities in order to enhance the effectiveness of the criminal law regulatory framework.

The purpose of the study is to analyze the main directions of improving legal policy in the field of the institution of exemption from criminal liability, as well as to reveal qualitatively new areas of crime prevention, taking into account a retrospective analysis of criminal legislation.

Materials and methods. The methodological basis of the research was made up of general scientific (system-structural, formal-logical, dialectical) and discipline-specific (formal-legal, comparative-legal) methods. General scientific methods made it possible to identify the stages in the development of legislation on exemption from criminal liability, whilst discipline-specific methods revealed the specific features of legislative formulations at each stage. The empirical base was formed by materials of judicial practice reflecting the use of the institute under study, the effectiveness of which was assessed using statistical and sociological methods.

Results. As part of implementing new directions in the criminal law policy, which guide the legislature towards ensuring the principle of inevitability of criminal liability, the institution of exemption from criminal liability—applicable to persons found guilty of committing a crime—was to be formalised in the criminal law. The study of legal experience showed that expansion of grounds for exemption from criminal liability largely predetermined an increase in the effectiveness of crime prevention. The significance of applying this legal concept lies in the fact that the model of legal regulation employed allows for the principle of inevitability to be reconciled with the principles of humanism and proportionality of punishment to the offence committed. A retrospective analysis of the successive modification of the legislative formula governing this institution showed the importance of individual grounds and conditions for its implementation, which deserve the attention of the legislator at the present stage. Improving the quality of the criminal law provision governing this institution in the modern context involves determining the extent to which the grounds and conditions are used to achieve the objective of criminal law relating to rehabilitation. This approach to combating crime is characterised by its social relevance, as it involves an active engagement of civil society organisations and their involvement by law enforcement agencies.

Conclusions. One of the main directions of implementing criminal law policy during the Soviet period was a widespread involvement of the public in implementing measures to combat crime, which predetermined the development of the institution of exemption from criminal liability and a subsequent definition of the grounds and conditions for its implementation. Involving experts in solving complex issues arising during implementation of this institution at the law enforcement level led to a variety of doctrinal approaches that laid the foundations for the subsequent modernization of criminal legislation. Increasing knowledge in the field of criminal law doctrine and understanding the problems of law enforcement practice served as the basis for updating criminal norms regulating the grounds and conditions for exemption from criminal liability. The legislator's practice-oriented approach to regulating the institution of exemption from criminal liability was associated with key areas of government policy that contribute to strengthening the rule of law and reducing crime through the use of other legal measures.

References

1. Balafendiev A.M. *Osvobozhdenie ot ugovnoyi otvetstvennosti v svyazi s pozitivnym post-kriminal'nym povedeniem: sotsial'no-pravovye predposylki, sushchnost' i sistematizatsiya vidov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Exemption from criminal liability in connection with positive post-criminal behavior: socio-legal prerequisites, essence and systematization of types. Abstract of Cand. Diss.]. Kazan, 2016, 27 p.

2. Brainin Ya.M. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave* [Criminal liability and its basis in Soviet criminal law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1963, 275 p.
3. Busyrev N.A. *Klassifikatsiya vidov osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya* [Classification of types of exemption from criminal liability and punishment]. In: *Sbornik aspirantskikh rabot* [Collection of graduate student papers]. Sverdlovsk, 1963, iss. 2, pp. 316–317.
4. Vavilov K.K. *Osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti po sovetskomu pravu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Grounds for exemption from criminal liability under Soviet law[^] Abstract of Cand. Diss.]. Leningrad, 1964, 18 p.
5. Davydov P.M., Mirskii D.Ya. *Prekrashchenie ugolovnykh del* [Termination of criminal cases]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963, 100 p.
6. Domakhin S.A., Stepanov V.G. *Obshchestvennoe poruchitel'stvo* [Public surety]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962, 99 p.
7. Duyunov V.K. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo vozdeistviya: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Mechanism of criminal-legal impact: theoretical foundations and practice of implementation: Abstract of Cand. Diss.]. Moscow, 2001, 49 p.
8. Ermakova E.D. *Spetsial'nye sluchai osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Special cases of exemption from criminal liability: Cand. Diss.]. Ryazan, 2006, 263 p.
9. Karpushin M.P., Kurlyandskii V.I. *Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya* [Criminal Responsibility and the Elements of a Crime]. Moscow, 1974, 231 p.
10. Kriger G.A. *Povyshenie roli obshchestvennosti v bor'be s narusheniyami sovetskoj zakonnosti i osvobozhdenie ot nakazaniya* [Increasing the role of the public in combating violations of Soviet legality and exemption from punishment]. In: *Rol' obshchestvennosti v vypolnenii gosudarstvennykh funktsii v usloviyakh razvernutoho stroitel'stva kommunisticheskogo obshchestva* [Increasing the Role of the Public in Combating Violations of Soviet Legality and Exemption from Punishment]. Moscow, Moscow University Publ., 1960, pp. 81–82.
11. Kuznetsova N.F. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti s peredachei dela v tovarishcheskii sud* [Exemption from Criminal Liability with Referral of the Case to a Comrades' Court]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1964, 95 p.
12. Belyaev N.A., Shargorodskii M.D., eds. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Chast' Obshchaya* [Course of Soviet Criminal Law. General Part]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1970, vol. 2, 671 p.
13. Belyaev N.A., ed. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava* [Course of Soviet Criminal Law]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1981, vol. 5, 654 p.
14. *Nauchno-prakticheskii kommentarii UK RSFSR* [Scientific and Practical Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow, 1964, 527 p.
15. Nemirovskii E.Ya. *Sovetskoe ugolovnoe pravo. Posobie k izucheniyu nauki ugolovnogo prava i deistvuyushchego Ugolovnogo Kodeksa SSSR. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Soviet Criminal Law. A manual for studying the science of criminal law and the current Criminal Code of the USSR. Part: General and Special]. Odessa, 1924, 292 p.
16. Piontkovskii A.A. *Sovetskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Soviet Criminal Law. General Part]. Moscow, 1924, 235 p.
17. Pudovochkin Yu.E. *Teoreticheskie voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva ob osvobozhdenii ot ugolovnoi otvetstvennosti* [Theoretical Issues of Improving Legislation on Exemption from Criminal Liability]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2021, vol. 12, iss. 3, pp. 584–603.
18. Tenchov E.S. *Spetsial'nye vidy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti* [Special Types of Exemption from Criminal Liability]. Ivanovo, 1982, 48 p.
19. *Ugolovnoe pravo na sovremennom etape: problemy prestupleniya i nakazaniya* [Criminal Law at the Modern Stage: Problems of Crime and Punishment]. St. Petersburg, 1992, 608 p.
20. Ignatov A.N., Krasikov Yu.A., eds. *Ugolovnoe pravo Rossii: v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Russia. Textbook for Universities. 2 vol. Vol. 1. General Part]. Moscow, 2000, 639 p.
21. Rarog A.I., ed. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya. 2-e izd., pererab. i dop.* [Criminal Law of Russia. General and Special Parts: Textbook for Bachelors. 2nd ed.]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 624 p.

22. Kropachev N.M., Volzhenkin B.V., Orekhov V.V. *Ugolovnoe pravo Rossii: Obshchaya chast'* [Criminal Law of Russia: General Part]. St, Petersburg, 2006, 1064 p.

23. Zhalinskii A.E., ed. *Uchebno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. 2-e izd., ispr. i dop.* [Educational and Practical Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. 2nd ed.]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 1088 p.

24. Chugaev A.P. *Maloznachitel'noe prestuplenie i tovarishcheskii sud* [Minor Crime and the Comradely Court]. Kazan, Kazan University Publ., 1966, 297 p.

VADIM A. AVDEEV – Doctor of Law Sciences, Professor, Higher School of Law, Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk (vadim.avdeevich@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8614-6996>).

OLGA A. AVDEEVA – Doctor of Law Sciences, Professor, Department of Fundamentals of Russian Statehood and Civil Law, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Irkutsk (Avdeeva_O_A@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>).

Формат цитирования: *Авдеев В.А., Авдеева О.А.* Основные направления совершенствования правовой политики в сфере законодательной регламентации института освобождения от уголовной ответственности (ретроспективный анализ) [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 1. С. 72–89. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/7>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-72-89.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ключевые слова: киберпреступность, информационно-телекоммуникационные сети, уголовное законодательство, сравнительное правоведение, компьютерные преступления, правовая модель, транснациональное сотрудничество, Будапештская конвенция.

Тотальная цифровизация и повсеместная интеграция информационно-телекоммуникационных сетей в социально-экономические процессы создают принципиально новую среду для противоправной деятельности. Киберпреступления представляют собой транснациональную угрозу безопасности, экономике и правам человека. Скорость технологических изменений существенно опережает законотворческий процесс, из-за чего правовое регулирование остается фрагментарным, а его применение – затрудненным, особенно ввиду трансграничной природы современных киберугроз. В связи с этим сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей криминализации в данной сфере представляется актуальным.

Цель исследования – выявить основные модели криминализации киберпреступлений в уголовном законодательстве зарубежных государств, определить системные закономерности их развития (включая тенденцию к конвергенции) и установить характерные национальные особенности формирующейся глобальной модели регулирования.

Материалы и методы. В основе работы лежит сравнительно-правовой, формально-юридический и историко-правовой анализ. Исследование опирается на тексты законов США, Великобритании, Китая, ЕС, международных конвенций и научную литературу.

Результаты. В мировой практике сформировались две основные модели криминализации киберпреступлений: интегративная (путем дополнения традиционных уголовных кодексов) и комплексная (на основе специализированных законов). В настоящее время наблюдается тенденция к их конвергенции и формированию гибридной модели. В результате сопоставления национальных правовых систем были выявлены ключевые особенности уголовно-правового регулирования киберпреступлений. В США акцент сделан на защите экономических интересов и критической инфраструктуры при широком толковании понятия «несанкционированный доступ». В праве Европейского союза доминирует гармонизация законодательства на основе Будапештской конвенции с приоритетом защиты приватности (GDPR). Китайская модель характеризуется жестким государственным контролем киберпространства и криминализацией распространения «вредной информации» в целях защиты суверенитета. Происходит экспансия объекта уголовно-правовой охраны на новые цифровые ценности (криптоактивы, целостность алгоритмических систем). Отмечена тенденция к криминализации подготовительных деяний, усилению защиты критической информационной инфраструктуры путем введения квалифицированных составов, а также интеграции норм о киберпреступлениях в контекст борьбы с организованной преступностью. Установлено, что эффективность противодействия зависит не только от законодательных норм, но и от технологических возможностей правоприменения и уровня развития трансграничного сотрудничества.

Выводы. Уголовное законодательство в сфере информационно-телекоммуникационных сетей демонстрирует глобальную конвергенцию подходов: формируется гибридная модель, ядром которой служат международные стандарты (Будапештская конвенция), а национальные особенности определяют специфические приоритеты (экономика в США, приватность в ЕС, суверенитет в Китае). Ключевой тренд – переход от реакции на инциденты к превентивному регулированию, включая криминализацию подготовительных действий. Однако окончательная эффективность борьбы зависит не столько от жесткости законов, сколько от способности правоприменителей работать с цифровыми доказательствами, налаживать трансграничное сотрудничество и соблюдать баланс между безопасностью и фундаментальными правами человека в цифровой среде.

Введение. Цифровая трансформация общества, характеризующаяся тотальной интернетизацией и интеграцией информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС) во все сферы жизнедеятельности, сформировала новый, виртуальный ландшафт криминальной активности. Преступления с использованием ИТС, или киберпреступления, перестали быть узкоспециальной проблемой и стали одной из ключевых угроз национальной и международной безопасности, экономической стабильности и правам личности [5. С. 34].

Ответом правовых систем на этот вызов стала активная модернизация уголовного законодательства. Однако скорость технологических изменений часто опережает законодательный процесс, что приводит к фрагментарности правового регулирования и проблемам правоприменения. В этой связи изучение зарубежного опыта становится не только академически значимым, но и практически востребованным для совершенствования отечественного правового механизма противодействия киберпреступности [2].

Цель исследования – выявить основные модели криминализации киберпреступлений в уголовном законодательстве зарубежных государств, определить системные закономерности их развития (включая тенденцию к конвергенции) и установить характерные национальные особенности формирующейся глобальной модели регулирования.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение) и специальные юридические методы познания. Ведущим выступил сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления уголовно-правовых норм, направленных против киберпреступности, в различных национальных системах (США, Великобритания, Китай, Россия, страны ЕС) и на международном уровне. Формально-юридический метод использовался для анализа структуры и содержания конкретных нормативных актов, таких как U.S. Computer Fraud and Abuse Act, британский Computer Misuse Act 1990, Уголовный кодекс КНР, Будапештская конвенция Совета Европы о киберпреступности (2001 г.) и директивы Европейского союза. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию законодательного регулирования от первых законов 1970-х гг. до современных комплексных актов. Материалами исследования послужили тексты международных конвенций, национальных законов и подзаконных актов, а также научные источники (монографии, статьи) по проблемам киберпреступности и сравнительного уголовного права.

Результаты исследования. Формирование правового регулирования киберпреступлений относится к 1970–1980-м гг., когда благодаря технологическому прогрессу появились предпосылки для хищения данных и вмешательства в работу ЭВМ. США выступили пионером в этой области, приняв первый специализированный закон «Florida Computer Crimes Act»¹ в 1978 г., а на федеральном уровне в 1984 г. – «Computer Fraud and Abuse Act»², который заложил основы американской системы противодействия компьютерным преступлениям.

¹ Florida Computer Crimes Act: § 815.04, Florida Statutes (2025). Available at: https://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0800-0899/0815/0815.html (Access Date: 2026, Jan. 24).

² Computer Fraud and Abuse Act. 18 U.S.C. § 1030. Available at: <https://www.justice.gov/jm/jm-9-48000-computer-fraud> (Access Date: 2026, Jan. 24).

Сформировались две основные модели криминализации. Интегративная (эволюционная) модель заключается во внесении новых составов преступлений, связанных с ИТС, в текст действующего традиционного уголовного кодекса путем его дополнения или модификации. Эта модель характерна для стран континентальной правовой семьи, таких как Германия, Франция, Испания и Россия. Ее преимущество состоит в сохранении системности и доктринальных основ уголовного права, а недостаток – в возможном несоответствии устоявшихся юридических конструкций (например, понятия «имущество») новым цифровым реалиям, таким как данные и криптоактивы. Вторая модель – комплексная (революционная) – предполагает принятие отдельного специализированного законодательного акта, посвященного исключительно компьютерным или информационным преступлениям. Эта модель широко распространена в странах общего права (например, в Великобритании действует *Computer Misuse Act 1990*¹), а также в ряде азиатских государств, в частности в Сингапуре, где принят *Computer Misuse and Cybersecurity Act*², включающий положения о кибербезопасности. Подход, заложенный в подобных специализированных актах, позволяет привлекать к уголовной ответственности не только за совершение окончательного киберпреступления, но и за сам факт организации или участия в преступном сговоре. Как отмечает И.Н. Мосечкиным, «лица, объединившиеся для совершения противоправных деяний, привлекаются к ответственности независимо от того, удалось ли им достигнуть желаемых результатов» [6]. Комплексная модель позволяет более гибко и детально регулировать специфические отношения, однако может создавать коллизии с общими нормами уголовного кодекса. На практике наблюдается конвергенция этих моделей: страны с интегративной моделью принимают специализированные законы о данных или кибербезопасности, а страны с комплексной моделью ссылаются на общие нормы уголовного кодекса при квалификации сопутствующих преступлений, таких как вымогательство или мошенничество.

Сравнительный анализ уголовно-правовых систем различных стран выявляет их ключевые особенности. Американское законодательство о компьютерных преступлениях базируется на *Computer Fraud and Abuse Act*³ и характеризуется широким понятием «несанкционированный доступ» к защищенному компьютеру, которое подвергается критике за чрезмерную карательность и правовую неопределенность, так как позволяет привлекать к ответственности даже за действия с общедоступными данными, если доступ к ним был получен «без разрешения» [3]. Акцент в США сделан на защите экономических интересов и критической инфраструктуры. При этом, как отмечается в исследовании, в американском законодательстве отсутствует единое определение преступлений против электронной информации, а уровень кодификации в этой области признается достаточно низким.

¹ *Computer Misuse Act 1990*. P. 18. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents> (Access Date: 2026, Jan. 24).

² *Computer Misuse Act 1993*. Chapter 50A. Available at: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CMA1993> (Access Date: 2026, Jan. 24).

³ *Computer Fraud and Abuse Act*. 18 U.S.C. § 1030 Available at: <https://www.justice.gov/jm/jm-9-48000-computer-fraud> (Access Date: 2026, Jan. 24).

Правовое пространство Европейского Союза стремится к максимальной гармонизации национальных законодательств, отправной точкой стала Будапештская конвенция 2001 г.¹ Европейская модель сочетает классические составы киберпреступлений с мощным акцентом на превентивную защиту систем и приватности, что отражено в таких документах, как Директива NIS2 и Общий регламент по защите данных. Однако, как показывает анализ, «по мере развития информационных технологий совершенствуются имеющиеся и разрабатываются новые меры по противодействию преступлениям экономической направленности» [4]. Это находит отражение в постоянной эволюции европейских директив, таких как заменившая устаревшее Рамочное решение Директива (ЕС) 2019/713, которая установила более жесткие требования в отношении оперативного реагирования, уведомления правоохранительных органов и стимулирования сообщений о киберпреступлениях. Европейская модель сочетает классические составы киберпреступлений с мощным акцентом на превентивную защиту систем и приватности, что отражено в таких документах, как Директива NIS2² и Общий регламент по защите данных (GDPR)³.

Китайский подход характеризуется жестким государственным контролем над киберпространством и приоритетом защиты национальной безопасности и общественного порядка, включая криминализацию распространения «вредной информации» в сети. Это является частью комплексной стратегии, в рамках которой Интернет рассматривается как ключевой сектор государственной инфраструктуры и суверенное пространство, требующее защиты от внешнего воздействия. Как отмечает ряд исследователей [1], кибербезопасность КНР обеспечивается не только законодательными запретами, но и активным развитием национальных информационных технологий, созданием специализированных кибернетических воинских подразделений (таких как «Голубая киберармия»), а также сотрудничеством государства с бизнес-структурами и техническими вузами для разработки собственных критических технологий. Стратегия направлена на достижение технологического доминирования и цифрового суверенитета, что включает контроль над внутренним интернет-пространством (в том числе над системой доменных имен) и пропагандистскую работу для формирования положительного образа страны за рубежом. Большинство государств-участников СНГ пошли по пути интегративной модели, дополнив свои уголовные кодексы статьями, аналогичными нормам Будапештской конвенции, с недавним смещением акцента на криминализацию кардинга и преступлений, связанных с криптовалютами.

¹ Конвенция о киберпреступности: [заключена в г. Будапешт 23.11.2001] [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 24.01.2026).

² Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union, amending Regulation (EU) No 910/2014 and Directive (EU) 2018/1972, and repealing Directive (EU) 2016/1148 (NIS 2 Directive). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022L2555> (Access Date: 2026, Jan. 24).

³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (Access Date: 2026, Jan. 24).

Анализ современного зарубежного законодательства позволяет выделить ряд общих тенденций. Происходит экспансия объекта уголовно-правовой охраны, включающая теперь не только данные и системы, но и целостность цифровых услуг, доверие к алгоритмическим системам, «цифровой покой» личности и криптоактивы. Наблюдается криминализация «подготовительных» деяний, когда устанавливается ответственность за создание или распространение инструментов для киберпреступлений даже при отсутствии последующих атак. Усиливается защита критической информационной инфраструктуры с введением квалифицированных составов и более суровых санкций. Нормы о киберпреступлениях интегрируются в контекст борьбы с организованной и террористической деятельностью. Активно развиваются механизмы экстерриториальной юрисдикции и международного сотрудничества, включая создание совместных киберподразделений и упрощенных каналов обмена электронными доказательствами. Вместе с тем сохраняются ключевые вызовы, такие как проблема атрибуции атак, правовое регулирование действий «хакеров в законе», обеспечение баланса между безопасностью и шифрованием, а также необходимость защиты фундаментальных прав и свобод.

Выводы. Уголовное законодательство зарубежных стран находится в состоянии динамичной адаптации к вызовам цифровой эпохи и демонстрирует конвергенцию подходов. Формируется конвергентная глобальная модель, ядро которой составляют нормы, направленные на защиту конфиденциальности, целостности и доступности данных и систем, а также на борьбу с компьютерным мошенничеством. В данное ядро интегрируются специфические национальные особенности: акцент на экономическую безопасность в США, на приватность и гармонизацию в ЕС, на государственный суверенитет в Китае. Ключевой тенденцией является переход от реагирования на инциденты к созданию комплексной упреждающей системы охраны. Однако ее эффективность зависит не только от строгости законов, но и от способности правоприменительных органов работать с цифровыми доказательствами и развивать трансграничное сотрудничество.

Для совершенствования отечественного законодательства целесообразно углубленное изучение европейского опыта гармонизации, механизмов быстрого реагирования и моделей публично-частного партнерства.

Литература

1. Каспарян К.В., Рутковская М.В. Специфические черты и перспективы развития электронного правительства в КНР в начале XXI столетия // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2021. № 2(20). С. 61–83.
2. Киберпреступность и уголовная политика: монография / под ред. А.И. Рагога. М.: Проспект, 2021. 304 с.
3. Кушков А.А. Зарубежный опыт обеспечения безопасности электронной информации уголовно-правовыми средствами (на примере США) // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2024. № 4(159). С. 135–141.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2019. 912 с.
5. Мосечкин И.Н. Уголовная ответственность за организацию устойчивой группы лиц, созданной для совершения преступлений в сфере компьютерной информации // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 14. Право. 2022. № 1. С. 28–45.

6. Щербакова А.В. Международно-правовое регулирование противодействия преступлениям экономической направленности, совершаемые посредством использования IT-технологий // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. С. 220–223.

КУРАКОВ АНТОН ВЯЧЕСЛАВОВИЧ – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kurakovbantong@gmail.com).

Anton V. KURAKOV

CRIMES INVOLVING THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Key words: *cybercrime, information and telecommunication networks, criminal law, comparative law, computer crimes, legal model, transnational cooperation, Budapest Convention.*

Total digitalization and a widespread integration of information and telecommunication networks into socio-economic processes create a fundamentally new environment for illegal activities. Cybercrimes pose a transnational threat to security, the economy and human rights. The pace of technological change is far outstripping the legislative process, with the result that legal regulation remains piecemeal and its application is hampered, particularly given the cross-border nature of modern cyber threats. In this context, a comparative legal analysis of foreign models of criminalisation in this area appears to be relevant.

The purpose of the study is to identify the main models of cybercrimes criminalization in the criminal legislation of foreign countries, to identify the systemic patterns of their development (including the tendency towards convergence) and to identify the characteristic national features of the emerging global regulatory model.

Materials and methods. The work is based on comparative-legal, formal-legal and historical-legal analysis. The research is based on the texts of the laws of the USA, Great Britain, China, the EU, international conventions and scientific literature.

Results. Two main models for cybercrimes criminalisation have emerged in the international practice: the integrative model (by amending traditional criminal codes) and the comprehensive model (based on specialised laws). Currently, there is a tendency for their convergence and forming a hybrid model. As a result of the comparison of national legal systems, the key features of the criminal law regulation of cybercrime were identified. In the US, the focus is on protecting economic interests and critical infrastructure, with a broad interpretation of the term "unauthorized access". European Union law is dominated by the harmonization of legislation based on the Budapest Convention with the priority of protecting privacy (GDPR). The Chinese model is characterized by strict state control of cyberspace and criminalization of disseminating "harmful information" in order to protect sovereignty. The object of criminal law protection is expanding to new digital values (cryptoassets, integrity of algorithmic systems). There has been a trend towards criminalising preparatory acts, strengthening the protection of critical information infrastructure through introduction of aggravated offences, and integrating provisions on cybercrime into the broader context of the fight against organised crime. It was established that the effectiveness of counteraction depends not only on legislative norms, but also on the technological capabilities of law enforcement and the level of cross-border cooperation development.

Conclusions. Criminal legislation in the field of information and telecommunications networks demonstrates a global convergence of approaches: a hybrid model is emerging, centred on international standards (the Budapest Convention), whilst national characteristics determine specific priorities (the economy in the US, privacy in the EU, sovereignty in China). The key trend is the transition from incident response to preventive regulation, including criminalization of preparatory actions. However, the ultimate effectiveness of the fight against crime depends not so much on the strictness of the laws as on the ability of law enforcement agencies to handle digital evidence, establish cross-border cooperation and strike a balance between security and fundamental human rights in the digital environment.

References

1. Kasparian K.V., Rutkovskaia M.V. *Spetsificheskie cherty i perspektivy razvitiia pravitel'stva v KNR v nachale XXI veka* [Specific features and development prospects of the government in the PRC at the beginning of the 21st century]. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva*, 2021, no. 2(20), pp. 61–83.
2. Rarog A.I., ed. *Kiberprestupnost' i ugolovnaia politika* [Cybercrime and criminal policy]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 304 p.
3. Kushkhov A.A. *Zarubezhnyi opyt obespecheniia elektronnoi informatsionno-pravovoi pomoshchi (na primere SShA)* [Foreign experience in providing electronic information and legal assistance (the example of the USA)]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii*, 2024, no. 4(159), pp. 135–141.
4. Lunev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii* [Course of world and Russian criminology]. Moscow, Norma Publ., 2019. 912 p.
5. Mosechkin I.N. *Ugolovnaia otvetstvennost' za organizatsiiu ustoichivoi gruppy lits, sozdannoi dlia soversheniia prestuplenii v sfere komp'iuternoi informatsii* [Criminal liability for the organization of a stable group of persons created to commit crimes in the sphere of computer information]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 14. Pravo*, 2022, no. 1, pp. 28–45.
6. Shcherbakova A.V. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodeistviia virusam ekonomicheskoi napravlenosti, osushchestvliemoe za schet ispol'zovaniia IT-tekhnologii* [International legal regulation of combating economic viruses through the use of IT technologies]. *Gosudarstvennaia sluzhba i kadry*, 2025, no. 3, pp. 220–223.

ANTON V. KURAKOV – Post-Graduate Student, Department of Criminal Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (kurakovbantont@gmail.com).

Формат цитирования: *Кураков А.В.* Преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в уголовном законодательстве зарубежных стран [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2026. № 1. С. 90–96. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2026/1/8>. DOI: 10.47026/2499-9636-2026-1-90-96.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антоновская Е.А., Васильева Ю.М.

Влияние ценностей поколения Z на кадровые процессы
в условиях трансформации государственной гражданской службы..... 1

Иванова И.А.

Мировой опыт перераспределения доходов для преодоления бедности
и неравенства и возможность его применения в России..... 10

Кузнецова Э.Г., Пенкин А.В.

Влияние налоговых льгот и региональной инфраструктуры
на венчурное финансирование на примере отдельных регионов России..... 19

Лазариди К.Л., Мушкетова Н.С.

Факторы мотивации академического персонала вузов:
эмпирический анализ и рекомендации для управления..... 39

Печенкин Д.В.

Саморегулируемые организации как элемент повышения эффективности
государственного управления в медиасфере..... 49

Романова А.А.

Межбюджетные трансферты и бюджетная обеспеченность
Чувашской Республики: анализ эффективности..... 60

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авдеев В.А., Авдеева О.А.

Основные направления совершенствования правовой политики
в сфере законодательной регламентации института освобождения
от уголовной ответственности (ретроспективный анализ)..... 72

Кураков А.В.

Преступления с использованием
информационно-телекоммуникационных сетей
в уголовном законодательстве зарубежных стран..... 90